
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 50 ДЕКАБРЬ 1974

ЕДИНСТВО И СЕ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 50 (2475)

7 ДЕКАБРЯ 1974

Торжественно отметила социалистическая Монголия 50-ю годовщину III съезда МНРП и провозглашения республики.

В юбилейных празднествах на монгольской земле приняла участие советская партийно-правительственная делегация во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым.

В Доме правительства в Улан-Баторе состоялось торжественное заседание Центрального Комитета Монгольской народно-революционной партии и Великого Народного хурала МНР. Доклад о полувековом пути братской народной Монголии сделал Первый секретарь ЦК МНРП, Председатель Президиума Великого Народного хурала МНР товарищ Ю. Цеденбал.

С речью на заседании выступил глава советской партийно-правительственной делегации Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев.

Волнующим событием стало торжественное присвоение Леониду Ильичу Брежневу высокого звания почетного гражданина Монгольской Народной Республики.

Товарищ Ю. Цеденбал вручил Леониду Ильичу Брежневу Золотую звезду почетного гражданина Монгольской Народной Республики и грамоту Президиума Великого Народного хурала МНР.

В Доме мира и дружбы был вручен орден Дружбы народов Обществу монголо-советской дружбы за большой вклад в дело укрепления братства наших народов.

27 ноября 1974 года в Улан-Баторе состоялась встреча советской партийно-правительственной делегации с руководством Монгольской народно-революционной партии во главе с Первым секретарем ЦК МНРП, Председателем Президиума Великого Народного хурала МНР Ю. Цеденбалом.

В тот же день состоялась дружеская беседа товарищей Л. И. Брежнева и Ю. Цеденбала. Она прошла в обстановке сердечности и полного единства взглядов по всем обсуждавшимся вопросам.

Визит и состоявшийся обмен мнениями между партийно-правительственной делегацией СССР и партийными и государственными руководителями МНР продемонстрировали решимость обеих партий и стран крепить и развивать нерушимую советско-монгольскую дружбу.

Встреча советской партийно-правительственной делегации с руководством Монгольской народно-революционной партии во главе с Первым секретарем ЦК МНРП, Председателем Президиума Великого Народного хурала МНР Ю. Цеденбалом.

РДЕЧНОСТЬ

Фото специального корреспондента «Огонька» А. ГОСТЕВА.

С большим успехом прошел праздничный концерт монгольских мастеров искусств в Государственном театре оперы и балета в Улан-Баторе. На концерте присутствовали члены советской партийно-правительственной делегации во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым, Первый секретарь ЦК МНРП, Председатель Президиума Великого Народного хурала Ю. Цеденбал и другие товарищи.

Соглашение по вопросам, связанным с дальнейшим развитием экономического сотрудничества между Советским Союзом и МНР, подписали член советской партийно-правительственной делегации, член ЦК КПСС, заместитель Председателя Совета Министров СССР И. Т. Новиков и член Политбюро ЦК МНРП, первый заместитель Председателя Совета Министров МНР Д. Майдар.

Встреча на Внуковском аэродроме.

Фото А. Столяренко.

Перед отлетом из Улан-Батора.

Орден Октябрьской Революции на знамени Таджикистана.

С НАГРАДОЙ РОДИН

Во время праздничной демонстрации.

В зале торжественного заседания, посвященного 50-летию образования Таджикской ССР и создания Компартии Таджикистана.

Ы, ТАДЖИКИСТАН!

Фото В. СВАРИЧЕВСКОГО, специального корреспондента «Огонька»

Радостно отметили трудящиеся Таджикистана, все советские люди 50-летие образования Таджикской Советской Социалистической Республики и создания Коммунистической партии Таджикистана.

В праздничном убранстве города, поселки, кишлаки республики. Кумачом расцвечены улицы и площади ее столицы — Душанбе. Перед фасадом республиканского Дома политического просвещения на флагштоках — Государственный флаг СССР, флаги всех братских союзных республик. Здесь состоялось совместное торжественное заседание Центрального Комитета Компартии Таджикистана и Верховного Совета Таджикской ССР, посвященное 50-летию образования республики и создания Компартии Таджикистана.

В зале — члены и кандидаты в члены ЦК Компартии Таджикистана, депутаты Верховного Совета республики, руководители партийных и советских организаций, передовики промышленности и сельского хозяйства, деятели науки и культуры, воины Советской Армии. Здесь же — многочисленные гости из всех союзных республик, городов Москвы и Ленинграда.

Аплодисментами встретили участники торжественного заседания члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного, кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидова, руководителей республики — первого секретаря ЦК Компартии Таджикистана Д. Расулова, Председателя Президиума Верховного Совета Таджикской ССР М. Холова, Председателя Совета Министров республики Р. Набиева. В президиуме также члены Бюро ЦК Компартии Таджикистана, руководители делегаций, прибывших на торжества, знатные производственники, представители общественности.

Торжественное заседание открыл тов. Д. Расулов. От имени коммунистов, всех трудящихся Советского Таджикистана он выразил сыновнюю признательность Коммунистической партии, ее ленинскому Центральному Комитету, Политбюро ЦК, лично Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Л. И. Брежневу за постоянную заботу о расцвете социалистических наций, укреплении братской дружбы советских народов, о благе и счастье советских людей.

С огромным воодушевлением участники торжественного заседания избирают почетный президиум в составе Политбюро ленинского ЦК КПСС во главе с товарищем Л. И. Брежневым.

Тепло встреченный собравшимися, на заседании выступил член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Н. В. Подгорный.

Товарищ Н. В. Подгорный зачитал Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Таджикской ССР орденом Октябрьской Революции и под продолжительные аплодисменты участников заседания прикрепил орден к знамени республики.

С докладом о 50-летии образования Таджикской Советской Социалистической Республики и Компартии Таджикистана выступил первый секретарь ЦК Компартии Таджикистана Д. Расулов.

На следующий день посланцы городов и кишлаков республики, жители Душанбе, многочисленные гости пришли на площадь В. И. Ленина. Здесь состоялись военный парад и демонстрация трудящихся. На трибунах — члены ЦК Компартии Таджикистана, депутаты Верховного Совета республики, ветераны революции, гражданской и Великой Отечественной войн, а также лучшие труженики промышленности, сельского хозяйства, видные деятели науки и культуры, гости из союзных республик, городов Москвы и Ленинграда.

Аплодисментами встретили собравшиеся члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного, кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидова, руководителей республики — первого секретаря ЦК Компартии Таджикистана Д. Расулова, Председателя Президиума Верховного Совета Таджикской ССР М. Холова, Председателя Совета Министров республики Р. Набиева. Вместе с ними на центральной трибуне — члены Бюро ЦК Компартии Таджикистана, руководители делегаций, прибывших на торжества.

Печатая шаг, по площади проходят молодые воины — наследники боевой славы отцов. Букетами цветов встречают собравшиеся колонну, в рядах которой воины-ветераны, спасшие мир от фашистской чумы.

Праздничное шествие в Душанбе стало яркой демонстрацией сплоченности советских людей вокруг ленинской партии, их преданности идеалам коммунизма, стремления отдать все силы, весь жар души делу дальнейшего расцвета, укрепления могущества Родины.

Мировая общественность продолжает уделять большое внимание итогам встречи между Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым и президентом США Дж. Фордом. Благоприятные отклики политических и государственных деятелей, представителей широкой общественности, прессы, идущие со всех концов земного шара, свидетельствуют о том, какое огромное значение придают во всем мире делу улучшения советско-американских отношений, которые рассматриваются как важный фактор всеобщей безопасности и мира.

Люди доброй воли приветствуют вновь подтвержденную решимость Советского Союза и Соединенных Штатов Америки и впредь развивать свои отношения в соответствии с заключенными в последние годы обоими государствами основополагающими договорами и соглашениями.

ВКЛАД В ДЕЛО МИРА

«Соглашения, достигнутые между Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым и президентом США Дж. Фордом, являются еще одним важным шагом в строительстве здания мира,— так оценивает итоги встречи во Владивостоке Генеральный секретарь Компартии США Гэс Холл.— Успех советско-американской встречи в верхах,— заявил он,— является подтверждением значения постоянной борьбы за мир, которую непрестанно расширял и двигал вперед Леонид Ильич Брежнев».

«Позитивные результаты, достигнутые во время встречи руководителей двух крупнейших государств мира,— указывает пакистанская газета «Морнинг ньюс»,— укрепляют надежду на то, что миллионы людей не будут втянуты в третью мировую войну. Успех советско-американского диалога на высшем уровне с большим удовлетворением встречен общественностью всех развивающихся стран, народами всех стран мира».

Указывая, что результаты первой встречи Л. И. Брежнева и Дж. Форда являются вдохновляющими, «Вашингтон пост» в редакционной статье пишет: «Ведя переговоры об ограничении стратегических вооружений, Генеральный секретарь ЦК КПСС и президент США сделали огромный шаг вперед к достижению важнейшей цели — заключению долгосрочного соглашения по этому вопросу. Тем самым уменьшена опасность того, что по истечении в 1977 году срока действия временного соглашения от 26 мая 1972 года произойдет усиление гонки вооружений».

Итоги советско-американской встречи в верхах и достигнутое согласие в области дальнейшего ограничения стратегических наступательных вооружений встречены с одобрением ведущими политическими деятелями США. «Я рад, что встреча между Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым и президентом США Дж. Фордом во Владивостоке была столь плодотворной,— заявил лидер демократического большинства в сенате М. Мэнсфилд.— Я надеюсь, что соглашения, достигнутые во время этих переговоров, будут успешно претворены в жизнь и что между нашими странами будут достигнуты новые соглашения, которые сделают возможным дальнейшее уменьшение бремени вооружений и ослабление угрозы термоядерного конфликта».

«Трудно преувеличить прогресс, достигнутый на встрече в районе Владивостока,—пишет финская газета «Пяйвян уутисет».— Учитывая развитие современной военной техники, каждый шаг по пути ограничения гонки вооружений обеспечивает существование человечества. Мирная политика Советского Союза свидетельствует о правильности выводов советского руководства в его борьбе за мир во всем мире».

«Правительство Федеративной Республики Германии расценивает итоги рабочей встречи Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева и президента США Дж. Форда как весьма позитивные,— заявил официальный представитель правительства ФРГ К. Беллинг.— Во Владивостоке были поставлены вехи, имеющие значение не только для развития советско-американских отношений. Они полезны для продолжения разрядки напряженности во всем мире. Следует надеяться, что результаты встречи окажут положительное воздействие на работу Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Результаты достигнутой между Л. И. Брежневым и Дж. Фордом договоренности могут дать новые импульсы всеобщей разрядке напряженности в мире, в чем заинтересовано и население ФРГ».

Широкие и положительные отклики государственных и политических деятелей, мировой печати, подчеркивающие большое значение встречи Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева и президента США Дж. Форда, стали новым убедительным свидетельством стремления общественности всех стран к прекращению гонки вооружений, созданию надежных гарантий против возникновения войны, к упрочению всеобщего мира.

ГОСТЬ «ОГОНЬКА»

Имя Николая Константиновича Рериха с особенной любовью произносится в России и в Индии. Открывшаяся недавно выставка произведений Н. К. Рериха в залах Академии художеств СССР — свидетельство близости двух великих культур. Столетний юбилей Николая Константиновича Рериха совпал с семидесятилетием его сына Святослава Николаевича Рериха — достойного продолжателя просветительской миссии отца.

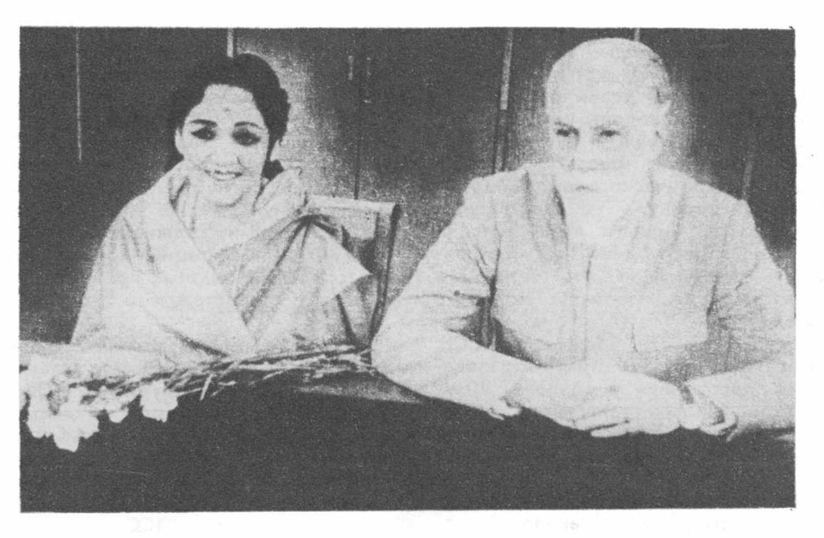
Почти одновременно с выставкой Н. К. Рериха в Третьяковской галерее открылась и выставка С. Н. Рериха. В творчестве Святослав Николаевич является учеником и последователем своего великого отца. На выставке представлено более 180 работ. Они охватывают различные периоды его художественной деятельности от 30-х годов до последнего времени.

Святослав Николаевич Рерих вместе со своей супругой Девикой Рани посетил редакцию «Огонька» и рассказал о творчестве Николая Константиновича Рериха.

Вот что он сказал:

— Николай Константинович Рерих был патриотом, воспевшим в своем творчестве родную землю, славную историю русского народа. Он писал самобытно, ярко, страстно. Николай Константинович обладал поистине энциклопедическими знаниями, стремился познать окружающую нас жизнь. Николай Рерих — это огромный, своеобразный мир, удивительный синтез мысли и волшебства красок. Для меня мой отец был олицетворением самых значительных человеческих качеств. Я привез в Москву более 130 картин, рисунков, эскизов Николая Константиновича.

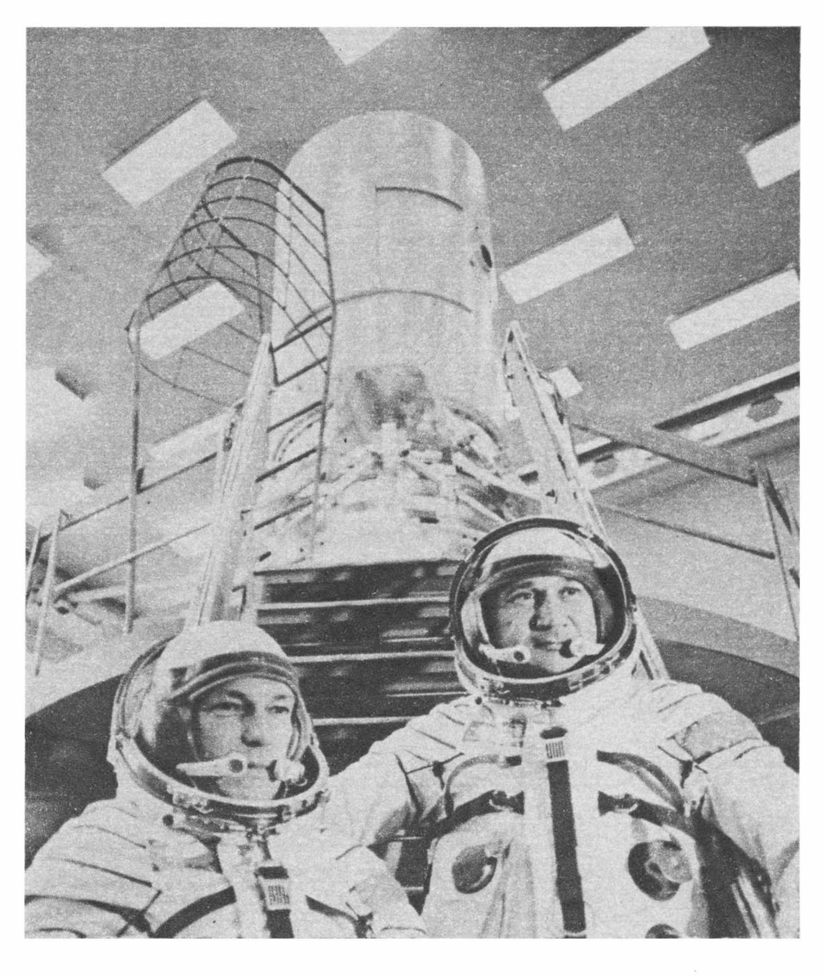
— Два великих народа,— сказал в заключение Святослав Николаевич Рерих,— имеют много общего. В настоящее время налажены хорошие отношения между нашими двумя странами. Необходимо и дальше расширять дружеские контакты на пользу народов Советского Союза и Индии.

На снимке: С. Н. Рерих с супругой Девикой Рани в гостях у «Огонька».

Фото А. Бочинина.

«Союз-16» в полете

Экипаж космического корабля «Союз-16» — Герои Советского Союза командир корабля А. В. Филипченко (справа) и бортинженер Н. Н. Рукавишников во время занятий в Центре подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина.

Фото А. Пушкарева (ТАСС).

Полетом «Союза-16» начался один из важнейших этапов подготовки к совместному советско-американскому эксперименту по программе «Союз» — «Аполлон».

Командир экипажа «Союз-16» — летчик-космонавт СССР полковник Анатолий Филипченко. Ему сорок шесть лет. До прихода в Звездный городок окончил Военно-воздушную академию. Он один из участников полета «космической эскадры» в составе трех кораблей «Союз», совершивших маневрирование в космосе в октябре 1969 года под командованием летчика-космонавта СССР, ныне генерал-майора авиации Владимира Шаталова.

Второй раз стартовал в космос Николай Рукавишников — воспитанник Московского инженерно-физического института. До прихода в Звездный городок он проявил себя, участвуя в создании космической техники, в конструкторском бюро, которым руководил Главный конструктор советских космических кораблей академик Сергей Королев. Свой первый полет инженер совершил в апреле 1971 года в составе экипажа «Союз-10», командиром которого был также Владимир Шаталов, а в качестве бортинженера — летчик-космонавт СССР Алексей Елисеев, ныне один из участников программы «Союз» — «Аполлон». В те дни экипаж «Союз-10» впервые провел стыковку корабля «Союз» со станцией «Салют», тем самым положил начало изучению и освоению космоса с орбитальных станций.

Незадолго до старта корабля «Союз-16» я встретился с его экипажем.

— В чем научно-техническое значение вашего полета для программы «Союз» — «Аполлон»? — спросил я.

— Этим экспериментом,— отвечает Н. Рукавишников,— будет положено начало совместному исследованию и использованию космического пространства в интересах прогресса крупнейшими космическими странами СССР и США. Что касается нашей задачи, то она в основном сводится к испытанию нового стыковочного, так называемого андрогинного, узла. Подобный агрегат сконструирован впервые и впервые устанавливается на советском и американском кораблях. Нам предстоит также опробовать систему жизнеобеспечения, которая претерпела некоторые изменения в связи с пересмотром параметров атмосферы и давления в советском и американском кораблях и созданием специального шлюза для перехода космонавтов из корабля в корабль. Полет по программе «Союз» — «Аполлон» должен пройти без сучка и задоринки. Наше путешествие в космосе рассчитано на время, достаточное для тщательной проверки всех систем корабля, прежде всего стыковочного агрегата и, как я уже сказал, системы жизнеобеспечения.

— Скажите, пожалуйста, можно ли установить надежность нового стыковочного узла в условиях полета лишь одного корабля?

— Возможно, — утверждает А. Филипченко.— Напомню, что из нашей программы, естественно, исключены такие этапы, как поиск корабля кораблем, сближение, причаливание. Сама стыковка осуществляется благодаря наличию на корабле специального имитирующего кольца. Технические операции, а их около двадцати, позволят провести стыковку, а затем расстыковку с имитирующим кольцом. Все это произойдет так, будто мы соединяемся с кораблем «Аполлон».

— В какой мере полет, совершенный в 1969 году, поможет вам, Анатолий Васильевич, в выполнении новых задач?

— Определенный опыт пилотирования «Союза», на котором я летал, конечно, будет полезен,— говорит А. Филипченко.— Но четыре года назад я участвовал в групповом полете. Предстоящий полет одиночный. В этом разница. Мы сосредоточим наше внимание на решении новых задач — проверке радиотехнических средств: антенн, передатчиков, приемников, установления, применительно к будущей работе с «Аполлоном», надежной связи с наземными службами. Кроме того, наш «Союз» должен сформировать орбиту с определенными параметрами, точнее, такую же, на какую в будущем году выйдет корабль, пилотируемый Леоновым и Кубасовым. В известной степени мы проиграем все те операции, которые предстоит осуществить в июле 1975 года.

— Вы сказали об опробовании систем связи. Предусматриваются ли переговоры с Хьюстоном?

— В принципе мы можем это сделать,— отвечает А. Филипченко.

— Мы тренируемся на радиообмене,— добавляет Н. Рукавишников.— Вести его с американцами мы можем и на английском языке.

— Чем объяснить, что стыковочный агрегат испытывается в условиях космоса только советской стороной?

— У американских специалистов своя система испытаний,— продолжает Н. Рукавишников.— Они считают, что достаточно лабораторных. Стендовые испытания проводятся и у нас, но наши специалисты полагают, что в реальном полете проверка систем более надежна.

— Новый стыковочный узел — это результат содружества специалистов обеих стран?

— Вскоре после того, как была принята программа «Союз» — «Аполлон»,— говорит Н. Рукавишников,— начались регулярные встречи советских и американских специалистов, которым предстояло осуществить намеченный эксперимент. Во время первых встреч договорились о модификации «Аполлона» и «Союза», в частности, о разработке единого андрогинного агрегата для стыковки. При конструировании его кое-что взято у американцев из их «Аполлона» и кое-что из системы «Союз» — «Салют».

— Чем вы занимались после первого полета, Анатолий Васильевич?

— Сразу после возвращения из космоса и короткого отдыха,— вспоминает А. Филипченко,— я подключился к работе экипажа Андрияна Николаева — Виталия Севастьянова. Мы тренировались. Потом участвовали в подготовке по программе «Салют». С нее я перешел к работе по советско-американской программе. Должен сказать, что она очень напряженна. К обычным задачам, с которыми сталкиваются космонавты при подготовке к любому космическому полету, прибавилась еще одна — изучение английского языка.

— Расскажите о себе теперь вы, Николай Николаевич.

— После моего полета в апреле 1971 года на корабле «Союз-10» вместе с Владимиром Шаталовым и Алексеем Елисеевым я продолжал одно время работать в конструкторском бюро, участвовал в разработке и модификации космической техники. Мы, инженеры-испытатели, в этом плане ничем не отличаемся от летчика-испытателя на авиационной фирме. Задача каждого инженера, слетавшего в космос,— дать заключение по технике, внести свои предложения, а если представится возможность, то и принять участие в ее разработке. После полета мы обязаны будем дать объективную оценку системам корабля, особенно стыковочному узлу, и другим, которые решено использовать при проведении советско-американского эксперимента в космическом пространстве. И мне изучение английского дается нелегко. Но чем лучше мы владеем им, тем легче общаться с нашими американскими коллегами, которым наш, русский осваивать тоже трудно. Надо сказать, американские космонавты — хорошие парни, любящие шутку, юмор. На мой взгляд, все они обладают высокими техническими знаниями, любят свое дело.

— Что бы вы могли сказать вообще об идее совместного изучения и освоения космоса народами мира?

— Эта идея не нова,— замечает А. Филипченко,— ее обосновал более полувека назад наш великий Циолковский в своей повести «Вне Земли». В подготовке космического путешествия, описываемого Циолковским, участвуют ученые разных национальностей — русский, американец, француз, немец, англичанин и итальянец. Это символично и близко по духу настоящему времени.

Обозреватель ТАСС
А. РОМАНОВ,
специально для «Огонька»

БЫЛИННОСТЬ И ОГОНЬ СОВРЕМЕННОСТИ

Юрий МЕЛЕНТЬЕВ

«Искусство Палеха заслуживает того, чтобы быть среди величайших работ всех времен...»

Рокуэлл Кент.

скусству орденоносного советского Палеха исполнилось 50 лет. 5 декабря 1924 года в доме Александра Васильевича Котухина семеро палешан основали знаменитую «Артель древней живописи», положившую начало звонкому, как былинное слово, и близкому нам, как прекрасная советская новь, искусству, которое с той поры не перестает удивлять красотой и неисчерпаемостью композиций, глубиной прочтения сюжетов литературных и взятых прямо из жизни, щедростью своих неувядаемых сказочных красок.

Зачинателями великого дела стали бывшие «богомазы» — Иван Иванович Голиков, Иван Михайлович Баканов, Иван Васильевич Маркичев, Иван и Александр Ивановичи Зубковы, Александр и Владимир Васильевичи Котухины. Вскоре к ним присоединились Иван Петрович Вакуров, Николай Михайлович Зиновьев и многие другие мастера старинного иконописного дела. Это, как писал Ефим Вихрев, «созвездие Иванов» путеводно светит каждому, кто пришел или приходит к чудотворному источнику лаковой миниатюры.

Сегодня, когда искусство палешан получило всеобщее признание, когда шкатулки, пластины, броши, открытки, книжная графика и стенная роспись палехских мастеров, а также мастеров Мстеры и Хо́луя, стали неотъемлемой частью советского искусства, нашего социалистического быта, кажется невероятным, что исторически еще совсем недавно такой лаковой росписи не существовало, что она рождалась в сложной борьбе, в яростном столкновении мнений, что у нее было немало влиятельных противников, что ее подстерегали многие опасности и препятствия.

К нашему счастью, с первых шагов палешан в поисках нового у них нашлись заинтересованные и преданные друзья, без поддержки которых трудно было бы найти себя, устоять в сложном переплетении теоретических и практических изысков в искусстве прошедших лет.

О Палехе, о чудесном искусстве лаковой миниатюры существует большая литература — солидные монографии, сборники статей самих палешан и о них, популярные книги. Это естественная дань тому интересу, который все эти 50 лет вызывало и продолжает вызывать необыкновенное мастерство «крестьян-академиков», их сказочная современность, возможность сказать бесконечно много в самом малом сюжете, их прекрасная способность к саморазвитию, их желание и умение передавать свое искусство новым поколениям.

В некоторых статьях, появившихся в последние годы, этимология современного Палеха рисуется примерно так: с уходом из быта икон в предреволюционные и послереволюционные годы отряд потомственных художников, владевших живописным мастерством, оказался не у дел. Многие из них крестьянствовали, приобретали иные профессии. Только наиболее упорные искали пути для применения своих способностей. Выход был найден, когда И. И. Голиков, И. П. Вакуров в московской мастерской Глазунова попробовали расписывать коробочки и пластинки из папье-маше, подобно тому, как это делали на лукутинских лаковых шкатулках народные мастера подмосковного села Федоскино. Федоскинцы писали свои сюжеты масляными красками, палешане — традиционно сохранившейся яичной темперой. Звонкость красок, новые сюжеты и талантливость мастеров предопределили успех предприятия палешан.

Все это очень похоже на правду и вроде бы соответствует фактам, но вместе с тем весьма упрощает историю возникновения искусства советского Палеха, ибо подменяет фактологической схемой живую, полную драматизма и качественных скачков, поистине революционную работу коллектива и отдельных художников, совершивших действительный переворот в процессе преодоления догматической ремесленности иконописи и перехода к свободному искусству, основанному на подлинно творческом использовании лучших традиций «суздальского письма».

Палех — один из древнейших центров иконописных промыслов Владимиро-Суздальской Руси. Легенды относят возникновение поселения к временам лихолетья, когда орды Батыя разгромили Северо-Восточную Русь, разграбили и повергли в прах красавцы города Владимир и Суздаль. Среди бежавших в глухие окрестные леса могло быть немало ремесленников-умельцев, иконописцев, мастеров фресковой живописи, обитателей городских посадов. Они будто и заронили в лесных поселениях Палеха, Холуя, Мстеры зерна великой умелости, которые позже взошли неистребимой жаждой прекрасного и живой эстафетой поколений донесли до двадцатого века отблески древнерусской художественной культуры.

Впервые письменные источники упоминают Палех в XVII веке. Упоминают уже в связи с развитым в этих краях ремеслом иконописания. На ярмарках, в коробах офеней, расхожих торговцев-коробейников, все чаще появляются узорные изделия палешан, которые ценятся и в хоромах набожных знатоков изографского искусства, и в крестьянских избах на необъятных просторах России.

Семнадцатый век, как известно,— время больших перемен, больших исторических сдвигов, когда после смутного времени иноземных нашествий складывалось в России ощущение единства, создавался общероссийский рынок, бурно развивались торговля, ремесла, обретала силу умелость посадского люда, энергия торгового человека.

Третье сословие заявляло о себе в борьбе с засильем монастырей, в антиниконианских движениях, в попытках строить и расписывать «божьи дома» по-своему.

Московские, ярославские посадские храмы спорили и величиной и красотой своей с сооружениями бояр и монастырскими постройками.

В ковровых росписях храмов-новоделов принимали активное участие изографы-палешане. Артели знатоков фресковой живописи складывались из лучших мастеров-палешан. Они широко приглашались в Новгород, в северные города, в древние и новые города Поволжья. Сама столица все чаще прибегала к услугам палехских умельцев, которые не только подновляли, но и писали вновь в самых знаменитых сооружениях Москвы.

Поездки, многомесячные, а иногда и многолетние работы по росписи храмов необычайно обогащали художественный опыт, расширяли кругозор палешан-отходников. Возвращаясь в родное село, они приносили и распространяли в своей среде приемы замечательных иконописных школ, лучшее из разных стилей художественного письма: византийско-

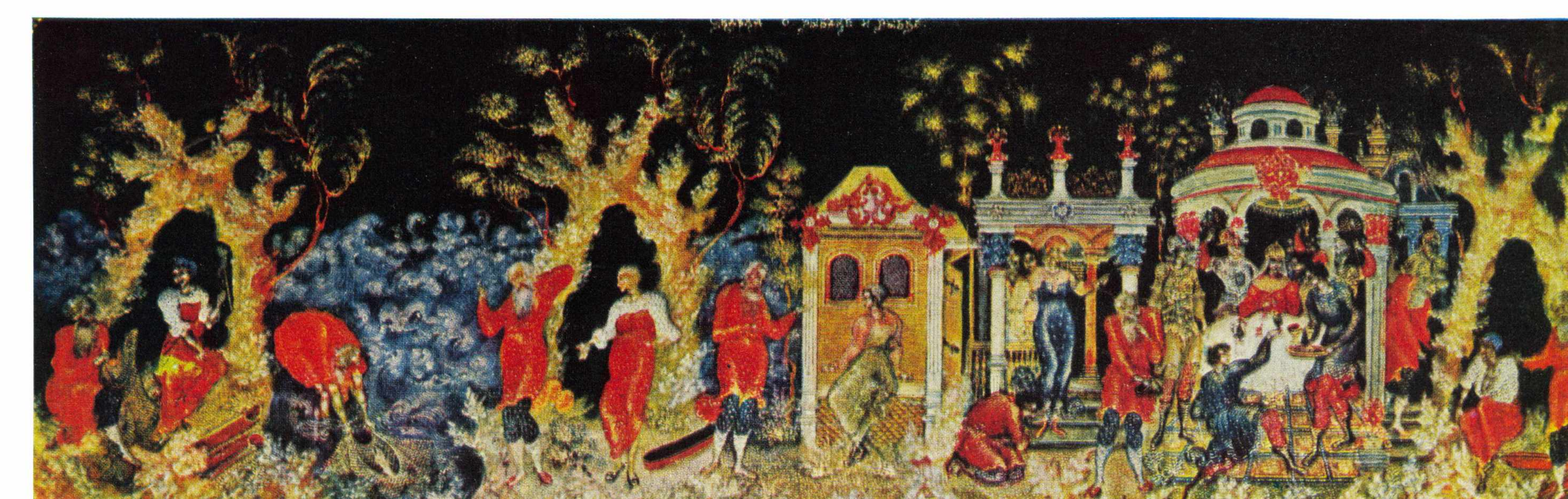
И. Голиков. РЕЧЬ СТЕПАНА РАЗИНА.

Село Палех.
Фото А. Зыбина.

«СКАЗКА О РЫБАКЕ И РЫБКЕ».
По мотивам сказки А. С. Пушкина.

А. Котухин. В ОСВОБОЖДЕННОМ СЕЛЕ.

И. Маркичев. СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ РАБОТЫ. 1935.

го, новгородского, строгановского, московского, ярославского. Наиболее талантливые представители всех поколений умельцев-палешан, синтезируя приемы и стили, постепенно вырабатывали свою самобытную палехскую манеру иконописи.

Представление об этой манере могут дать сегодня иконы палехского письма, хранящиеся в музее искусства палешан. Это живопись знаменитых акафистов, это стенные росписи Крестовоздвиженской церкви, относящиеся к самому началу XIX века, это стенопись, до сих пор украшающая Грановитую палату Московского Кремля, выполненная палехской артелью во главе с братьями Белоусовыми в 1881 году.

Самое сравнение фресковой живописи Крестовоздвиженского храма в Палехе и росписей Грановитой палаты может многое рассказать об истории древнего творчества, которое во второй половине XIX века начало клониться к упадку.

Капитализм безжалостно вторгался всюду. Дешевые творения фабричного образца пробились даже в иконопись, заставляя древние промыслы перестраиваться на капиталистический лад. Старейшины-палешане еще помнят тяжелое безвременье, когда творческое начало было задавлено алчностью хозяев мастерских, в которых производство было раздроблено на мелкие «мануфактурные» операции. Иконные воротилы — промышленники завели своего рода конвейеры, где каждый участник производства, лишенный смысла творчества, механически выполнял отдельные операции.

Труд крестьян-художников, когда-то приносивший не только хлеб насущный, но и известное удовлетворение, превратился тогда в тяжелое бремя полуфабричного штампа, где уже не было места для творческого порыва, для индивидуального почерка, для мастерства.

Весь неприглядный процесс создания ремесленного продукта, всю духовную и физическую тяжесть изнуряющего и одуряющего труда иконописца с потрясающей силой запечатлел Алексей Максимович Горький, которому самому довелось в скитаниях по Руси вкусить атмосферу одной из иконописных «мануфактур». В восьмидесятых годах он был принят учеником в мастерскую выходца из Палеха нижегородского хозяйчика Дмитрия Салабанова. Зоркий глаз будущего писателя ухватил самую суть мертвящей обстановки, в которой мучились талантливые представители крестьянского художества из Палеха, Холуя, Мстеры. Позднее в повести «В людях» он напишет:

«Иконопись никого не увлекает; какой-то злой мудрец раздробил работу на длинный ряд действий, лишенных красоты, не способных возбудить любовь к делу, интерес к нему. Косоглазый столяр Панфил, злой и ехидный, приносит выстроганные им и склеенные кипарисовые и липовые доски разных размеров; чахоточный парень Давидов грунтует их; его товарищ Сорокин кладет «левкас»; Миляшин сводит карандашом рисунок с подлинника; старик Гоголев золотит и чеканит по золоту узор; доличники пишут пейзаж и одеяние иконы, затем она, без лица и ручек, стоит у стены, ожидая работы личников.

Очень неприятно видеть большие иконы для иконостасов и алтарных дверей, когда они стоят у стены без лица, рук и ног,— только одни ризы или латы и коротенькие рубашечки архангелов. От этих пестро расписанных досок веет мертвым; того, что должно оживить их, нет, но кажется, что оно уже было и чудесно исчезло, оставив только свои тяжелые ризы.

Когда «тельце» написано личником, икону сдают мастеру, который накладывает по узору чеканки «финифть»; надписи пишет тоже отдельный мастер, а кроет лаком сам управляющий мастерскою, Иван Ларионыч...»

Не мудрено, что во всем этом царстве «богомазов» процветает забитость, беспросветность, злые шутки, заунывные, как сама их жизнь, песни. Но вот врывается в затхлый мирок свежий ветер большого искусства: грамотей Алеша читает вслух лермонтовского «Демона», и надо было видеть, как преображаются забитые жизнью люди. Замечательный мастер Жихарев, знаток подлинников, по которым копируются изделия мастерской, загорается страстной мечтой написать Демона посвоему, не так, как предписывают иконы.

«Связали нас подлиннички эти... Надо сказать прямо: связали!..»— горько жалуется Жихарев.

«Что мы знаем? Живем без окрыления... Где — душа? Душа — где? Подлиннички — да! — есть. А сердца — нет...»

В этом разговоре обескрыленного мастера — тоска творческого человека по подлинному делу, по художнической дерзости, которая томила наиболее талантливых палешан и которая не могла в силу рабских условий капитализма и царизма вылиться в поиск и рождение нового искусства.

Знаменитый палешанин, совсем недавно первым среди народных умельцев получивший звание народного художника СССР, Н. М. Зиновьев вспоминает о той поре: «Мастера знали, сколько волос на голове у Николая-Чудотворца, от них требовали писать столько же, и не больше и не меньше. Какое уж тут творчество?!»

Выход виделся один — бежать из иконописи. Так вырвался из оков ремесленничества и пришел в большое профессиональное искусство потомственный палешанин Павел Корин.

Революционные ветры, освежающие грозы Октября ворвались и в душную атмосферу иконописных мастерских. Революция рассеяла религиозный дурман, сделала ненужными кипарисовые и липовые доски, изукрашенные ремесленным старанием «богомазов». Но, явив собой величайший пример отрицания рутины, беспощадно ломая мир насилия и эксплуатации, наша революция свершалась во имя созидания. Очистительный поток разрушения, подобно разливу древнего Нила, содержал в себе все элементы будущего урожая, в том числе и на ниве искусства.

Умирала религиозность, умирала иконописная ремесленность, но живой дух искусства, который пробивал себе дорогу в тысячелетней древнерусской традиции, должен был дать и в конечном счете дал неожиданный и радостный росток нового искусства палешан.

Его будущие творцы шли к рождению нового разными, подчас нелегкими путями. Многие пробивались к нему в атаках красной конницы, с винтовкой продотрядов, с кистью красных плакатистов и художников революционного театра. Другие вбирали в себя полыхание нови, крестьянствуя, занимались далеким от живописи ремеслом, то теряя, то обретая надежду, что их художественные навыки и тяга к искусству могут еще пригодиться народу, людям труда, взявшим власть в свои руки.

Первая попытка организовать в Палехе художественную артель произошла вскоре после революции. В артель набралось много бывших «личников», «доличников». Брали всех без разбора. Благо дело было несложным, расписывали деревянные изделия, кто во что горазд. Тогда работа не пошла. Она не пользовалась спросом, не давала заработков, да и не радовала самих художников. Но не только непривычная роспись по дереву, не только невыгодность материала, но сама психологическая неподготовленность бывших иконописцев к переходу в новое русло предопределили тогда поражение первой артели. Революция должна была пройти через сознание палешан, перепахать их взгляды на жизнь, самое их художественное видение. Нелегкую задачу революционного переосмысления традиционного искусства первым взял на себя Иван Иванович Голиков.

Этот неугомонный представитель «созвездия Иванов», яростный проповедник вихревого искусства Палеха — ярчайший пример того, как революция спасала, возрождала почти загубленный в условиях царизма, поистине самобытный талант. В мире иконописцев Голиков был известен как ничем не выделяющийся «доличник», умевший писать лишь складки одежды и условный пейзаж. В начале своего послереволюционного поиска ему даже пришлось учиться у товарищей писать лица своих новых персонажей. Известно, что вариант позднее знаменитого мотива «Степан Разин» был написан на фанерной дощечке совместно с «личником» Балденковым, который разделял творческий порыв и революционные настроения Голикова.

Гениальным открытием И. И. Голикова стало использование темперных красок и золота для росписи папье-маше. Но, даже найдя наиболее эффективную форму применения творческих возможностей и мастерства палешан, он не успокоился и продолжал пробовать росписи по фарфору, металлу, стеклу, по перламутру, писал на холсте и даже на отшлифованных морем камнях. Неутомимая натура первооткрывателя, стремительно расцветший громадный талант сделали его первопроходцем новопалехского стиля в театрально-декорационном искусстве и книжной графике.

Лишенный ранее возможностей для серьезной учебы, он жадно впитывает в себя теперь все достижения, все духовные проявления обновленного мира. Поездки по стране, глубокое знакомство с театром, упорная работа в библиотеках — все это отзывается открытиями невиданного ранее искусства.

Сначала будто ощупью, а потом все увереннее он создает небывалые композиции, которые и сегодня поражают темпераментом, слитностью формы и содержания, безудержной фантазией художника. А в ту пору они казались, да и не могли не казаться, великой дерзостью, художественным взрывом.

Именно кисти Голикова искусство советского Палеха прежде всего обязано тем, что оно органически влилось в общий революционный поток.

«Красный пахарь», «Речь Степана Разина к голытьбе», «Речь Степана Разина к казакам», «Вниз по матушке по Волге», варианты многочисленных вихревых схваток и битв, наконец, прямое обращение к теме красных партизан делают его певцом революции, певцом народных героев, певцом самого трудового и революционного народа.

Любовь к вождю и художественная дерзость привели Ивана Голикова к мысли о воплощении образа В. И. Ленина. В Палехе он стал первооткрывателем и в этом великом деле.

Неисчерпаемо разнообразна фольклорная струя в творчестве И. И. Голикова: хороводы, гулянки, тройки, сцены охоты, родная природа — излюбленные мотивы художника.

Одним из первых обращается он к образному раскрытию сердцевины литературных произведений. До сих пор радует глаз композиция И. И. Голикова по мотивам «Сказки о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина. Этой миниатюрой как бы открывается теперь уже огромная и многоликая Пушкиниана палешан.

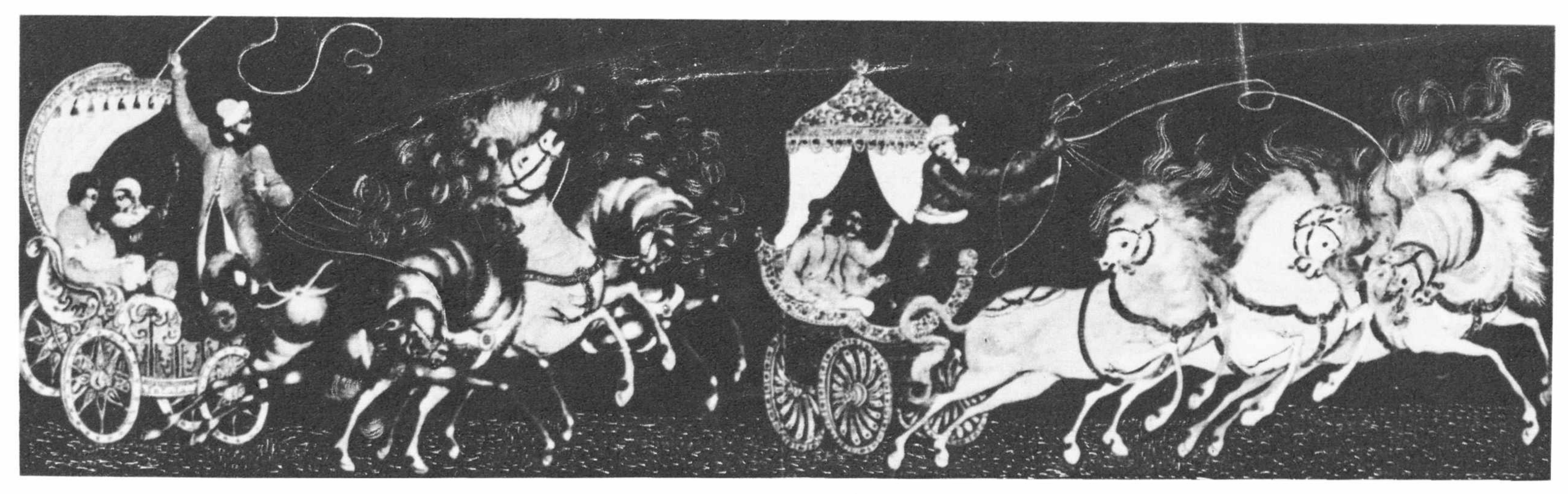
И. И. Голиков не был стихийным эмпириком. Он понимал задачи нового искусства крупно, как самородный мыслитель, как гражданин, как революционер. «Художник должен своей кистью показать пролетариату красоту... показать в своей картине вихрь, который сметает старое»,— писал он в книге «Палешане». Он сознательно «совершал революцию иконного искусства», соединяя традиции с социалистической современностью, разрушая и отбрасывая иконописные каноны.

Творческим подвигом И. И. Голикова, необычным даже для такого одаренного художника взлетом стала его работа над «Словом о полку Игореве». Он не просто создавал иллюстрации к бессмертному эпосу русского народа, а, пропустив каждую строчку через свое сердце, собрав весь свой изобразительный арсенал и композиционный талант, как бы воздвиг свой художнический памятник «Слову...», целиком (от рукописного шрифта до последней заставки) подготовив до сих пор не превзойденную, удивительную в гармоничности всех ее элементов книгу.

Известно, какую плодотворную роль в создании нового искусства сыграл А. М. Горький. Он не только морально, а подчас и материально поддерживал поиск крестьян-художников, своим громадным авторитетом снимал несправедливые, необоснованные наветы псевдотеоретиков и просто невежественных людей. Он знал, пестовал, умел вовремя подбодрить словом и делом почти всех зачинателей «Артели древней живописи», а потом «Товарищества» художников-палешан.

В свою очередь, палешане платили «Максимычу» бесконечным уважением и любовью. Произведения Горького стали естественной и неисчерпаемой темой для всех поколений мастеров лаковой миниатюры.

Подлинной классикой, революционным манифестом советского Палеха стал «Буревестник» Ивана Вакурова, созданный по мотивам зна-

И. Голиков. ДВЕ ТРОЙКИ. 1924.

менитого стихотворения писателя. Именно И. П. Вакурову выпала судьба осуществить мечту горьковского Жихарева. Раскованно и свободно написал он композицию по мотивам поэмы Лермонтова «Демон». Работы Ивана Петровича получили наивысшую оценку на международной выставке в Париже, когда первые же опыты палешан-миниатюристов принесли им настоящий триумф. Позднее художник с гордостью отмечал, что одна из премированных работ называлась «Революционная деревня».

Особенно поражает и высотами мастерства и подлинно философским, политическим обобщением миниатюра И. П. Вакурова «Бесы». Подолгу я всматривался в этот шедевр в музее Палеха. Много раз наблюдал, как неизменно останавливает она внимание почти каждого из посетителей.

По иссиня-черному фону, светящемуся невидимым лунным светом, скачет черная тройка с огненными гривами. Метет, завывает пурга. В кибитке опальный поэт будто взывает к вознице, ища защиты у представителя народа. А бесы, прячущиеся в языках метели, не просто безымянные страшилища. Это подлый Дантес с предательским пистолетом, это жеманные сплетницы аристократических салонов, это литературные завистники и доносчики, это надменные и злобные глаза императора.

Совсем новым содержанием наполняются строки любимого поэта:

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне.

И в нас нарастает тревожное ощущение незащищенности поэта, неистребимое желание прикрыть его от близких ударов судьбы, как это стремится сделать созданный воображением художника ямщик.

Удивительно тонким ценителем стилевых и тематических открытий мастеров миниатюры, вдохновителем и певцом социалистической направленности этого древнего искусства стал молодой журналист и писатель Ефим Вихрев. Своей искренней заинтересованностью, человеческой простотой, верой в дело революции он сумел привлечь сердца умельцев-палешан. Они допустили его к сокровенным своим думам и тайнам творчества. Сам Вихрев, согретый теплом искрометных красок тонкого письма, стремительно вырос как человек и писатель.

Социализм не абстрактное понятие, он воплощается в действиях, поступках, характерах его убежденных носителей. Одним из них был Ефим Вихрев, ставший по любви и призванию как бы комиссаром Палеха.

Молодой писатель не просто раскрыл для советской общественности «маленькое чудо», свершенное нашей революцией в глубинном селе ивановского края, но и способствовал укреплению его социалистического содержания. Мастера охотно прислушивались к его добрым советам, пронизанным пониманием и страстью убежденного большевика.

Вместе с Вихревым в Палех как бы шагнул дух железных отрядов ивановских ткачей — пионеров власти Советов, рабочей гвардии нашей революции.

Вот строки, похожие на исповедь, в которых подлинная поэзия слова сочетается с точностью искусствоведческого видения. Они как бы концентрированное выражение ветров революции, ставших важнейшим идеологическим компонентом, гарантом рождения и развития советского Палеха:

«Я готовился к Палеху 12 лет. Я искал его всю жизнь, хотя он находился совсем рядом — в тридцати верстах от города Шуи, где я рос и юношествовал. Чтобы найти его, мне потребовалось отмахать тысячи верст, пройти сквозь гул гражданских битв, виснуть на буферах, с винтовкой в руках появляться в квартирах буржуазии. Вместе с моей страной я мчался к будущему, мне нужно было писать сотни плохих поэм, я рвал их, мужая, я негодовал и свирепствовал и, пройдя сквозь все испытания юности... я нашел эту чудесную страну тонконогих коней, серебряных облаков, древесной грусти».

Сегодня, когда мы отмечаем пятидесятилетие искусства советского Палеха, уместно вспомнить еще одного палешанина, чей вклад в творческий поиск мастеров лаковой миниатюры несомненен. Это ученик великого Стасова, исследователь и теоретик народного искусства профессор А. В. Бакушинский. Он зорко увидел в первых шагах палешан по лаковой росписи возможность возрождения промысла, возможность сохранения и применения в новых условиях драгоценных традиций, основы которых заложили не только сотни безымянных талантов, но и гений Андрея Рублева, Дионисия, Семена Холмогорца.

В значительной мере именно благодаря стараниям Бакушинского Палех не стал эпигоном федоскинской или какой-либо другой миниатюры, а обрел самостоятельный голос, который сегодня ярко солирует в мощном хоре русского народного искусства.

Линию на неисчерпаемую самобытность палехской манеры письма, способной оплодотворить современный сюжет, передать нюансы литературного произведения или образ великого человека, последовательно поддерживал академик живописи, народный художник СССР Павел Корин. Истовый палешанин (с 1924 года он почти каждый год навещал родное село) до последних дней своих пестовал односельчан-художников — и маститых орлов лаковой миниатюры и талантливых орлят, которые еще учились летать, едва покинув гнездо-училище.

Будучи одним из крупнейших советских живописцев — художником по призванию и по рождению, Павел Дмитриевич гордился достижениями своих земляков, восхищался их работами. Среди семейных реликвий Кориных в специальной застекленной шкатулке до сих пор хранится крохотная коробочка работы Голикова «Битва», датированная 1925 годом. На нескольких квадратных сантиметрах разместил Иван Иванович семь разноцветных коней, которые вместе с всадниками сплелись в яростной схватке. Даже среди поверженных коней и упавших всадников не утихает борьба. По свидетельству вдовы художника Прасковьи Тихоновны, Павел Дмитриевич любил эту работу, подолгу рассматривал ее, приговаривая: «Вот Левша-то, вот кудесник! Он выдумал нового коня, какого не было раньше ни в жизни, ни в мировом искусстве...»

Чрезвычайно ценил Павел Корин творчество и подвижническую педагогическую деятельность Николая Михайловича Зиновьева. Он всячески поощрял многолетнюю работу старого мастера по подготовке книги «Искусство Палеха». А когда она была сдана в издательство, написал короткое и емкое предисловие, в котором, в частности, говорится: «Книга одного из старейших выдающихся мастеров палехского искусства... дает полное представление о приемах и технике иконописи и о развитии нового, советского палехского искусства».

Несмотря на свой почтенный возраст, Николай Михайлович Зиновьев «гид» выносливый и подвижный. Он по-хозяйски ведет нас по улицам Палеха и одновременно, кажется, по всем пятидесяти годам творчества и жизни своих товарищей по искусству. Легко вспоминает имена, факты, события...

Рассказывает о том, как работал над горьковским сюжетом, как, памятуя совет Алексея Максимовича больше заниматься антирелигиозной темой, взялся за философскую серию «История земли». Вместо «шести дней творения» (над чем немало потрудились ранее художники-иконописцы) создал расписной письменный прибор с широкой научной картиной происхождения жизни на Земле, «начиная с туманностей до нашего строительства».

Палехскому колхозу эта работа помогла получить первый трактор. «В Москве были поражены, когда крестьяне взялись писать философию,— вспоминает в этом месте разговора директор палехского музея Григорий Михайлович Мельников.— А спустя почти сорок лет, в 1969 году, Николай Михайлович вновь повторил серию «История Земли», теперь уже на пластинах, с высоты своего опыта и новых знаний».

Николай Михайлович, словно издалека, внимательно прислушивается к объяснениям директора музея. В светлых и добрых глазах лукавинка. Ведь знаменитый художник Г. М. Мельников, теперь уже сам учитель творческой молодежи, был одним из первых воспитанников Палехского училища живописи, в котором уже тогда преподавал сегодняшний патриарх.

«А Паша Баженов, что погиб в первый год Великой Отечественной,

всего только тридцать семь годков и прожил, самый молодой среди нас был, а талантлив без меры.

Недавно вот ушла Тамара Ивановна Зубкова, они с Аней Котухиной в войну только начали, а в 1970-м получал вместе с ними Государственную премию РСФСР имени И. Е. Репина. У одной талант лирический, другая порывиста, в ритме, в движении ее сила».— Все это говорится в раздумье, будто вспоминает старый мастер подробности каждой работы соратников по искусству.

— Ну, а из молодежи кого отличаете, Николай Михайлович?

— Хватких, с душой-то много. А с рукой доброй и опытом Борис Ермолаев, Алексей Кочупалов, Кукулиевы Борис с Калерией — те под крылом у Тамары Ивановны Зубковой росли. Хорошо идут. И основную работу знают и с книгой работают. Борис Кукулиев над Шолоховым интересно потрудился, и «Садко» у них с Калерией добром получился.

Я ведь сорок лет в училище-то крутился, каждого наперечет в памяти держу.

Надо молодежи знать все стили, что прежде знавали лучшие мастера в Палехе. Готовлю новое издание своей книги. Хочется подробно об истоках наших написать, кроме меня, теперь мало кто знает секреты старинных стилей. А молодежь пусть дерзает, лишь бы фундамент был...»

Николай Михайлович предложил «прогуляться» до своего дома. Это в полутора-двух километрах от околицы Палеха — небольшая деревня Дягилево.

— Скоро будет пятьдесят лет, как хожу по этой дороге. Почти каждый день в Палех и обратно. Хожу и радуюсь. В любую пору года, в любую погоду есть в ней своя красота.

Приветливо кивнул нам колодезный журавль посреди зеленотравной улицы, поздоровались ребятишки, с любопытством выглянув из соседнего палисадника.

У обихоженного, будто новая игрушка, дома Зиновьевых — береза с веселыми скворечниками. Хозяин объяснил, что закончил покраску недавно, что к осени ремонт закончит. Пожаловался, что времени для всего не хватает.

Может быть, как раз в том, что труд его неустанен, что не хватает времени, секрет поразительного творческого долголетия великого мастера.

Скромная комната Н. М. Зиновьева отнюдь не музей, а рабочий кабинет. Конечно, здесь есть и реликвии — советские и международные дипломы, оформленные художником книги, работы прошлых лет. Но есть и сегодняшняя рукопись, только что законченные и начатые художественные работы.

Показывает роспись по фарфору.

— Дулево заготовки присылает. На белом-то фоне еще получается, на черном — глаз уже не тот. Правда, недавно закончил одну работу, хотите, покажу? Мне сейчас 86 лет, я убежденный атеист. Мой отец был атеистом, и я атеист. Здесь плод моих многолетних размышлений.

Внимательно всматриваюсь в пластину: лежит на постели старый человек. На стене его комнаты работы из цикла «Происхождение Земли». Перед больным поп с простертыми руками внушающе говорит: «Что, безбожник, умираешь? Клянись перед образом, что бог есть. Он сотворил небо, землю и человека».

Твердой рукой написан ответ больного: «Бога нет, во вселенной существует материя, которая вечна, она изменяет во времени свои формы. Природа и человек — это есть формы материи».

Обращаю внимание Николая Михайловича на яркие, как бы выпадающие из цветовой гаммы миниатюры птиц, что присели над головой центрального персонажа.

Художник лукаво ухмыляется: «Птички-синички? Для контраста. Зимой кормлю их, вот они и прилетели...»

И столько в этой картине-миниатюре — в неторопливом рассказе мастера о своем пути, о пути Палеха — мудрости, философского анализа, полного отсутствия суеты и позы, подлинно народного отношения к своей судьбе, к судьбе своего славного дела!

* * *

Висят мраморные мемориальные доски на крестьянских избах художников-зачинателей. Красуются в Государственном музее палехского искусства сотни работ, созданных теперь уже династиями творцов прекрасного. В мастерских Палеха около ста семидесяти высококвалифицированных мастеров, имеющих специальное художественное образование. Более шестидесяти из них являются ныне членами Союза художников СССР; многие награждены орденами и медалями Родины, удостоены почетных званий и дипломов.

Лучшие музеи страны соперничают в желании получить произведения и именитых и совсем еще молодых мастеров огнеликой лаковой росписи.

Не стареет древний Палех — гнездо признанных всем миром художников из народа. Бегут к берегу «палехского моря» и к окрестным лесам улицы Горького, Голикова, Корина, а у самого въезда в обновленный поселок поднялись корпуса первой очереди учебного центра. Воспитанникам здешнего училища предстоит еще искать свои дороги, свои улицы в именитом теперь искусстве Палеха.

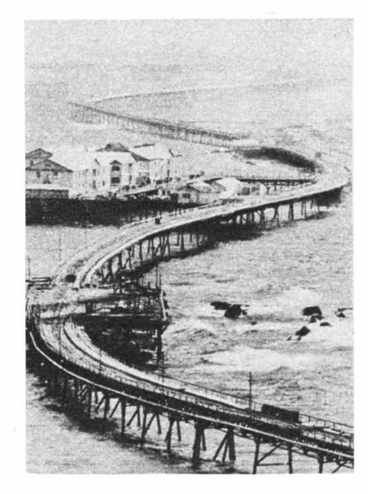
За пятьдесят лет всякое бывало: то гремели анафемы в адрес отступников от стиля, то предупреждения о закостенелости обновленных канонов. Но Палех, разорвавший в огненные годы послеоктябрьской поры оковы ремесленничества и религиозного дурмана, растет вечнозеленой рощей прекрасных деревьев искусства. Как в доброй роще для внимательного глаза нет абсолютно похожего дерева, у каждого своя особенность, так у каждого подлинного художника в истории Палеха свое лицо; а все же, как и во времена Вихрева, радуешься: «Сходства между палешанами больше, чем разницы».

Разрослась ныне роща. Зеленеть ей вечно.

«ОГОНЬКУ» СООБЩАЮТ

АЗЕРБАЙДЖАН

ГЛУБИНЫ ПОКОРЯЮТСЯ СМЕЛЫМ

Памятником труду и подвигу человека среди моря, в ста километрах от Баку, высится буровая № 1, из ствола которой двадцать пять лет назад, 7 ноября 1949 года, забил фонтан нефти. Пройденная буровым мастером Михаилом Каверочкиным, скважина-первооткрывательница положила начало промышленной разработке богатейшего каспийского месторождения и начала отсчет славной летописи Нефтяных Камней.

Протянулись над морем стальные улицы-эстакады с квадратами площадок. Нелегко дался людям этот свайный город с его двумя с половиной сотнями километров суровых дорог, отвоеванных у Каспия. Свыше тысячи скважин вонзились стальными иглами в многослойные нефтяные кладовые, лежащие глубоко под морским дном.

На Нефтяных Камнях братской семьей живут и работают (неделя — в море, неделя — дома) три с половиной тысячи человек.

Каспий — не Апшерон. Здесь не поставишь скважину, где захочешь. Вот и приходится буровикам пробиваться к морским кладовым черного золота, постепенно отходя от вертикали. Впервые в Советском Союзе мастера Сурид Джафарзаде и Исрафил Гусейнов отклонились от вертикали на 2 040 метров. Это был рекорд. Сегодня разведчики недр идут на штурм мезозоя. Шутка ли сказать — 4 200 метров под Каспием, который штормит чуть ли не через день.

За четверть века добыто из-под морских глубин свыше 110 миллионов тонн нефти. И в каждой тонне — коллективный подвиг людей, работающих в море и чувствующих на себе заботу земли.

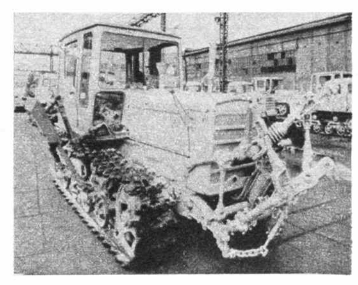
— Мы дышим самым чистым воздухом,— рассказывает буровой мастер депутат Верховного Совета СССР Исрафил Гусейнов, проработавший на Нефтяных Камнях 20 лет.— У нас отличный Дворец культуры, хорошие столовые, чайхана и магазины, телефоны и телевизоры, холодная и горячая вода, парк над морем и даже розарий, филиал нефтяного техникума и вечернего университета марксизма-ленинизма, библиотека и почта. У нас, вероятно, единственный в мире морской пост ГАИ, своя пожарная служба, центр медицинского обслуживания, вертолетная площадка. Принял новоселов пятиэтажный дом гостиничного типа. В нем живут покорители Каспия, приезжающие на вахту с Большой земли. На очереди еще несколько таких комфортабельных домов...

Бегут годы. Михаил Каверочкин и Курбан Абасов, Юсиф Керимов и Моисей Ямпольский, Эдуард Сарнисов и Сабир Назаров — прославленные буровые мастера... Эстафета поколений бакинских рабочих.

Люди сотворили своими руками этот удивительный морской промысел. Они и сейчас в вечном поиске, движении, дерзании. Море покоряется только смелым.

Г. ПОГОСОВ

●

ВОЛГОГРАД

СО ВСЕМИ УДОБСТВАМИ

...Я сел в черное кожаное кресло и ощутил, как оно мягко прогнулось. Рычаги управления оказались у ладоней. Слева еще одно сиденье, как выяснилось, для «пассажира». Я поднял голову — потолок не давил. Плотно закрыв дверцы и протянув к ним руку, обнаружил и здесь запас пространства. Из кабины, резко сдвинутой в сторону от центра трактора,— хороший обзор.

Владимир Яковлевич Лобутов, начальник отдела кабин Государственного специального конструкторского бюро при Волгоградском тракторном заводе, рассказывает:

— Человеку должно быть легко и свободно в рабочем отсеке машины. Уже около десяти лет на нашем заводе ведутся научно - исследовательские и опытно-конструкторские работы по улучшению условий труда землепашца. Новейшая подрессоренная и хорошо герметизированная кабина трактора в принципе создана. Она смонтирована пока всего на двадцати экспериментальных машинах. Во втором квартале 1976 года мы должны представить ее, как принято говорить, «на собираемость». Что это значит? Все восемьдесят тысяч с лишним тракторов с маркой Волгоградского завода поступят к земледельцам с этой новинкой.

Известно, что в кабинах старого типа механизаторам в жару бывает душно, приходится открывать окна. А сквозняк не помощник здоровью... Мы испытали нашу новинку на Кубани в разгар лета. И выяснилось: температура в кабине на пять — семь градусов ниже, чем в поле. Можно работать с закрытыми окнами. Впрочем, пыль здесь не угрожает механизатору. Ее не пустит воздухоочистительная установка, которая вырабатывает четыреста кубометров чистого воздуха в час. Новая кабина поставлена на ходовую часть необычно — резко смещена вправо. Это очень облегчает труд тракториста. Ему не нужно то и дело высовываться из окна: обзор пашни отличный. И еще одна деталь: тракторист может, не повышая голоса, разговаривать с напарником или пассажиром. А вообще «жилая площадь» позволяет разместить здесь и радиоприемник, и трехлитровый термос, и ящик для вещей, и зеркало...

Л. СЕМЕНОВ

Юрий БОНДАРЕВ

Рисунки И. ПЧЕЛКО.

БЕРЕГ

Господин Вебер, с прежней нежностью взглядывая на жену, почесал лысину, пососал через соломинку коктейль и заговорил тоном человека, безобидно желающего утвердить зыбкую непостижимость истины:

— В сорок пятом, когда освободили концлагерь, никто из нас не думал о деньгах, Лота. Я тогда был вот такой...— Вебер оттопырил мизинец.— Нет? Нет? Таким, господа, вы меня не можете вообразить. Я был тощий сморчок и едва мог двигаться от истощения... Но была уже свобода, и я смотрел со слезами на солнце, на траву — была сохранена жизнь, проклятая война закончилась, нацистов уже нет, тогда я был счастлив, господа!..

— Вас освободили русские или американцы? — поинтересовался недоверчиво Самсонов.

— Нас освободили американские солдаты. Они приехали на танках и сломали ворота. Втроем мы вышли из лагеря на дорогу и пошли в американский госпиталь. Со мной был англичанин, сбитый летчик, аристократический молодой человек, окончил Оксфордский университет, и двенадцатилетний мальчик, отец его умер в лагере. У нас не было сил в тот день свободы. Мы тащились по дороге и улыбались весеннему дню, как безумные счастливцы. Везде валялись в кюветах разбитые бомбежкой машины, и в одной, помню,— грузовой «оппель-блитц» — был разбит сейф с деньгами. Миллионы, целые миллионы марок пачками высыпались на асфальт. Что? Нет, нет? Марки летели по дороге, они скапливались в кюветах, липли к подошвам, просто как рекламные листки. Никто не обращал на них внимания. Жизнь, господа, пьяное ощущение жизни — и больше ничего! И только один наш милый мальчик собрал несколько купюр, как собирают почтовые открытки. Нет, нет? Потом мы дошли до американского госпиталя, упали на пол и заснули как убитые. Когда я проснулся, рядом лежал мальчик и с интересом смотрел на деньги...

— Как? Рядом лежал мальчик! — вскричал с живостью Дицман и закинул ногу на ногу, покачивая узконосым полуботинком, видна была подвижная щиколотка из-под узких брюк, обтянутая красным шелковистым носком.—Очень любопытно, господин Вебер! Нежный двенадцатилетний мальчик?..

— Вы, интеллигенты,— благодушно перебил Вебер,— всюду ищете секс.

— Ловлю вас на слове, господин Вебер! — засмеялся Дицман и заговорщицки стрельнул наркотически яркими глазами в Никитина и Самсонова.— Как звали мальчика?

— Я хотел сказать,— продолжал господин Вебер,— что через три дня было объявлено: старые рейхсмарки входят в обращение. Но и тогда мы не очень жалели, что не набили карманы деньгами... Что бы сделал сейчас я, если бы посчастливилось найти на дороге разбитый денежный сейф? Позвонил бы в полицию, может быть, и сошел бы с ума в психиатрической больнице от своей нерешительности. Нет, нет?

Его полнокровные красные щеки как-то плутовски надулись, он пырхнул рассыпчатым смешком, и тут Никитин сказал разочарованно:

— Какой хороший сюжет вы испортили, господин Вебер!

— Я продаю его вам в первозданном виде,— ответил довольный господин Вебер.— Вставите мой сюжет в роман, который я издам хорошим тиражом, пять процентов от проданной книги мне... Впрочем, можете заплатить черной икрой в Москве. Нет, нет?

— Контракт! Я подписываю чек! Но при условии, если в романе будет нежная история с мальчиком! — ернически воскликнул Дицман и выхватил из внутреннего кармана пиджака чековую книжку, потряс ею.— Думаю, что при вашем таланте, господин Никитин, вы эту пикантную историю написали бы весьма впечатляюще!

— В шутке явное предложение.— Самсонов толкнул под столиком ногу Никитина.— Ясно?

— Благодарю вас,— сказал Никитин.— Спрячьте чековую книжку, иначе вы соблазните меня лаврами Генри Миллера.

— Сюжет куплен за одну марку, господа! Разрешите мне быть поверенной господина Никитина?

Госпожа Герберт щелкнула замочком своей лаковой сумочки, повертела перед всеми новенькой металлической маркой и вложила ее в карман господина Вебера; тот, покрякивая, подмигивая, похлопал рукой по карману, говоря:

— Сюжет продан слишком дешево. Нет? Нет?

— Благодарю, госпожа Герберт, я готов вас взять в секретари, потому что уверен — не прогорю,— сказал Никитин.

Она улыбкой ответила на этот милый словесный пустяк, а он с насильной попыткой найти твердую точку ощущения, опять, как в раздражающем воспоминании забытой, вертящейся на памяти фамилии, подумал, что тот вопросительный, долгий, пристальный взгляд ее, удививший его, и постоянно улавливаемое им внимание ее, и эта полукокетливая улыбка были в схожих обстоятельствах и раньше когда-то: так же в некий час шло тепло от камина, тянулся сигаретный дым под куполом торшера, так же сидел он напротив какой-то женщины, говорил ей те же необязательные слова, какие говорил сейчас, и она отвечала ему неясной улыбкой, уже виденной им то ли во сне, то ли в прошедшем кругу другой жизни. Но при всем усилии памяти он не мог ничего вспомнить точно, ибо это были не мысли, а тени мыслей, не реальность, а белесая тень реальности.

«По-моему, она чем-то обеспокоена, она в чем-то опасается за меня,— думал Никитин.— И это передается мне — ее взглядом, улыбкой и вот этой маркой, которой она очень быстро закончила разговор».

— Как странно, господа, вы обсмеяли время, связанное с войной,— проговорил недовольно Самсонов, скрестив на груди толстоватые руки.— Деньги, мальчик, пикантные истории. В конце концов есть и серьезные понятия, связанные с прошлой трагедией Германии. Я имею в виду судьбу вашего народа, родины, ответственность перед будущим. За что погибли миллионы немцев?

Господин Дицман вскинулся, подпрыгнул в кресле, всплеснул всеми десятью растопыренными пальцами над столиком.

— Что? Понятия «родина», «народ»? «Ответственность»? Они давно потерпели инфляцию! Они были использованы Гитлером в нацистских целях и дискредитировали себя! Старые понятия «отчизна» и «долг» теперь опять используются маленькой кучкой реваншистов! Вы плохо знаете современного западного человека, если говорите о довоенных добродетелях. У западного человека нет сейчас родины в вашем понимании! У него есть паспорт, есть формальное гражданство, только это соединяет его с государством! На немецком паспорте написано: для всех стран! Для всех стран, господин Самсонов!

— Итак, я уяснил: полнейший космополитизм? Разумеется, так легче жить свободным интеллектуалам, в абстрактном мире, так сказать!

— Как? Космополитизм? Абстрактно? Ха-ха! Вы остроумно сказали!— вскричал Дицман.— Космополитизм — прекрасно, каждый свободен в выборе, и никому нет ни до кого дела. Но... свобода на Западе несет с собой и равнодушие и отчуждение друг от друга — парадокс современного мира! Я не хочу ничего приукрашивать, господин Самсонов! Западный интеллигент одинок. Очень одинок.

— Значит, при диктатуре нацизма не было... этого проклятого одиночества, отчуждения людей, господин Дицман?

— В той степени, как сейчас, нет. Было другое — страх. Сейчас не сажают в концлагери, не убивают, никого не преследуют... и в то же время отчуждение людей — не меньшая и не лучшая болезнь общества, чем проклятый человеческий страх! Да, это так!

— Тогда разрешите спросить: в чем дело? — упрямо выговорил Самсонов, выдерживая стремительный натиск Дицмана, и сильнее сплел руки на груди.— Выходит, что не плох был третий рейх с его понятиями фатерланда и «Дойчланд, Дойчланд юбер аллес»?

— Вы хотите заподозрить во мне приверженца гитлеровской диктатуры?

— Не хочу. Но мне известно, что нацистский аппарат на десять процентов состоял из интеллигенции, господин Дицман. Именно в недалекой истории интеллектуалы Германии нередко играли роль своего рода духовной полиции. Я не знаю вас и говорю о той интеллигенции, у которой руки по локти в крови, извините за откровенность!

— О, господин Самсонов!..— с мягким упреком произнесла госпожа Герберт, взглянула на худощавое лицо Дицмана и потупилась.

«Подавил первые огневые точки, сейчас без передышки начнет утюжить траншею, узнаю Платона,— подумал Никитин, испытывая досаду на неумеренную резкость Самсонова, в запальчивости переступившего как бы запретный предел в споре.— Но почему мне кажется все время, что она не хочет никакого обострения спора и встревожена чем-то?

— Вы обвиняете нас в грехах наших отцов? — спросил господин Дицман, по всей видимости, не ожидая сердитой прямоты Самсонова и всем видом своим отказываясь что-либо понимать, страдальчески завел глаза к потолку.— Вы утверждаете, что кровь на руках наших отцов испачкала и наши руки?

— Говорите, говорите, господин Самсонов!— Лота Титтель, нетерпеливо взмахивая веерообразными ресницами, возбужденная выпитым виски, грубоватым напором этого неуклюжего русского, гибко полулегла в кресле, при этом ее тугая, тонкая, затянутая во что-то серебристое фигурка выражала острейшее любопытст-

Окончание. См. «Огонек» №№ 45—49.

во, и Никитину пришло в голову, что она, вероятно, еще не переутомленная жизнью и славой эстрадной певицы, любила смотреть бокс, спортивные состязания, даже случайные драки в кабачках, где с азартным удовольствием могла подбадривать обе стороны стуком кулачка по столу, пронзительным визгом и смехом, чего, наверное, никогда не сделала бы госпожа Герберт, вся тихо-скромная, утонченная, сдержанная.

— Ты слишком много сделал заявлений и задал вопросов, Платон,— сказал Никитин.— Боюсь, они не прояснят сущность дела.

В наступившей тишине, особенно длительной от размеренного потрескивания камина, господин Вебер издал невнятный звук не то хмыканья, не то мычанья, потом хитро заиграли какой-то мыслью сонные его глазки в щелках припухлых век, и он произнес довольно-таки бодро:

— Господин Самсонов, я не отношу себя к интеллектуалам, я издатель, я, с вашей точки зрения, капиталист, но э... позвольте вопрос? Что должно чувствовать наше сердце перед братской могилой или могилой одного человека? Здесь недостаточно слов и сострадания, нет, нет?

— Я говорил про ответственность,— угрюмо возразил Самсонов.— Без ответственности перед прошлым настоящее — лживый рай.

— Э-э... слова ограничивают сами себя — наше сердце неграмотно. Для того, чтобы слова обрели свой смысл, необходима ирония. Вы, господин Самсонов, слишком верите в прямые слова и чувства. Разве не возможно, что в этой братской могиле погребены и герой и очень слабый человек, который не вынес пыток гестапо, стал предателем и выдал настоящих героев? И вы сострадаете и ему, как герою. Нет, нет?

— Сострадаю предателю? Проливаю слезы? Никак нет! Наше отношение к людям и к интеллигенции должно разделяться по тому, с кем кто был — с палачами или против палачей.

— Э-э... вы меня не поняли, господин Самсонов, нет. Я о современном человеке...

— Я понял. И я о современном человеке. Вот вы, например.— И Самсонов с тяжелым упорством нацелился стеклами очков на господина Дицмана.— Вот вы... служили в гитлеровском вермахте, воевали?

Нога господина Дицмана, закинутая на коленку другой ноги, задвигалась неспокойно, и задвигался узкий полуботинок под заторможенный ритм его голоса:

— Да, конечно, я служил. Не будучи исключением.

— Где, интересно?

— В Берлине. Я воевал в фольксштурме. В конце войны я был мальчик, господин Самсонов, когда ваши подошли к городу. Это был март, апрель. Тогда вы уже наступали в глубь Германии, а мы оборонялись.

— И сколько вы убили русских? — спросил Самсонов и засопел, скулы его стянулись, окаменели.— Одного? Двух? Сколько?

Среди тишины жарким треском постреливали, пылали поленья на решетке камина; и в молчании этом все разом посмотрели на Дицмана одинаковым взглядом опасливого и принужденного участия, и холодноватой струйкой прошел ветерок напряженности по смеженным векам господина Вебера, по взмахивающим ресницам Лоты Титтель, по прозрачно бледному лицу госпожи Герберт — так показалось Никитину, едва он сопоставил этот добропорядочный уютный покой утепленной камином, коврами и светом торшеров гамбургской гостиной и страшное кровавое прошлое, вставшее между ними четверть века назад.

— Я не знаю, кого я убил, я не видел,— неровным голосом задавленного волнения проговорил господин Дицман.— Фаустпатроном я подбил один танк. Он назывался у вас «тридцатьчетверка». Я стрелял из подвала на набережной Шпрее, когда ваши продвигались к рейхстагу. Танк загорелся, и больше я ничего не видел. Следующий ваш танк... как его... «И-эс»... Иосиф Сталин, да? Второй танк заметил нас и выстрелил по окнам подвала. Мы быстро ушли.

Господин Дицман потискал пачку сигарет, понюхал ее, отбросил на столик, упреждая вопрос Самсонова усмешкой:

— А сколько немцев убили вы, господин Самсонов?

Самсонов ответил неприязненно:

— Я служил переводчиком в штабе армии, поэтому не стрелял... Вы фаустпатроном сожгли, если вам верить, один танк, значит, убили четырех советских танкистов. Во имя чего? Вы вольно или невольно защищали нацизм? Так?

— Господин Самсонов! — вскричал Дицман и повалился спиной в кресло, вскидывая нервные руки, мотая кистями рук, точно притворно пощады просил.— Я был мальчишка, зеленый глупец, с одураченным сознанием, я был только барабаном, на котором сколько угодно можно было выстукивать патриотические марши! И... если мы начнем упрекать друг друга, мы никогда не найдем общечеловеческую истину! Мы тоже потеряли более десяти процентов населения! Но я не думал спрашивать, сколько немцев убили вы, господин Самсонов, и сколько убил господин Никитин, а он не служил в штабе, как я знаю... а был офицером артиллерии и, значит, не ангелом во плоти и не гандистом! Не так, господин Никитин?

— Откуда вам так много известно про меня, не говоря уж о моем характере? — спросил Никитин с оттенком спокойного, шутливого интереса.— По-моему, мы встречаемся впервые.

— Разве не мог я вас встретить в войну? — засмеялся Дицман, и высокий женственный лоб его замаслился испариной.— Ну, например, в Берлине? Возможно? Могло так быть?

— Это почти невозможно,— ответил Никитин полусерьезно.— Я не люблю беллетристику, а тем более фантастику. Я реалист, господин Дицман.

— И в реализме многое возможно, так много, что даже об этом не подозревают сами реалисты! В Берлине сошлись вплотную две многомиллионные армии, и там я мог вас...— Дицман, раздувая тонкие ноздри, взял бокал и как бы задавил неприятно незаконченную фразу глотками вина.— Но я,— продолжал он, салфеткой вытерев губы и пьяно растягивая слова,— но я, если бы знал, что передо мной русский интеллигент, например, писатель Никитин, я не стрелял бы в него...

— Стреляли бы,— уверенно сказал Никитин.— И я бы стрелял, если бы вас встретил тогда. И это опять реализм. И ничего тут не сделаешь.

— Нет, вы бы не застрелили меня, именно вы...— очень тихо выговорил заплетающимся языком Дицман.— Вы были тогда мальчишка и не застрелили бы меня, тоже мальчишку... Я чувствую, я знаю. Или какую-нибудь немецкую девушку... Нет, вы не застрелили бы... Господин Самсонов решительнее вас: бац — и нет еще одного немца, ненавистного немца...

— Шумел камыш или тайны мадридского двора в стиле Кафки,— сказал Самсонов и вновь подтолкнул Никитина под столом: мол, что это за пьяные штучки, понимаешь ты что-нибудь?

И тут Никитин услышал запнувшийся, незнакомо умоляющий голос госпожи Герберт:

— Фридрих, перестаньте, пожалуйста, пить, я вас очень прошу. Если вы сдерживаетесь от курения, то поберегите свое сердце и от вина. Прошу вас...

Госпожа Герберт сидела, не подымая глаз, слабая, как ниточка, морщинка горечи разъединяла на переносице ее брови, ровные, темные по сравнению с ее белеющими сединой волосами, и это вынужденное замечание по поводу вина, это право упрека господину Дицману, названного ею по имени, Никитин почему-то воспринял позволенным на людях кратким раздражением, возникшим между друзьями, близкими или между мужем и женой и тотчас сглаженным внешним приличием воспитанной хозяйки дома, уставшей защищать гостей от нетрезвой навязчивости тесно приближенного к ней человека. «Кто он ей? Любовник? Родственник? — подумал Никитин.— Я не помню, чтобы она представляла его как мужа». И уже чувствуя, что надо как-то смягчить, ослабить вязкую неловкость между собой, Дицманом, госпожой Герберт и Самсоновым, он хотел пошутить по поводу иррациональной игры подсознания, однако его опередил Дицман.

Хлестко ударив ладонями по подлокотникам, он чересчур быстро, срыву поднялся, застегивая пиджак, смеясь и сгоняя смех с землистого, худого лица, освещенного блестящими глазами, проговорил с ожесточенной веселостью:

— Да, Эмма, вы умница. Благодарю. Я бы не хотел, чтобы у меня повторился сердечный приступ. Эта штука нужна.— И постучал пальцем в левую часть груди.— До свидания, господа. Мы еще не раз увидимся! Я действительно слаб после болезни. Еду спать!

Он сделал общий поклон и, высокий, прямой, слегка качаясь на долгих ногах, пошел по толстому ковру к двери.

— Фридрих! — вставая, проговорила госпожа Герберт.— В таком состоянии вам будет трудно вести машину! Извините, господа, один момент...

Она догнала его, и перед дверью Дицман, по-прежнему чересчур решительный, обернулся, вздернул плечо, сделал звонкий щелчок пальцами, словно поворотом включал зажигание, ответил ей смехом:

— Когда я выпью, я вожу машину, как гонщик, Эмма! Лучше, чем обычно.

Они вышли, дверь плотно замкнула безмолвие в гостиной, стало слышно похрустыванье, пощелкиванье поленьев в недрах камина, гости преувеличенно вежливо переглянулись, как бы чуть-чуть разочарованные неожиданным уходом хозяйки, прерванным разговором,— господин Вебер, весь утонув в кресле, дыша кругленьким, обтянутым жилетом брюшком, глубокомысленно почистил о жилет ноготь, своими полускрытыми одутловатыми веками глазками рассмотрел под светом торшера его полировку, затем со свистом, с бульканьем потянул через соломинку остаток коктейля из бокала, добродушно заговорил:

— Господин Дицман — великолепный главный редактор, талантливый эссеист, интеллектуальный человек...

— ...которого ты держишь в своем издательстве, как безотказного негра. У него месяц назад был сердечный приступ! — добавила Лота Титтель, наступательно вскинув подбородок.— Не так ли?

— Лота, Лота, Лота...— ласково и миролюбиво возразил господин Вебер.— Ты опять делаешь заявление как социал-демократ, а не как актриса. Нет, нет? Сердечный приступ господин Дицман получил не из-за больших денег, которые я ему плачу, а от невозделанности, свойственной сейчас интеллектуалам, нет, нет?

— Вы не соскучились без меня, господа?

Вошла госпожа Герберт, приятной улыбкой гостеприимной хозяйки, даже спешащей походкой как бы извиняясь за свое отсутствие, но господин Вебер довольно проворно для своего грузного сложения встал, все так же по-домашнему благодушно сияя хорошими зубами, лысой головой, и за ним гибкой веточкой разогнулась и легко вскочила Лота Титтель, подхватывая сумочку с пола, зашуршав серебристой чешуей платья,— и оба вперемежку с благодарностями за прекрасный вечер начали прощаться с госпожой Герберт.

А она кивала, улыбаясь, однако не задерживала их, что часто бывает в русских домах, и они, отпустив ее руку, стали прощаться с Никитиным и Самсоновым, которые тоже встали следом за Лотой Титтель.

— И нам пора, госпожа Герберт,— сказал Никитин.— Спасибо вам...

— О нет, нет, нет! Одну минутку, господин Никитин! — вдруг перебила его она, смущенно глядя ему в глаза.— Я хотела бы вас задержать на несколько минут. Господина Самсонова, если он не возражает, подвезет до отеля господин Вебер, а я отвезу вас через полчаса. Я хотела бы поговорить с вами о предстоящей дискуссии. Это совсем немного отнимет у вас времени.

«Зачем она при всех отделяет меня от Самсонова? Что за этим стоит?» — подумал Никитин, чувствуя мерзкое неудобство колющего подозрения, какой-то внутренней тесноты, намеренный отказаться и вполусерьез, деликатно, настойчиво сказать об усталости, о головной боли, о предельной перенасыщенности впечатлениями, но проговорил тоном отвратительного самому себе согласия:

— Что ж.— И добавил излишне спокойно, обращаясь к Самсонову: — Я приеду и зайду к тебе. Не ложись спать. Подожди.

— Черт знает... Не приглашают ли тебя ночевать здесь?— вкось кинув сердитый взгляд на госпожу Герберт, ответил по-русски Самсонов, будто говорил о надоевшей погоде, и, багровея, заложил руки за спину, покачался взад и вперед на каблуках перед господином Вебером.— Значит, я могу надеяться на вашу любезность? Вы меня подвезете?

— Конечно, конечно! — тряхнула струями рыжих волос Лота Титтель, распространяя запах лавандовой свежести, и вторично по-мужски стиснула руку Никитина, сказала шепотом: — Нас, немцев, все же есть за что не любить, господин Никитин, стоит только вспомнить войну. О, это особая нация!

●

Они сидели на кожаном диване в библиотеке.

— Я прошу вас говорить медленнее. Иначе не все пойму.

— Господин Никитин, это было так давно, что мне становится страшно, когда я вижу этот альбом и вспоминаю, какие мы все были глупые и бесстрашные дети. Я хочу вам кое-что показать.

— Я не понимаю, что вы имеете в виду.

— Я имею в виду войну.

Она положила на колени альбом, обтянутый не то бархатом, не то темной замшей, и с некоторой неуверенностью расстегнула металлические замочки, робко полистала толстые листы. Эти махающие листы обдавали Никитина горьковатой сладостью, тленом пожелтелой, тронутой временем бумаги — это был запах всех семейных альбомов. Она что-то искала среди фотографий и вроде бы сразу не могла найти, а он видел из-за ее руки мелькающие на старинном глянце незнакомые лица пожилых мужчин, строго застывших, с кайзеровскими усами, на пробор причесанных, облитых тесными мундирами, — подбородки жестко подпирали стоячие воротники,— мужчин, по-домашнему расположенных в кругу семьи бок о бок с белолицыми женами в белых платьях, в окружении белокурых кудрявых детей, затем на блеске знойного песка возле танка возникла фигура молодого высокомерного офицера, на пилотку накинута маскировочная сетка, новенький «Железный крест» мерцал под кармашком черной танкистской куртки, и Никитин спросил:

— Кто этот офицер, госпожа Герберт?

— Мой отец, господин Никитин. Он погиб под Тобруком. В африканском корпусе.

— Значит, он служил у Роммеля? — сказал Никитин.— Тобрук — это сорок второй год. А ваша мать... надеюсь, жива, госпожа Герберт? — спросил он из деликатности, в то же время не понимая, зачем она листала в его присутствии этот семейный альбом, который имел отношение к ее родственному клану или, отчего-то казалось ему, к неприятно нервному, неприятно взбудораженному вином господину Дицману, после мутных его объяснений, связанных с войной, после того, как бросил он пропитанное ядом зернышко намека на некую реальную или возможную встречу когда-то, вызвав в душе отталкивающее подозрение.

И Никитин, нахмуриваясь от сознания непредвиденно глупого положения,— все разъехались, уехал в отель и недовольный его необдуманным согласием Самсонов, а он, без каких-либо веских оснований возразить на приглашение задержаться остался здесь и теперь принужден был проявлять официальный интерес к родным госпожи Герберт, к чужим фотографиям в чужом альбоме, думал о своей опасной мягкотелости, податливой нетвердости, уже раздражавшей его сейчас.

— Моя мать умерла в тридцать шестом году, господин Никитин,— проговорила госпожа Герберт.— Но не отца и мать я хотела показать вам в альбоме... Вы не устали, господин Никитин? Я напрасно вас оставила?

— Нет, нет,— ответил он, проклиная эту ненужную свою деликатность, и, злясь на себя, поморщился, потер лоб, неловко сказал ей:— Простите, голова... это пройдет.

— Вам принести таблетку от головной боли?

— Спасибо. Это пройдет.

Она виновато посмотрела мягко светящимися глазами, обе ее руки лежали на альбоме и тоже, чудилось, в робком замешательстве, она молчала, медальончик на выемке груди колыхнулся, поднятый и опущенный дыханием, и Никитин, вдруг остерегаясь ее готовности к чему-то, подумал, что она, видимо, не

без колебаний намерена сказать ему нечто новое, серьезное, важное, чего он может не знать, не ожидать, не предполагать даже. И он проговорил, слыша неестественную спокойную нотку в голосе:

— Я вас слушаю, госпожа Герберт. Вы что-то хотите мне сообщить, кажется. Говорите же...

— Да, я хочу, господин Никитин.

Она взяла сигарету со столика; он предупредительно зажег спичку, она поблагодарила его несмело улыбающимся взглядом, потом все так же робко пододвинула альбом на коленях, спросила негромко:

— Господин Никитин, вам знаком этот дом в Кёнигсдорфе? Вы его немного помните?

И тотчас из глаз ее ушла улыбка, в них замерло влажным блеском, заискрилось осторожное внимание — она глядела на небольшой снимок, размером отличимый от других фотографий, вложенный в твердый пожелтевший лист альбома, где педантичной готической школьной надписью было выведено внизу:

«Кёнигсдорф. Вильгельмштрассе, 7, наш дом».

Этот снимок сделан был еще до войны, время наложило на него тусклую серость, но изображение еще оставалось крепким, четким, и хорошо виден был двухэтажный дом, похожий на все добротные немецкие дома немецких городков, мансарда краснела черепицей в горячих лучах солнца, вблизи — сосны, утренне высвеченные на одной стороне стволов, лужайка перед домом, сочно-зеленая, подстриженная, посреди которой лежал велосипед, возле присела на корточки загорелая девочка-подросток, на ней спортивный костюм, под шапочку убраны короткие желтые волосы. Девочка присела над никелированным рулем, а он металлическими рогами торчал из травы, по-летнему густой, счастливой...

— Вам знаком этот дом, господин Никитин?

Два пальца госпожи Герберт, зажимавшие сигарету, лиловели лаком ногтей, как бы случайно прикрывали лицо этой девочки, показывая Никитину дом,— он, охваченный туманным и жарким беспокойством, словно усилием расталкивая наслоения памяти, внезапно ощутил когда-то сладостное дуновение смолисто-терпкого, прогретого воздуха, облитую полуденным весенним солнцем стену дома, открытое окно, за которым была полутемь прохлады, звук патефона доносился из глубины дома, и в такой же сочной зеленой траве валялся посреди лужайки сверкающий велосипед с изуродованными прикладом спицами.

Да, когда-то был добротный и удобный немецкий дом в Кёнигсдорфе, в дачном городке под Берлином, подобный этому дому, окруженный соснами по краю лужайки, только орудия батареи были вкопаны метрах в ста пятидесяти за яблоневым садом с направлением стрельбы на шоссе по берегу озера, и «студебеккеры» стояли незамаскированные под пятнистой тенью сосен. Да, в таком же доме размещался взвод Никитина, заняв четыре или пять комнат, и был во взводе английской марки («хиз мастер») патефон и набор пластинок, взятых еще в Польше, на какой-то разрушенной вилле в лесу близ Варшавы и чудом сохраненных и довезенных до Германии.

Но было тогда что-то ужасное, преступное и радостное, связанное со звуками патефона из открытого окна, с запахом травы и махорки, солнечным майским утром и этими освещенными по одной стороне соснами, увиденными неожиданно им, что-то счастливое и нечеловечески жестокое, связанное с его судьбой, которая едва не сломалась, не повернула его жизнь в темноту, отделенную от всех неистовой злобой, любовью и жалостью.

Никитин помнил то ощущение конца войны и начала жизни, и ту свою неистовую одержимость жизнью, ликование молодости, и ту страшную серую стену, плотно замкнувшую его в те солнечные, тихие, зеленые дни за окнами добротного дома под соснами...

— Кто эта девочка? — глухо спросил Никитин и от удушья, от сердцебиения слегка выпрямился, чтобы в грудь больше вобрать воздуха; ему сейчас так неистребимо захотелось увидеть лицо этой девочки, как если бы лицо ее могло ему много объяснить, вернуть, напомнить навсегда ушедшее, прекрасное и страшное, расплывшееся, будто во сне.

— Девочка?—Пальцы ее, закрывавшие часть фотографии, заскользили, трепетно побежали по твердому листу альбома, и она вполголоса сказала: — Это я, господин Никитин.

— Вы? Это вы?

— На фотографии мне одиннадцать лет. В том году была одержана победа в Чехословакии, и мне купили велосипед. Отец очень любил и баловал меня после смерти матери...

— Ваш отец был уже в армии?

— Да... Посмотрите, господин Никитин, какой гадкий кенгуренок сидит в траве — руки длинные, плечи острые, весь из углов, фи, можно обрезаться!.. Подросток — неудачная пора девочки с манерами мальчика...

Нет, то было другое, он не помнил ни длинных рук, ни острых плеч, ни задиристого мальчишеского лица этой неуклюжей девочки-подростка, которой он никогда не видел. То, непостижимо связанное с обогретой солнцем лужайкой, соснами и велосипедом в траве, было такое пронзительное, такое мгновенно прошедшее, как давнее короткое потрясение, как горькая радость от чего-то свершившегося тогда, очень важного, главного, но упрятанного временем в памяти. И Никитин испугался мучительной жадности медленного узнавания, когда разглядывал дом, лужайку, сосны на фотографии, и вместе с тем он еще попытался зачем-то уверить себя, что это не совсем тот дом, не совсем та лужайка, не совсем те сосны, возвращенные изменчивой игрой ощущений, но уже знал, что, внушая самому себе сомнения, он не мог ошибиться, не мог обмануть свою память, отказаться от нее.

— Вы не помните этот дом, господин Никитин?

— В Германии мы не раз останавливались в таких домах,— сказал Никитин.— К сожалению, нет. Не помню.

Он так спокойно ответил ей, так решительно солгал, что опять почувствовал вцепившееся в горло удушье, недостаток воздуха и от сердцебиения и от ее долгого ошеломленного молчания, а оно, это молчание, физически давило на его плечи, на его грудь, на кожу лица, точно был миг совершенного им предательства, принятого ею, наверно, за ответ вялого равнодушия к тому, что он не держал в сознании или не хотел вспоминать: он имел право все забыть. И она сказала без особого выражения, однако голос ее в конце фразы подрезался до шепота:

— Да, да, господин Никитин, прошло столько лет. А в этом доме прошла моя юность...

Она судорожно затянулась сигаретой, сдула пепел с альбома и стала гасить сигарету, старательно приминая ее к донышку пепельницы, потупив глаза. А он с вежливым показным вниманием смотрел на фотографию в альбоме, ужасаясь и не веря тому, что подсказывала память, сравнивая вставшее словно из светлого тумана майского утра некрасивое, враждебное и прекрасное, как у мальчишки, лицо девочки, усеянное веснушками юной чистоты вокруг чуточку вздернутого носа, с этой взрослой утонченностью подведенных бровей фрау Герберт, ее маленьким ухом, видным из-за поднятых, стянутых сзади в пучок, побеленных аккуратной сединой волос, ее золотым медальончиком на груди, ее бледностью висков, на которых нежно проступали жилки... И в лихорадочном сопоставлении не находил ничего общего между той выдуманной воображением или забытой Эммой и фрау Герберт; казалось, бессмысленно сравнивал детский сон и настоящую реальность.

«Сколько же мы стояли тогда в Кёнигсдорфе? — думал Никитин, потрясенно отыскивая в глубинах прошлого ускользающую прочность того весеннего, далекого, почти недействительного.— Мы стояли там недолго, несколько дней, около недели. Так неужели фрау Герберт та самая Эмма? Неужели? Ей тогда было лет восемнадцать. И все, что произошло между мной, сержантом Межениным и командиром батареи Гранатуровым, было из-за нее? Не может быть! Как она меня узнала, если мы оба так изменились? В зеркало бы, в зеркало бы на себя посмотреть сейчас — седые виски, морщины под глазами!.. Как она могла узнать меня? Каким образом она узнала?»

— Господин Никитин... вы меня забыли, прошло столько лет... А я помню, как вы ночью и утром писали на бумаге: «До свиданья, Эмма». До сви-дань-я-а...

Этот голос фрау Герберт, сниженный, протянувший по слогам последнее слово, душно ожег его знойной волной, как в то невозможно давнее горячее военное утро под накаленной солнцем крышей мансарды,— ведь тогда перед распахнутым окном он сидел с нею за столом и по буквам выводил русские слова на теплом белом листе бумаги, а внизу возле дома уже не было машин, и лишь на лужайке ждал его «студебеккер» четвертого орудия, ждал, работая мотором, оттуда доносились голоса солдат, которые весело кричали им вразнобой: «Эмма, ауф видерзеен! Товарищ лейтенант, ехать пора!»

А потом он целовал ее с какой-то жестокой прощальной нежностью, тормошил ее, стискивал ее в объятиях, еле не плача, зная, что они больше не увидятся, и она, подняв мокрое, безобразно искаженное сдерживаемыми рыданиями веснушчатое лицо, не отпуская его, все повторяла, заикаясь, выученную ею русскую фразу: «Ва-ди-им, мил-ий, не-е з-забыв-ай мень-я».

Он оторвался от нее, скатился, сбежал по лестнице, и, когда садился в машину, она еще стояла в окне, но он не махнул ей, не повернулся к окну, не взглянул, крикнул сжатым голосом: «Поехали! Марш!»

— Госпожа Герберт...—сказал Никитин и, наклоняясь, не глядя ей в глаза, поцеловал ее ледяную, дрожащую руку.— Мне трудно поверить, Эмма.

Полностью роман Юрия Бондарева «Берег» будет напечатан в журнале «Наш современник».

ДОВЕРИЕ К ДАРОВАНИЮ

В первом стихотворении своего первого поэтического сборника Иван Исаев с беспокойством спрашивает и самого себя и, вероятно, нас, своих читателей:

Кем пришел я —
сюда, для суда?

Вопрос для вступающего на литературный путь, как говорится, не праздный. И автору стихотворения и нам хорошо известно, что существует:

Столько легких путей обнищания
золотого запаса души!

Двадцать шесть произведений собраны в книге «Ладонь на плече» — есть в этой поэтической экспозиции решающее, что делает стихи серьезной поэзией: умение молодого автора зорко видеть, обостренно чувствовать, пристрастно рассуждать.

Главное для Ивана Исаева — выразить свое видение, свое ощущение, свое понимание окружающей жизни: и в ее непосредственном детальном проявлении и, я бы сказал, в широком общественном плане.

Близким и душевным видится Ивану Исаеву весь живой мир:

Вечерами на безлюдье
для меня деревья — люди.
Много ль надо человеку?
Подойти,
потрогать ветку,
ствол погладить,
опереться,
помолчать о том, что в сердце...

Все это — хорошая исходная ступень для дальнейшей работы молодого художника. Да, художника, молодого, начинающего, но именно художника. Хочется, чтобы он со своими нерядовыми поэтическими задатками быстрее и увереннее утвердился как своеобразный и яркий поэт.

Ибрагим КЭБИРЛИ

Иван Исаев. Ладонь на плече. М., «Молодая гвардия», 1974, 32 стр.

СКОЛЬКО ЛЕТ ТЕБЕ, УФА?

Рамиль ХАКИМОВ

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

Уфе — столице Башкирской АССР — исполнилось четыреста лет. В печати опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Уфы орденом Октябрьской Революции. Поздравляем тебя, славный город, поздравляем твоих жителей. И тех, кто работает на ниве умственного и физического труда. И тех, кто занят в сфере обслуживания. И тех, кто еще учится и ходит в детский сад, чтобы в будущем способствовать дальнейшему расцвету родной республики и всей Советской страны.

Улицы Уфы уходят в небо.

Город стоит на высоких холмах, с трех сторон его обнимают реки,— он, словно полуостров, вздыбленный над равниной. И улицы, как бы они ни шли — с севера на юг или с запада на восток,— неминуемо обрываются на высоких кручах. Глаз, внезапно разлученный с чередой стен, растерянно блуждает по облакам и лишь потом вылавливает под ногами уходящий вниз каскад крыш. Улица народного поэта Мажита Гафури особенно рельефно демонстрирует этот характер уфимских улиц. Приблизившись к обрыву над Белой, она, словно перед броском, вытягивается в долгую, напружиненную площадку. На самой дальней ее кромке, ежесекундно готовый рвануться в облака,— Салават Юлаев на крылатом коне. За спиной батыра — девятисоттысячный город.

Сколько лет тебе, Салават? С этого вопроса начинается одна из лучших народных песен. Вся Башкирия знает ответ на него, но песня для того, видно, и была рождена, чтобы из года в год тревожить, обжигать и воодушевлять своим вопросом и своим ответом. Песня снова и снова спрашивает: сколько лет великому башкиру, певцу и полководцу, и песня снова и снова отвечает: Салавату было двадцать два! Ему было двадцать два, когда он возглавил башкирские отряды пугачевской рати.

...Они увиделись ровно два века назад, осенью 1774 года. Салавата Юлаева, схваченного в конце восстания, доставили в Уфу закованным в кандалы. Мог ли подумать сам Салават и те уфимские обыватели, кои сбегались поглазеть на него, что через двести лет здесь, на высокой круче, сподвижнику Емельяна Пугачева будет поставлен величественный памятник, а на том месте, где он томился в подвале, поднимется монумент Дружбы — в честь четырехсотлетия добровольного присоединения Башкирии к Русскому государству?

...В Уфе тысяча улиц. У каждой своя история. Сколько лет самым древним из них? Вы скажете: столько же, сколько Уфе. Позвольте не согласиться. Самые древние ее улицы в юности были дорогами. Ведь что такое, в сущности, улица, как не дорога, обросшая домами?

Тысячу лет назад проторили башкиры свои первые тропы на стыке Азии и Европы. Здесь они, отказавшись от кочевого существования, пустили корни, зацепились за землю. Но века проходили за веками, а не возникали на этой земле города, не бороздил почву плуг.

Земля башкирская... В послеордынские времена ее, точно кривыми безжалостными саблями, располосовали четыре ханские дороги. Они получили имена по названиям тех ханств, которые обложили башкир данью. Казанская, Сибирская, Ногайская, Осинская дороги выкачивали из Башкирии ее жизненные соки.

Место пересечения дорог становилось самым главным. Может быть, оно ощущалось таким именно потому, что сюда стекалась вся боль народная, боль за родину. А где живет эта боль, там и сердце нации.

Не знаю точно: здесь или в другом месте Башкирии возникла мысль просить у России защиты от многочисленных захватчиков, но скоро она завладела помыслами всего народа. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству в 1552—1557 годах стало определяющим рубежом в ее истории. Именно благодаря ему башкирские племена сумели сохранить целостность, потенциальную возможность стать в будущем единой нацией. И именно благодаря ему в том месте, где Башкирия через боль острее всего ощущала самое себя, возник город, которому суждено было стать столицей.

ЧЕТЫРЕ ВЕКА

Сколько лет тебе, Уфа?

Древние дороги, давшие тебе начало, стали обрастать домами в 1574 году.

В башкирских шежере и других документах говорится, что вскоре после присоединения к России башкиры «у великого царя просили построить город Уфу на своей земле» и что Уфа «построена на деньги самих башкир». Воинственные соседи были неприятно уязвлены сообщением о возникновении города, а ногайский князь Урус, тот даже послал Ивану Грозному «досадную грамоту».

Первое семя нового города принял на себя холм, стоящий там, где сошлись главные притоки матери рек башкирских — Белой: Уфа и Дема, а также речка Сутолока. Пересечение четырех главных дорог, воссоединение четырех главных рек... Более подходящего места нельзя и вообразить. Уфу строили и обживали прибывшие из соседней Казани московские служилые люди, заброшенные сюда волей судьбы иноземцы, татары и сами башкиры. Свой интернациональный облик Уфа сохранила и в будущем.

Круглые даты завораживают. Их нули, точно увеличительные линзы, манят заглянуть в глубь истории. Много это или мало — 400 лет? Я присутствовал на праздновании 2 750-летия Еревана. Есть города, живые и мертвые, которые еще старше Уфы.

И все же четыре века — возраст немалый. Когда над речкой Сутолокой поднялись дубовые стены Уфимской крепости, еще не было многих городов к западу, без которых невозможно представить историю России. И — на это я обращаю особое внимание читателя — ни одного города к востоку на всем необозримом просторе Сибири, вплоть до самого Тихого океана. А история развивалась таким образом, что пути прогресса шли на восток от Москвы. «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку,— писал Фридрих Энгельс в письме к Карлу Марксу.—...Господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар».

В начале XVIII века башкиры сыграли немалую роль в борьбе с польско-шведскими интервентами. Они входили в ополчение Минина и Пожарского, освободившее Москву от польских панов, что засвидетельствовал в благодарственной грамоте уфимскому воеводе царь Алексей Михайлович. Особенно отличились башкирские войска, и в частности уфимские полки, в Отечественной войне 1812 года. Вооруженных луками и стрелами башкирских джигитов французы нарекли «северными амурами». Им пришлось лицезреть сынов Урала не только на Бородинском поле, но и в Париже тоже.

Так и перекочевывала из века в век моя небольшая Уфа. Помогала всем, чем могла, матери России. На седых прибельских кручах строились новые дома, удлинялись улицы, играли свадьбы и рожали детей. Кто-то здесь находил свою судьбу, а кто-то, родившись здесь, искал ее на стороне. Кто-то из уфимцев умирал безвестным, а кто-то составлял славу всей России. В Уфе вырос Сергей Тимофеевич Аксаков, родился Михаил Васильевич Нестеров.

Символ братства башкирского и русского народов — монумент, воздвигнутый в честь 400-летия добровольного присоединения Башкирии к России.

Новые белокаменные кварталы — характерная примета сегодняшней Уфы.

На развороте вкладки:
Уфа — крупнейший центр переработки нефти. Одно из ведущих предприятий — Ново-Уфимский нефтеперерабатывающий завод.

Новые ансамбли застройки города рождаются в чертежах и макетах архитекторов института «Башкиргражданпроект».

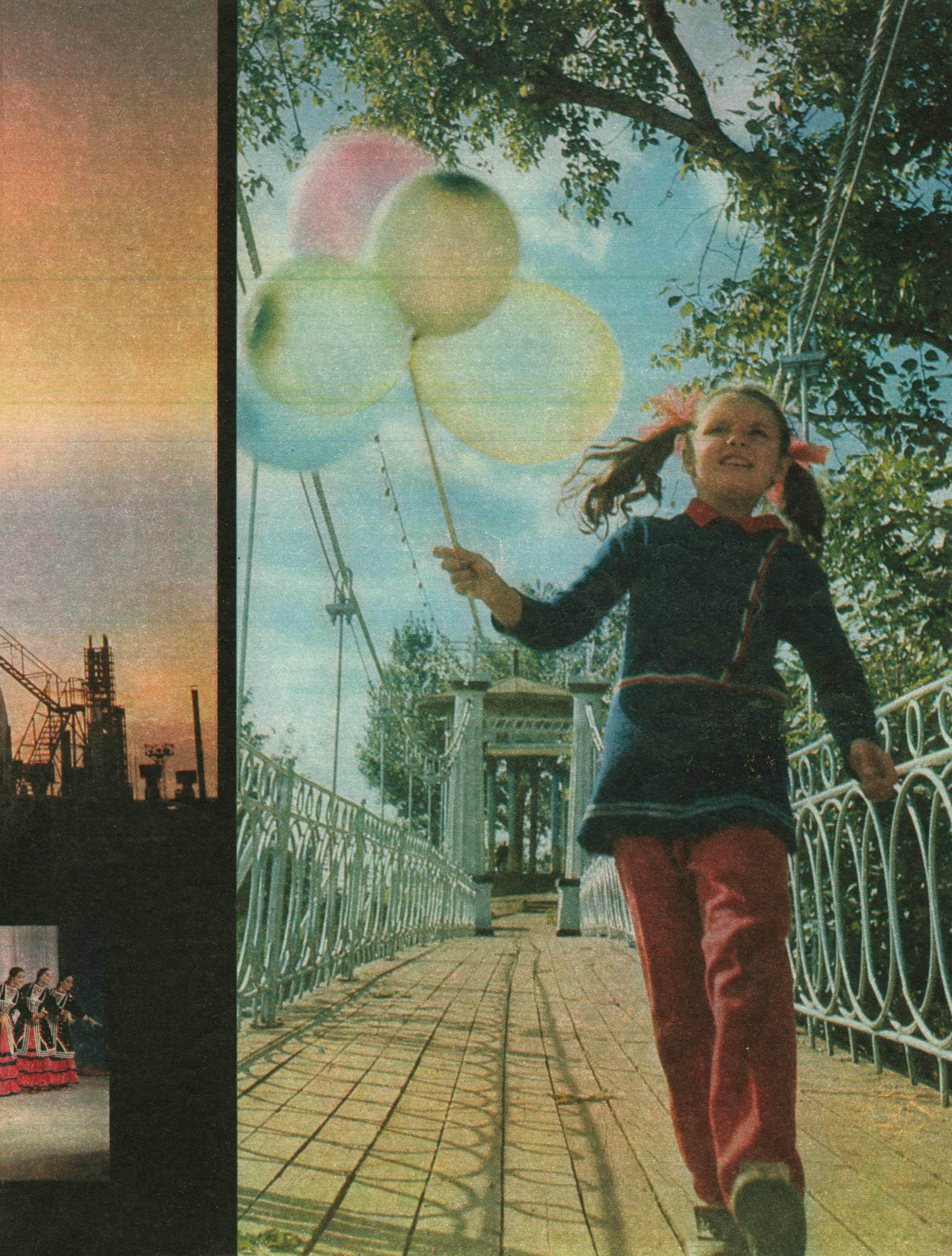
Уфимский сувенир.

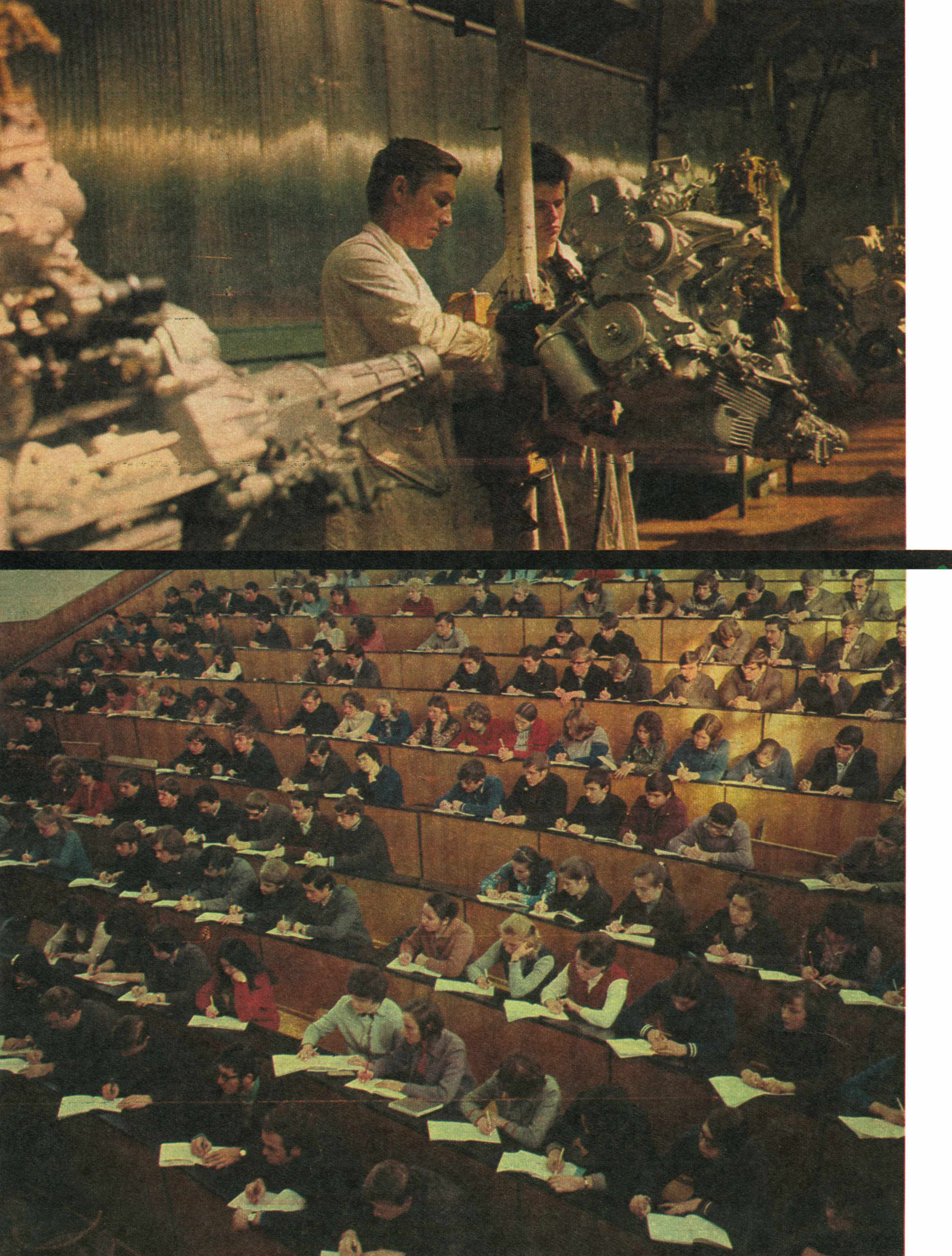
«Семь девушек» — лирический башкирский танец исполняют артисты Государственного ансамбля народного танца.

Дина Хасанова — первоклассница.

ОБРЕТЕНИЕ СТОЛИЦЫ

К самым ярким страницам истории Башкирии относятся те, что запечатлели дни неоднократного пребывания в Уфе Владимира Ильича Ленина. Впервые он увидел Уфу в один из февральских дней 1897 года — по пути в сибирскую ссылку. В своей книге «Развитие капитализма в России», законченной уже в Шушенском, Ленин так охарактеризовал положение Башкирии конца XIX века: «Это — такой кусочек колониальной политики, который выдержит сравнение с какими угодно подвигами немцев в какой-нибудь Африке».

Через три года, возвращаясь из ссылки, Владимир Ильич остановился в Уфе на несколько дней. К тому времени здесь уже жило много ссыльных и местных революционеров: Цюрупа, Свидерский и другие. Рабочий Иван Якутов возглавлял социал-демократический кружок в железнодорожных мастерских и депо.

Перед отъездом за границу, летом того же 1900 года, Ленин прибыл в Уфу по реке Белой. На этот раз он пробыл в городе около трех недель. На свидание с Лениным, в домик, стоящий на углу улиц Жандармской и Тюремной, приходили не только местные социал-демократы, но и революционеры, приехавшие из других городов. Владимир Ильич активно способствовал их идейной закалке, учил уфимцев тактике и стратегии революционной борьбы.

Неоднократное пребывание Владимира Ильича Ленина в Уфе сказалось в дальнейшем самым решительным и плодотворным образом. Уфимская социал-демократическая организация стала одной из сильнейших на Урале и в Поволжье. Уфимский опорный пункт «Искры», возглавляемый Н. К. Крупской, не только организовался первым в России, но и был одним из активнейших: в номерах «Искры», выпущенных Лениным, Башкирия упоминается десятки раз. На Втором съезд партии уфимские социал-демократы делегировали двух своих товарищей. По тем временам (на съезде участвовало, если вы помните, пятьдесят семь делегатов, представлявших двадцать шесть организаций) это была внушительная делегация. Большую роль в революционной борьбе сыграли уфимские боевики, в ядро которых входили три брата Кадомцевых, с которыми В. И. Ленин близко сошелся в Уфе. А Иван Якутов, которого В. И. Ленин также знал лично, в годы революции 1905—1907 годов возглавил восстание уфимских железнодорожников и тогда же стал первым председателем Уфимского Совета рабочих депутатов.

Уфимский моторостроительный завод. С его конвейеров сходят отлично зарекомендовавшие себя двигатели к автомобилю «Москвич-412».

Здесь, в вузовских аудиториях, готовятся специалисты для различных областей народного хозяйства.

Заветы Ленина свято хранились башкирскими революционерами в трудные годы подготовки Октябрьской революции. Ее Уфа встретила во всеоружии. В июне 1919 года город был окончательно освобожден от белогвардейцев. Взятие Уфы явилось не только самым главным боем для легендарного Чапаева и его знаменитой двадцать пятой стрелковой дивизии, но и значительной страницей гражданской войны. В боях за освобождение города принимали непосредственное участие Михаил Фрунзе, Василий Чапаев, Дмитрий Фурманов.

Еще одно имя, известное миру, узнала Уфа тех лет: волей судьбы сюда был заброшен Ярослав Гашек, здесь он активно участвовал в большевистской печати и, не могу удержаться от подробностей, нашел подругу жизни.

14 июня 1922 года Уфа была провозглашена столицей Башкирии. Незадолго до этого, 23 марта 1919 года, в «Известиях» появился декрет о создании Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики. Его подписал Владимир Ильич Ленин. Наконец-то башкирский народ получил государственность и обрел столицу.

ГОРОД МОЕГО ДЕТСТВА

Низкорослой и неказистой была Уфа до революции. Одноэтажные деревянные дома обступали небольшую каменную часть города. Пыль стояла столбом на немощеных мостовых, лишь на главных улицах колеса телег грохотали по булыжникам...

В годы первых пятилеток город рос за счет села — в прямом и в переносном смысле. В тридцатые годы в его черте оказались окрестные деревеньки с щемяще некрасовскими названиями: Сипайлово, Непейцево, Тужиловка...

Город наступал на село, а село, в свою очередь, овладевало городом: сюда переселялись те, кому до революции заказано было полноправное городское жительство. Дети пастухов и землепашцев становились слесарями и шоферами, студентами и врачами, артистами и писателями. В первые годы Советской власти башкиры получили свою письменность, литературный язык. Первое поколение башкирской интеллигенции — все как есть! — вышло из деревни.

Я пытаюсь увидеть Уфу сорокалетней давности глазами моих родителей. Подхваченные миграционной волной, они приехали в столицу в самом начале тридцатых годов — в лаптях, не обремененные даже чемоданами.

Все тогда было впервой: заводы и книги, институт и театры. Город казался вздыбленным от строек. Рвались к облакам его новые стены и крыши, на пустырях поднимались детища первых пятилеток — ЦЭС, крекинг-завод, моторный завод. Только что открыли нефть, и Уфа тянула нефтепровод и железную дорогу к провозвестнику второго Баку — Ишимбаю.

Наверно, тогда шоферская должность казалась деревенскому парню такой же романтичной, манящей, какой сегодня представляется нам профессия космонавта, и вчерашний организатор колхоза, секретарь аульской партячейки в порядке выдвижения был допущен к баранке грузовика и с упоением стал возить стройматериалы на железную дорогу Уфа — Ишимбай.

Но недолго новый представитель молодого рабочего класса Башкирии поблаженствовал в городской квартире об одну комнату с ее сказочным коммунальным комфортом — электричеством и радио, двумя печками и водой из колонки, что стояла на ближайшем перекрестке. Накрыла все эти блага тяжелая тень войны, и отправился уфимский шофер на фронт, оставив жену и сына.

В первые дни войны в ряды Красной Армии вступало в Уфе по тысяче добровольцев. А всего на фронт ушло 80 тысяч уфимцев.

Как мы, мальчишки, рвались тогда на фронт! Не могу удержаться от того, чтобы не привести здесь два документа. Первый из них написал будущий солдат наркому обороны:

«Здесь, в Уфе, я трижды просился на фронт, и трижды мне было отказано в этом. А мне 17 лет. Я уже взрослый, я больше принесу пользы на фронте, чем здесь. Убедительно прошу Вас поддержать мою просьбу — направить на фронт добровольцем и желательно на Западный фронт, чтобы принять участие в обороне Москвы».

Много тогда писалось таких писем. Но у этого судьба особенная. О его авторе страна узнала из приказа наркома обороны: «Великий подвиг товарища Матросова должен служить примером воинской доблести и героизма для всех воинов Красной Армии...»

Добавлю здесь, что в Уфе родилась Герой Советского Союза Наташа Ковшова, жила известная по книге Е. Ильиной «Четвертая высота» Гуля Королева.

В Уфе и под Уфой формировались многие воинские части. Среди них Башкирская кавалерийская дивизия, которая прошла славный путь, пролегший через Сталинград, Днепр и завершенный в Берлине. Она заслужила звание Гвардейской и была награждена четырьмя орденами, около восьмидесяти ее воинов удостоены звания Героя Советского Союза.

Более ста тысяч беженцев и половина из ста эвакуированных в Башкирию предприятий разместились в Уфе. Полтора года в городе функционировал исполком Коминтерна, волны эфира уносили на запад его передачи на польском, болгарском, чешском, словацком, сербском, немецком, французском, итальянском языках. Улицы Уфы помнят Георгия Димитрова и Пальмиро Тольятти, Вильгельма Пика и Вальтера Ульбрихта, Клемента Готвальда и Мориса Тореза.

Кто из нас, переживших войну, забудет тот день, когда на нашу улицу пришел наконец праздник! Гремели салюты, и мы, уфимские мальчишки, бегали по мостовым и чиненными-перечиненными башмаками гасили искры догорающих ракет.

В Уфе моего детства не было площадей. Знать, не для радостей, не для праздников был город поставлен. Площади образовались после победы, когда появилась потребность в многолюдных демонстрациях, торжественных митингах, народных гуляньях.

И все больше в Уфе садов и парков, аллей и скверов. Весной и летом город утопает в цветах.

И всегда глаз, как и прежде, находит в Уфе черты Азии и Европы. Не отторженных друг от друга, а слившихся воедино. Граница двух частей света, проходящая по Башкирии, давно воспринимается нами линией соединения, а не разъединения.

Со всех сторон к Уфе льнут хлебные поля. Захватывая одним взглядом завод «Синтезспирт» и соседнее хлебное поле, я думаю о том, что многие уфимцы вправе считать себя хлеборобами. На заводе любят подчеркнуть, что шестьдесят гектаров земли, занятых его цехами, только при производстве спирта позволяют сберечь десятки миллионов пудов зерна ежегодно. Кстати, на этом заводе первой продукцией был не этиловый спирт и не полиэтилен, а... мед! Завод еще только строился, когда пчелы из окрестных лесов облюбовали его сооружения и здесь организовали производство своей сладкой продукции. Еще до того, как завод вступил в строй, рабочие цеха газоразделения, припомнив ремесло предков — бортничество, накачали по полведра меда.

И уж коли говорить о древних занятиях башкир, то надо упомянуть о кумысе. Его готовят на Уфимском конезаводе.

А уж заговорив о конезаводе, грешно не вспомнить об уфимских джигитах. Но здесь, хотя есть основания поговорить о рекордсменах конных ипподромов — воспитанниках упомянутого конезавода, я скажу лишь о том, что Уфа является столицей мотоспорта. В Уфе живут чемпионы мира по мотогонкам на льду (причем один из них, Гаптрахман Кадыров,— шестикратный), чемпионы СССР и Европы по этому и другим видам мотоспорта.

В этой части своего рассказа мне хочется обратить внимание читателя на характерные особенности города, на те, что присущи только ему. Я бы подвел читателей к зданию на центральной магистрали Уфы — на улице Ленина, 102. Рядом с ним возвышается... нефтяная вышка. Нефти она, правда, не дает (она построена для научных целей), но свидетельствует, что Башкирия — республика большой нефти, дающая вместе со своими соседями, Татарией и Тюменщиной, основную массу «черного золота».

Особая роль принадлежит Башкирии в переработке нефти. Такого узла нефтеперерабатывающих и химических предприятий, которыми располагает Уфа, нет на всем континенте. Большая нефтехимия Башкирии — это и школа передового опыта и лаборатория самых передовых методов труда для всей страны. Огромные давления, бешеные скорости, немыслимые температуры взяты в узду уфимскими нефтепереработчиками.

...Сколько усилий потратили башкиры, чтобы порвать с кочевым образом жизни, но и сегодня многие жители республики постоянно в пути — в Уфе функционируют два орденоносных треста — «Нефтепроводмонтаж» и «Востокнефтепроводстрой», работники которых тянут трубы всевозможного назначения во все концы страны. Для того, чтобы познакомиться с зонами проникновения башкирских трассовиков, я в свое время совершил несколько поездок, захвативших пространство от Татарии до Татарского пролива. Даже на Сахалине я встретил много людей с уфимской пропиской или же прошедших выучку в Башкирии. Стальные трубы, полные живительного горючего, добираются до далеких сибирских городов и до

среднеазиатских пустынь, уходят на запад, где вливаются в магистрали социалистического содружества. Одна из них — трасса Усть-Балык—Курган — Уфа — Альметьевск — была проложена совсем недавно. Гигантский нефтепровод еще крепче «приварил» друг к другу Европу и Азию, он был сооружен в невиданные сроки: в четыре раза меньше обычных.

Соперничая с башкирской нефтью, достигает самых отдаленных уголков страны и мира иная продукция Уфы: моторы, кабель, бытовая техника, электроаппаратура...

Уфимский трижды орденоносный моторостроительный завод внес большой вклад в дело победы над фашистской Германией. Он двадцать три раза завоевывал переходящее Красное знамя Государственного Комитета Обороны. Не меньшие заслуги у моторостроителей и сейчас. В невероятно короткие сроки они освоили выпуск моторов к автомобилю «Москвич». В авторалли Лондон — Сидней и Лондон — Мехико «Москвичи» с уфимскими двигателями, соревнуясь с моделями знаменитых фирм, одержали впечатляющую победу, что позволило им стать конкурентоспособными на мировом автомобильном рынке. В этом году два работника завода Михаил Алексеевич Ферин и Игорь Николаевич Бойчев за участие в производстве «Москвичей» были удостоены Государственной премии СССР.

НА ОДНОЙ УЛИЦЕ...

Город раздается в плечах под стать своим хозяевам. Девяти-, двенадцатиэтажные дома сахарно белеют в синеве неба. Один лишь трест крупнопанельного домостроения сдал в этом году 240 тысяч квадратных метров жилья. Возводимые им массивы Новиковка, Солнечный, Утренний радуют глаз простором, современными линиями.

Все заметнее вклад республики в мировую сокровищницу знаний: уже не одна ее строка написана учеными Башкирии. В Уфе работает филиал Академии наук СССР, десятки научно-исследовательских институтов, семь вузов.

Под стать науке и успехи башкирского искусства. В десятках стран мира побывали наши балетные пары, кураисты, солисты башкирского ансамбля народного танца. А успехи наших писателей! Из своего окна я вижу светящиеся в ночи окна народного поэта Башкирии Мустая Карима. Какая у него судьба! Он родился в один год с башкирской автономией, его детство совпало с годами выработки башкирской письменности и с первыми шагами профессиональной литературы на башкирском языке. Когда ему было девятнадцать, его стихи вошли в школьные хрестоматии, а когда ему было двадцать два, его писательское удостоверение и комсомольский билет были пробиты осколком вражеской мины и позднее попали на музейный стенд. После войны Мустай Карим стал видным писателем всей страны. Он лауреат Государственной премии СССР. Коммунисты Башкирии избирали его на съезды партии, начиная с Девятнадцатого. Он уже многие годы является заместителем Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР, членом множества комитетов и правлений. Десятки театров страны ставят его пьесы. Книги его знают не только в нашей стране, но и за рубежом.

Радостно мне жить в моей Уфе хотя бы потому, что знаю: в любую минуту постучатся в дверь отец с матерью. И позвонит девяностолетний старец Валентин Васильевич Шохов, чтобы рассказать о делах в своем чудо-саду. И загалдят ребятишки из двух соседних детсадов. И прозвенят позывные башкирского радио: «Сколько лет Салавату...» И вспыхнут в вечернем небе огненные слова «Уфе 400 лет»...

...Уфимцы — хороший народ. Закаленный в горниле самой великой революции, вынесший самую страшную на земле войну, строящий самый справедливый и высокий уклад человеческого существования. Вы скажете, что в этом мы ничем не отличаемся от двухсот пятидесяти миллионов других граждан Советского Союза. А мы в этом и не хотим отличаться. Мы же все живем на одной улице, на той улице, один конец которой в прошлом, а другой выходит в высокое небо наших самых светлых помыслов.

«ЗВЕЗДЫ» ЗА ОБЛАКАМИ

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Лев
ФИЛАТОВ

Позади еще один футбольный сезон. Есть у него приятные особенности, такие, как выдвижение «Черноморца» и «Пахтакора», хорошие выступления киевского «Динамо» в чемпионате и в Кубке кубков, успех «Спартака», завоевавшего серебряные медали. Однако неудачная игра сборной страны прозвучала как сигнал о неблагополучии в нашем футболе. Публикуемая статья рассматривает один из сложных и актуальных вопросов: почему у нас мало выдающихся игроков — «звезд».

Кажется, чего яснее: «звезды», игроки выдающихся качеств, и желательны и необходимы футболу. Кто возьмется во всеуслышание оспаривать это утверждение?

Правда, несколько лет назад был брошен лозунг, содержавший призыв отныне создавать не команды из «звезд», а команды-«звезды». Было объявлено, что будущее за такими командами, а иными словами, за продуманной и отлаженной, как механизм, игрой, когда одиннадцать людей каждую секунду знают, что им полагается делать, и одинаково умеют делать все, что полагается. Но в этом бойком лозунге не таилось, по сути дела, никакого открытия, потому что футбол и был изобретен как игра коллективная, в которой люди, говоря попросту, получают удовольствие от дружных, согласованных действий. На всем протяжении истории футбола наибольших успехов добивались команды, прекрасно сыгранные. Разве не были командами-«звездами» блиставшие почти тридцать лет назад московские «Динамо» и ЦДКА?! Разве чемпион мира 1958 года сборная Бразилии не была командой, где каждый игрок понимал другого с полуслова?! И в то же время все эти команды имели в своем составе выдающихся игроков, о которых вспоминают ныне как о классиках футбола.

Как бы ни прогрессировал мировой футбол, как бы дотошно ни исследовался, что бы в нем ни открывали, он остается верен целому ряду старых своих законов. Один из этих законов гласит, что хорошая игра предусматривает умелое и тактичное использование ценных качеств личности в общих интересах.

Последний чемпионат мира летом этого года снова настойчиво и выпукло на примере лучших команд показал нам, каково значение «звезд».

Один из матчей этого чемпионата я целиком посвятил наблюдению за голландцем Круиффом. Он вел себя на поле с обескураживающей естественностью, немыслимой для игрока просто хорошего. Круифф делал все, что хотел, что считал нужным. Как истинная «звезда» первой величины, он не испытывал ни малейшего затруднения в передвижении по полю, бег подразумевался само собой. Легкость перемещения позволяла ему, как ферзю на шахматной доске, попадать на любую, хоть самую крайнюю клеточку поля, от ворот до ворот. И как результат — свобода в выборе решений, в чем, чувствовалось, и состоит для Круиффа вся радость игры. Только что «повоевав» во вратарской площади противника, он вдруг неизвестно почему занимал место защитника вблизи от своего вратаря. Оказывается, это он «забрался» на наблюдательный пункт и намечает свой следующий выпад, да и любит он вырываться вперед с разгона. И все время он, как регулировщик на перекрестке, руками ведет тактический разговор с партнерами.

Никто из его товарищей не требовал, чтобы он встал к «конвейеру», за ним сохранялось право на свободную игру. (Но, разумеется, не на свободу от игры, что

охотно позволяют себе некоторые куражащиеся псевдо-«звезды».) Думаю, что и по километражу пробега и по секундам владения мячом Круифф не уступал партнерам. Но даже если и окажется, что он что-то не доделал, не уложился в число обязательных для мастера приемов (эти нормативы уже выведены научными бригадами), то как же не бросить на весы то, чего, правда, нельзя сосчитать, но без чего победы сборной Голландии будут необъяснимы? Это тот страх, в котором Круифф держал противника, и та смелость, которую он внушал своим товарищам.

И хоть Круифф, как и всякий игрок редкостных достоинств, никого другого не напоминает, по своей роли в команде, по влиянию на игру он похож на Пеле, каким тот выглядел в матчах предыдущего, мексиканского, чемпионата мира. Это сопоставление невольно рождалось всякий раз, когда я попадал на игры с участием бразильцев. Мне трудно принять версию, что они плохо подготовились к чемпионату, потому что до сих пор они всегда отличались наиболее продуманной программой. В разные годы я видел бразильскую сборную, но никогда она не оставляла впечатления команды пассивной и... обыкновенной, как на стадионах ФРГ. Выяснилось, что такие игроки с именем, как Ривелино и Жаирзиньо, не из тех «звезд», которые освещают дорогу партнерам. А равных Диди, Гарринче, Пеле, Герсону на этот раз у бразильцев не нашлось.

У нынешних чемпионов мира, сборной ФРГ, заметно выделялись и игрой и влиянием Бекенбауэр

и Мюллер. Первый потому, что лучше всех на поле «читал» игру и на его подсказку в виде внезапных диспетчерских подключений в атаку надеялись партнеры, второй — благодаря феноменальному умению сойтись на мгновение с мячом в той точке, откуда можно забить гол, что тоже окрыляло его товарищей.

Впрочем, за примерами не обязательно ходить далеко. Вспомним, как мы всегда с особой надеждой поглядывали на Яшина, Нетто, Месхи, Воронина, Иванова, Шестернева, рассчитывая, что они не только хорошо сами сыграют, но и тон зададут и за собой увлекут.

Иной читатель может выразить нетерпение, зачем, дескать, доказывать значение «звезд», когда оно очевидно. Верно: болельщики любят наблюдать на поле за личностями, которые расцвечивают футбол, внося в его военно-шахматный строй необычайные, небывалые сцены. Но коль скоро затронута тема «звезд», то ведь неминуем вопрос: куда они у нас подевались, почему давно их не видно? А любая попытка разобраться в этом нелегком вопросе должна непременно включать в себя и защиту «звезд» как таковых, ибо не так тут все просто. Бывает ведь, что и на небе звезд не видно за облаками...

Форвард из киевского «Динамо» Анатолий Бышовец. Его еще из юношеской команды собирались отчислить за «таскание» мяча, но оставили, потому что он непонятно каким образом забивал много голов. На него, уже взрослого, уже игрока сборной страны, покрикивали иные тренеры, о нем говорили, что если бы умел отдать вовремя пас, ему бы цены не было. Словом, играть спокойно ему не давали, тщась отнять у него редкие достоинства и превратить прирожденного дриблера в средненького форварда.

Полузащитник из того же клуба Виктор Колотов. Как легко, даже, можно сказать, весело начинал он! Длинные, как ходули, неутомимые ноги, казалось, сами выносили его к воротам противника, и колотовские набеги были неотвратимы. Его удары решили исход многих важных матчей. В искусстве точных передач, в оборонительной маете он был явно послабее. Но, как нарочно, его превращали то в диспетчера, то в «волнореза», и, скромный, всегда играющий с душой, в полную силу, он беспрекословно выполнял любую порученную ему работу. Считалось, что эти перегруппировки в интересах команды. Конечно, такой игрок всегда что-то вложит в общее дело. Однако то редкое достоинство, которым Колотов был отмечен самой природой, мало-помалу сходило на нет, и он стал превращаться в игрока пусть и хорошего, но не слишком заметного, каких немало.

Московский динамовец Геннадий Еврюжихин. Более эксцентричного футболиста я не могу припомнить. То он в фаворе, сумев всех восхитить своими дальними, прекрасно рассчитанными передачами, своим длинным спринтом, блужданиями, не поддающимися уразумению, каким-нибудь невероятным голом. А то всех возмущает навесами мяча с фланга, но почему-то обязательно за ворота, холостыми пробежками, отпрыгиванием в сторону от резкого противника. Он то великолепен, то смешон. Еврюжихина без конца поучали, критиковали, не желая понять простой вещи: суть этого интересного игрока в том, что если он раз не отошлет мяч за ворота, то не сделает в другой попытке и прекрасной передачи, с которой будет забит гол.

В каждом таком случае мы сталкиваемся с нежеланием считаться с самобытностью игрока, с отклонениями от кем-то выдуманного «среднетактического»

футболиста. Поистине инкубаторское мышление!

Надо уметь принять игрока таким, каков он есть, и извлечь всю пользу из его сильных качеств. У нас же полно охотников переучивать, подравнивать, как в плохой парикмахерской,— на один фасон. И так все десять лет, пока такой игрок играет. И только когда он сойдет, со вздохом скажут: «А талантлив был, другого такого не скоро сыщешь, жаль, что не полностью раскрылся...» Иные тренеры напоминают не конструкторов, а плотников, подтесывающих бревна, чтобы стали одинаковыми. Только лес изводят, лишний труд на себя принимают, и все равно их сруб не радует глаз. Все это оттого, что не соблюдается чувство меры в сочетании коллективного и индивидуального начал в игре. Думается, что в этом вернее всего как раз и проверяется тренерская культура. Наивно и опасно для дела послать в игру разных людей и требовать, чтобы они все полтора часа, полные драматизма, свято выполняли план, составленный за макетной доской! Наивно и опасно для дела считать футболистов пронумерованными пешками. Номера придуманы для удобства зрителей, а не для обезличивания игроков. Между тем водятся еще тренеры, превращающие каждый очередной матч в самый первый, словно до этого никто в футбол не играл, и разжевывают, поучают, стараясь предусмотреть малейшее передвижение по полю, а в итоге только наскучивают, нагоняют тоску. Даже если и признать их добросовестными, этих заботливых хлопотунов, то все равно они невысокого полета, и того же полета оказываются и пестуемые ими команды.

Обезличенный футбол, послушный схеме, когда игроки вызубривают тренерскую шпаргалку и ни о чем больше знать не желают, обречен навевать скуку, ему не покорить мир, его забывают, уйдя со стадиона, он, средний по замыслу, будет и среднего качества.

Один маститый тренер во время наших с ним бесед на протяжении многих лет скептически отзывался то об одной «звезде», то о другой. В конце концов, когда его мишенями побывали даже Пеле, Яшин и Чарльтон, я был вынужден выступить с «официальным» запросом: что он вообще имеет против «звезд»? Он отнекивался, отпирался, но я настойчиво предъявлял все его прежние иронические замечания. И вдруг с тяжким вздохом заявил: «Вы бы попробовали терпеть знаменитость, а особенно сходящую, тогда бы и спрашивали...»

Я больше и не спрашивал, меня устроило его признание, за которым стояло то, чего не видят трибуны: одна из правд непростой футбольной жизни.

Но разве работа тренера не включает в себя беспрестанные преодоления, в том числе и злоключения со «звездой»? И надо ли ему сочувствовать? А может быть, он более достоин сожаления, если в его распоряжении нет «звезды», хотя бы и колючей?!

Все это не так легко рассудить. Известно немало случаев, когда самолюбивый тренер, натолкнувшись на строптивый норов «звезды», ставил вопрос ребром: «Или он, или я». Впрочем, с такими же ультиматумами выступали и «звезды».

Если из сборной, к общему удивлению, выводят знаменитого игрока, а перед важным матчем возвращают, можно не сомневаться, что причиной послужил человеческий конфликт.

Далеко не всегда бывает прав тренер, особенно если он из тех, кто не терпит возражений, несогласия и добивается безмолвного послушания. «Звезда» ведь не для того восходит на футбольном небосводе, чтобы исправнее других выполнять указания, ее предназначение — подарить футболу новую, небывалую черточку. Лучшее, что может тренер,— помочь «звезде», поняв ее. Но тогда надо уметь самому уйти в тень, уметь бескорыстно радоваться искусству игрока. А многие тренеры имеют слабость считать, что игра идет по мановению их маршальского жезла и никак не иначе... Пусть играют по подсказке, они не доросли до права на импровизацию,— вот и весь сказ, вот и отнято у команды право проявить к игре чисто спортивный интерес.

Помню, в Белфасте в 1969 году после нулевой ничьей тренер североирландской сборной Бингхем, откинув дипломатию, сказал о нашей команде вместо банкетной любезности то, что думал: «Организованная, но не изобретательная». Это было верно тогда. Это верно и по сию пору.

Мне кажется, что объяснение этому искать надобно вот в чем. Наши команды систематически отстают с тактическими нововведениями на несколько сезонов. И многим кажется, что неудачи как раз этим отставанием и вызваны. Отсюда и развился преувеличенный интерес к схемам, к «порядку», ко всему тому, что называется организацией игры. Поэтому у знаменитых иностранцев высматривают прежде всего тактические варианты, чертежи повторяющихся комбинаций, проявляя несамостоятельность футбольного мышления. В погоне за модным рисунком, наивно веря во всемогущество тактических схем, упускают из вида, что оригинальное приносят в футбол прежде всего игроки, «звезды», и их вольные маневры надо уметь подмечать, закреплять, делать новинкой команды.

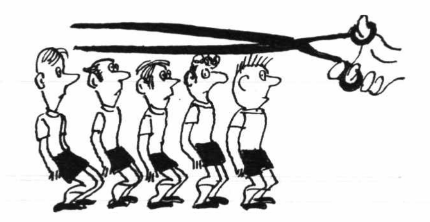
В этом сезоне некоторые наши тренеры проявили прямо-таки виртуозность в создании команд, сильных не игроками, а строем, налаженностью игры.

Несомненно интересный «Пахтакор» В. Соловьева стоит особняком в этом смысле, потому что тренер уже третий год растит хорошую связку в атаке из четырех молодых игроков — Федорова, Хадзипанагиса, Ана и Исакова, и команда вот-вот должна заиграть сильно и, что самое приятное, своеобразно.

«Черноморец» и «Торпедо», строго говоря, команды без форвардов. Москвичи выдвинули в переднюю линию полузащитника Дегтярева, а одесситы доверяют, особенно в трудных обстоятельствах, дело атаки защитнику Зубкову. И ничего, обе команды в чемпионатах выглядели неплохо, и мы обязаны отметить похвальную находчивость их тренеров. Но ведь не от хорошей же жизни эта игра без форвардов! И уж, разумеется, не в состоянии эти клубы стать опорой нашей сборной, которая сама ждет не дождется игроков, способных вернуть ей атакующую нацеленность и волевую твердость.

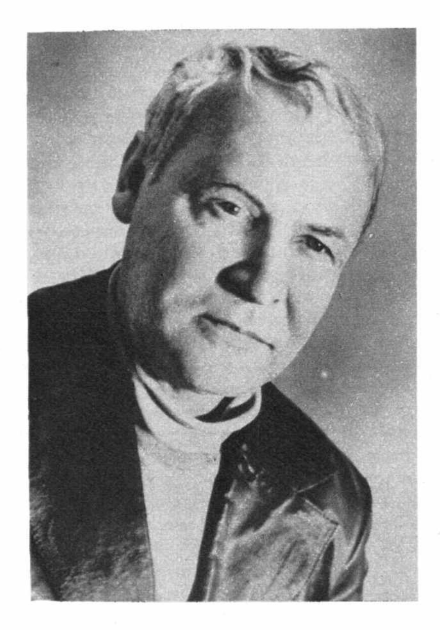
Понятно, что планировать поступление одаренных игроков вряд ли возможно. Но создавать условия для их появления не то что нужно, это неотступная обязанность тренеров. Макаров в «Черноморце», Максименков в «Торпедо», Гладилин в «Спартаке» (называю не всех) — эти игроки, едва выйдя из младших лиг, быстро пришлись ко двору, стали заметными фигурами. Я уверен, что команды высшей лиги должны получить больше прав на поиск игроков в первой и второй лигах, где, без всякого сомнения, пропадает втуне немало способных футболистов, а быть может, и потенциальных «звезд». Нельзя же сидеть за мелкопоместными заборчиками и поглядывать, как падает престиж нашей сборной, которая не сможет подняться, пока у нас будет один постоянно крепкий клуб, как сейчас киевское «Динамо», а не несколько, способных возродить дух здоровой конкуренции на наших чемпионатах! К сожалению, футбольные организации неповоротливы и не могут даже сделать минимально необходимого — помочь укомплектовать хотя бы те клубы, которым год спустя предстоит выступать в розыгрышах европейских кубков.

Обычно едва ли не каждый разговор о большом футболе заканчивается словами о детском футболе. Я не стану говорить о его затруднениях, достаточно известных. Скажу одно: нашему детскому футболу нужна переориентация в подборе учеников, должен быть взят решительный курс на мальчишек, стремящихся овладеть техникой, на «технарей», ловких и координированных, пусть даже на первых порах не рослых, не сильных, не быстрых. И призы детским тренерам надо выдавать не за места во всевозможных турнирах, а за техническую выучку ребят. «Звезды» бывают разные — высокие и низкорослые, худые и коренастые, они пробегают за игру неодинаковое число километров, кто делает больше коротких рывков, а кто длинных, но нетехничных «звезд» мне видеть не приходилось, да и невозможно это представить.

Александр НИКОЛАЕВ

РАЗДУМ

РАЗДУМЬЕ ПЕРВОЕ

С войны приходят письма до сих пор,
но ни при чем тут почта полевая,
приносят их
то гильза пулевая,
то медальон солдатский,
то затвор.
То школьный досаафовский кружок
найдет письмо в прикладе карабина,
и мать получит весточку от сына —
за тридцать лет
коротких десять строк:
«Пишу это послание во
время боя с фашистами
на прикладе моего люби-
мого карабина.
Если меня убьют,
не забывайте своего
Мыкыту.
Прощай, мама и
сестры, я иду
в атаку» [1].
Об этом мы узнали из газет.
Уже пошли по следу следопыты.
Откликнется ль,
жива ли мать Никиты,
или ее уже на свете нет?
Ответ прислали трое матерей
(Россия, Беларусь и Украина),
три матери,
приняв его за сына,
просили сообщить о нем скорей.
Одной из них за восемьдесят пять.
Срок ожиданья был настолько долог,
что время —
лучший анестезиолог,—
казалось, боль могло бы и унять.
Но из пяти ушедших сыновей
к ней не пришли с войны четыре сына,
и это ли не повод,
не причина
все ждать о них каких-нибудь вестей?
Через порог шагнули десять ног,
ушли в огонь,
гремевший над полями,
и лишь одна вернулась
с костылями —
безногий сын пришел на свой порог.
А вот теперь Никита подал весть.
Пусть многое за долгий век забыто,
мать помнит, что звала его — Мыкыта,
она-то знает:
это он и есть!

[1] «Неделя» № 23, 1973 год.

Другая тоже помнит, как сейчас
(подобное забудется едва ли):
— Мыкытой мы меньшого сына звали,
в семье он третьим сыном был у нас.
Мы, может быть, узнаем, чей он сын,
Архив Вооруженных Сил запросим:
кому принадлежал тот карабин —
ВН 6368?
Быть может, будет найден адресат.
Взглянув на десять прыгающих строчек,
эксперты пусть сличат Никитин почерк
с письмом, пришедшим тридцать лет назад.
Мы с выводом пока повременим,
но мнение бесспорно и едино:
мать Родина нашла героя-сына.
Все матери гордиться могут им.

РАЗДУМЬЕ ВТОРОЕ

Отец мой тоже был в бою убит,
он тоже не дошел до Дня Победы.
И сын мой Митька,
юный следопыт,
идет со мной по дедовскому следу.
А следопыту лишь десятый год.
Спит у костра,
пьет воду из криницы,
по двадцать километров в день идет...
Ему все это в жизни пригодится.
Дорога буйным лесом заросла,
окопы и снарядные воронки,
и больше нет заречного села,
указанного в старой похоронке.
Село, в войну сгоревшее дотла,
напрасно мы теперь на карте ищем,
не смог никто из жителей села
вернуться на родное пепелище.
И Митька мой в конце концов спросил
с раздумчивостью прямо философской:
— Мы братских много встретили могил,
но почему нет ни одной отцовской?
И я тогда решил пойти на риск:
отметил точку на туристской карте
и произнес:
— Здесь будет обелиск
ракетою, взметнувшейся на старте!
Прошло уже почти что тридцать лет
с того момента,
с той геройской схватки,
когда шагнул в бессмертие твой дед
вот с этой самой стартовой площадки.
Дорога, утопавшая в пыли,
нам становилась явно не под силу,
но вскоре мы увидели вдали
еще одну солдатскую могилу.
Хоть пальцем ткнул я в карту наугад,
но вот он, обелиск,
настолько близко,
что видно нам, как золотом горят
фамилии на гранях обелиска.
А сын сказал мне:
— Дедушки тут нет?
— Читай, не задавай вопросов странных.
Вот среди них покоится твой дед:
«...и двадцать пять героев безымянных».
Прости меня,
мой юный следопыт.
Святая ложь нужна по крайней мере,
чтоб знал ты,
что никто не позабыт.
В чем я, признаться, не был сам уверен.

РАЗДУМЬЕ ТРЕТЬЕ

Оказались не забыты
и кровавые дела
полицейского наймита
из заречного села.
Никогда я не забуду,
как случайно в то село
фотографию иуды
будто чудом занесло.
Вновь петляю круг за кругом,
возвращаюсь мыслью вспять,
как же, думаю, иуду
мог я другом называть.
Никаких особых нитей
между ним и мною, но
звал его я просто Витей,
так как знал уже давно.
Знал давно,
понять, однако,
все мне было недосуг:
он услужлив, как собака,
или предан мне, как друг?
Как узнаешь человека?
Надо с ним пуд соли съесть.
Но когда душа-калека,
все равно в нее не влезть.
— Аппарат, сынок, не трогай.—
Митьку я предупредил.—
Дядя Витя мне в дорогу
пленку перезарядил.
Сузив правый глаз, как щелку,
и зажмурив левый глаз,
аппарат навел и щелкнул
незаметно Митька нас.
Я заметил между делом
то, что названый мой друг,
будто выкрашенный мелом,
побелел при этом вдруг.
Я еще подумал кстати:
отчего он побелел?
Это же видоискатель,
а не снайперский прицел.
А когда в походе
пленку
всю отщелкал мой сынок,
деревенский врач
ребенку
проявить ее помог.
Посидели где-то оба
и на мой высокий суд
отпечатки, фотопробы,
фотокарточки несут.
Дед играет на тальянке.
В небе коршуны парят.
Партизанские землянки.
Невзорвавшийся снаряд...
Врач ссутулил зябко плечи,
натянул на них пальто:
— А вот этот человечек,
рядом с вами,
это кто?
Обесцвеченные брови,
полинявшие глаза,
нулевая группа крови...—
врач загадочно сказал.—
Карабин стрелял неточно
или дрогнула рука...
Я стрелял в бандита ночью
да к тому ж издалека.
Он не сможет отвертеться...
— Скажет, ранен был в бою.
Пулю носит он под сердцем
не чужую, а мою! —
Старый доктор посуровел:
— Как он зверствовал у нас!
— А при чем тут группа крови?
— Я же сам его и спас.
Автоматами бряцая
в полуночной тишине,
полицаи полицая
принесли тогда ко мне.
На лице, подобном маске,

ЬЯ

рыжеватые усы
эти выцветшие глазки
оттеняли для красы...

Повалил народ в избенку:
— Где убийца?
— Где бандит?
Кто-то смотрит фотопленку,
кто-то карточки глядит.
Убежденно молвил кто-то:
— Нос его,
лица овал...—
Ручку взял, подвинул фото
и усы подрисовал.
Над столом склонились лица:
— Вот он, шкурник!
— Вот бандит!
— Сбрил теперь усы убийца.
— Изменил свой внешний вид.

У иуды в том июле
все пошло и вкривь и вкось.
Почему-то вдруг от пули
воспаленье началось.
И пока он был в больнице
(сам не знаю — прав, не прав),
я молчал,
как говорится,
словно в рот воды набрав.
После сложных операций
он уже ходил два дня,
но при этом опираться
все старался на меня.
Я сказал ему о пуле.
Он — о службе, о делах.
Глазки блеклые моргнули,
затаенный выдав страх.
Жалкий, сломленный калека,
он тогда не попросил
пулю ту, что четверть века
он под сердцем проносил.

Как старалась профессура!
Но он умер,
тот мертвец.
Говорят, что пуля — дура.
Эта пуля — молодец!
Все ж она его добила,
до могилы довела,
только вместе с ним в могилу
эта пуля не пошла.
Хоронили чинно, строго,
сохранив достойный вид.
Никакого некролога,
ни гражданских панихид.
Совладали с трудной ролью.
Ну, а пулю я хочу
заказною бандеролью
возвратить в село врачу.
Объясню ему причину,
что молчал я до конца
ради маленького сына,
потерявшего отца.
Потому что не ответчик
он за подлости его.
Несмышленый человечек
пусть не знает ничего.
От мальца храню в секрете,
что отец служил врагам.
И тростинку клонит ветер,
валит наземь ураган.

РАЗДУМЬЕ ЧЕТВЕРТОЕ

В каком-то городе
когда-то
я приглашен был на парад.
Квадраты рот,
взводов квадраты,
весь полк — один большой квадрат.
Несли торжественно знамена,
глядел взволнованно народ
на батальонные колонны —
квадратики взводов и рот.
Такие точные квадраты,
такой предельно четкий строй,
что в нем отдельные солдаты
не различаются порой.
Плац невелик,
все лица рядом,
но так до самого конца
я и не смог запомнить взглядом
черты отдельного лица.
И командир глядел нестрого,
солдатской выправке был рад.
Но вдруг один солдат
сбил ногу
и уронил свой автомат.
Так тот солдат был в день парада
как будто высвечен огнем,
поскольку сразу же все взгляды
сошлись, как в фокусе, на нем.
Чем он особым отличился?
Но говорили все подряд:
— Ах, это тот,
что оступился
и уронил свой автомат!

Не нами сказано когда-то,
но мы охотно повторим:
перо сильнее автомата,
когда талант владеет им.
А некто в схватке,
в диалоге
вдруг оказался слабоват,
на фронте двух идеологий
он уронил свой автомат.
Но, ставший притчей во языцех,
он о себе высоко мнит,
поскольку где-то в заграницах
залезть пытается на щит.
Чем он особым отличился,
что и у нас порой твердят:
— Ах, это тот,
что оступился
и уронил свой автомат?..
А кто ничем не поступился,
не уронил свой автомат,
не отступил, не оступился,
о тех порой не говорят.

ПОПЫТКА ВЫВОДА

Сидел я как-то в Ленинграде,
в отеле, в номере пустом
и вспомнил вдруг о том параде
и о писателе о том.
Тогда-то и пришла идея
(не знал я, буду ль там опять)
за день любимых три музея
единым дыхом обежать.
Не обежав их, может статься,
я избежал бы многих бед,
тринадцать бородатых старцев
не подсказали б мне сюжет.
Картин там было много сотен,
но старцы те в теченье дня
с десятков, может быть, полотен
смотрели строго на меня.
В тот день я их встречал повсюду
и с сожаленьем отмечал,
что узнавал в лицо Иуду,
а остальных не узнавал.
И мысль пришла
каким-то бредом,
лишь приходящим по ночам,
что тех, кто никого не предал,
не знаем мы по именам.

РАЗДУМЬЕ ПЯТОЕ

Я с выводом почти зашел в тупик
в горячем полемическом азарте,
но обелиск в дороге вновь возник
ракетою, взметнувшейся на старте.
Здесь похоронен славный паренек.
Чтоб не погибла матушка-пехота,
здесь Александр Матросов грудью лег
на амбразуру вражеского дзота.
Он в памяти народа, как живой,
перешагнувший грань бессмертья смело,
как Зоя, Талалихин, Кошевой,
Чекалин, Лиза Чайкина, Гастелло...
Да мало ли героев среди нас!
Мы знаем их и помним поименно.
Сергей Колыбин мне звонил сейчас.
Он, как Гастелло, врезался в колонну
фашистских грузовых автомашин,
был мощным взрывом выброшен в воронку.
Жаль Зину —
писарь штаба поспешил
послать жене Сергея похоронку.

Зареченского вспомнил я врача.
Когда он фото вынес к нам,
старуха
стояла пред иконою, шепча:
«...отца, и сына, и святого духа».
Уж не о нас ли это говорят:
солдат — отец мой,
я же — сын солдата
и сам уже отец,
и дух наш свят
все потому, что наше дело свято.

И вспомнил мать.
Она была вдовой,
меня, теперешнего, на шесть лет моложе,
но верила, что я еще живой,
и, чтобы не убить ее,
я ожил!

РАЗДУМЬЕ ШЕСТОЕ

Путь к лейтенантским звездам был
неровен.
Тягучею, густой была вода,
когда мы громоздили груду бревен,
вылавливая их из-подо льда.
Я не без вдохновенья и таланта
сооружал подобный пьедестал.
Но звезды на погонах лейтенанта
я их руками с неба не хватал.
Мы бредили атаками, боями,
уже на запад двинулась война,
а нас гонял командовавший нами
нестроевой какой-то старшина.
Шел старшина Арбенин,
в землю глядя,
за лямку вверх тащил со мной бревно
и произнес, любимой шутки ради,
как говорила Нина в «Маскараде»:
«Так жарко здесь, что я растаю...»
Но
осекся вдруг,
застыв на полдороге.
Как артналет, как бомбовый удар,
раздался трубный глас,
сигнал тревоги:
на карандашной фабрике пожар!
Мы по тревоге с ним бежали рядом,
бросок был скор
(аллюром «три креста»).
Арбенин сбил дверной замок прикладом,
схватил топор с пожарного поста.
Мы видели,
застывшие у входа,
как сквозь огонь пошел он напролом,
как медную трубу паропровода
разъял, разбил железным топором.
И хлынул пар,
рванулся жаркой лавой,
иначе — взрыв,
иначе — быть беде.
Но там, где остывали автоклавы,
в морильном цехе он лежал в воде.
Над ним стояла молча наша рота,
а он слова знакомые сказал,
звучавшие уже не как острота:
«Так жарко здесь, что...»
И закрыл глаза.
Был трижды снег оружиями вспенен.
Когда раздался пушечный салют,
узнал я, что он вовсе не Арбенин,
что только в шутку так его зовут.
Я, к сожаленью, до сих пор не знаю,
теперь и не узнаю до конца,
какая у него была родная
фамилия, что взял он от отца.
Не придираюсь я к летучим фразам,
тем более сам Горький произнес,
что всем хорошим книгам он обязан.
А я кому? —
задам себе вопрос.

Нет, с классиками спорить мы не будем,
но если есть во мне хоть что-нибудь,
то всем хорошим я обязан людям,
с которыми сводил меня мой путь.
И как это покажется ни странным —
тому учил веселый старшина,—
обязан людям даже безымянным
и тем, чьи не запомнил имена.

РАЗДУМЬЕ СЕДЬМОЕ

Когда по виду тихий паренек
сел на «Ракету» к нам в Нефтеюганске,
мы пели песни
громко,
кто как мог,
горланили почти по-хулигански.
Старушка, чтоб затихла молодежь,
достала пирожки:
— Поешьте шани!
— Но песню не задушишь, не убьешь,—
заметил парень,—
как сказал Ошанин!

С нефтяниками шел на Самотлор,
летел кораблик, названный «Ракетой».
Вода без края.
Сказочный простор!
Но что-то вдруг случилось в сказке этой.
Казалось, недалеко до беды
и в пору поворачивать обратно:
блестели на поверхности воды
расплывшиеся масляные пятна.
Казалось, заискрит сейчас мотор
или обронишь пепел сигареты —
прости-прощай навеки, Самотлор,
«Ракета» вспыхнет огненной кометой.
Кричал тревожно с берега народ,
сирена выла громко и зловеще:
на дне реки пробит нефтепровод,
и нефть уже фонтаном в воду хлещет.
Уже на берег черная вода
выплескивает гибнущую рыбу,
и, значит, надо поднырнуть туда
и тросом подцепить стальную глыбу.
Бурильщики смотрели, как река
не рада их внезапному подарку,
как нефть — душа и боль буровика,
и пот, и труд —
все, все идет насмарку.
И тихий тот веселый паренек,
познавший цену и труда и пота,
нырнул на дно,
исчез,
как будто лег
на амбразуру вражеского дзота.
От белого до цвета кумача,
вся в радугах,
вода вздохнула глухо.
Старушка посмотрела вниз, шепча:
«...отца, и сына, и святого духа».
Когда парнишку из последних сил
тащили мы на двух осклизлых тросах,
я у него фамилию спросил,
и он ответил буднично:
— Матросов.

ВЫВОД

Свой разговор к тому сейчас веду,
в чем жизнь меня стократно убедила:
у нас такие люди на виду,
в ком наша гордость,
слава,
память,
сила.
Без жертвенности жертвуя собой,
естественно, как жили, как дышали,
без громких слов они вступали в бой,
не думая совсем о пьедестале.
Когда в дороге обелиск возник
и с Митькой я стоял в молчанье долгом,
я понял, что пред ними я должник,
пред матерью,
пред Родиной должник.
Но как мне быть с моим великим долгом?
Мы прошагали множество дорог,
со мной шло впечатлительное детство,
и я сказал:
— Запомни все, сынок.
Отцовский долг возьми себе в наследство.

Москва — Нефтеюганск,
июль 1973 года — июнь 1974 года.

СИБИРСК

Отшумела на хлебных нивах страда. Ушли с полей комбайны — «Колосы», «Нивы», «Сибиряки», ушли, чтобы вновь вернуться сюда следующим летом. Поля отдыхают, грезят под снегами о новых урожаях. Получили передышку комбайнеры: настало время еще раз оценить достигнутое, учесть уроки побед и ошибок. Но есть люди, которые заботятся о жатве непрестанно, невзирая на смену времен года и на то, что живут они в больших городах, далеко от хлебных полей. Это комбайностроители. Выпуская все больше комбайнов, улучшая год от года их качество, они тоже ведут борьбу за урожай. Сегодня наш репортаж о создателях комбайна «Сибиряк», о Красноярском комбайновом заводе, где недавно торжественно отметили выпуск стотысячного зерноуборочного агрегата.

Ю. ЛУШИН
Фото автора.

ак-то странно было видеть эти машины не на полях, посреди моря колосьев, а на бетонном полу цеха. Здесь, на главном конвейере Красноярского завода комбайнов, собирались из отдельных деталей, обретали привычный облик и мощь знаменитые «Сибиряки». И мне казалось, что в цеху им не очень уютно. Хотелось спросить: «Как живешь, «Сибиряк»? Тебе ведь нужен простор полей, шум ветра, ласка солнца и запах скошенного хлеба».

Впрочем, я не однажды видел эти комбайны и не в столь идиллической обстановке. Видел на дальневосточных заболоченных полях, почва которых скорее напоминала кисель, на охваченной первым морозом сибирской ниве, видел, как упрямо продирались они сквозь сетку дождя, когда все другие машины стояли, видел, как спасали полеглые хлеба, на которые больно было смотреть. И всюду «Сибиряки» показывали настоящий сибирский характер. Такой характер передали комбайну люди — его творцы.

Первый комбайн в Красноярске вышел из цехов тридцать лет назад, 14 февраля 1944 года. Узнав об этом, к заводу потянулись женщины — матери и жены фронтовиков, спрашивали:

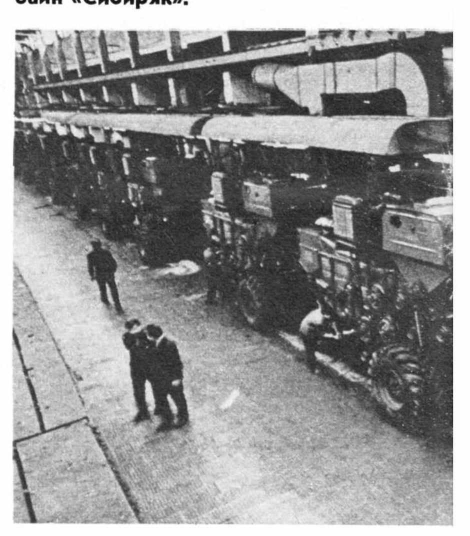
— Это правда, что вместо снарядов начали делать комбайны?— И, получив утвердительный ответ, добавляли убежденно: — Значит, скоро войне конец...

Да, еще бушевали на полях свинцовые метели, но Советское правительство уже думало о мирном будущем страны. Те первые комбайны на тракторной тяге носили имя «Коммунар», и выпустил их завод в первый год своего существования всего 184. Их теперь мало кто помнит даже из ветеранов. На смену «Коммунару» пришел самоходный комбайн С-4, потом СК-3 и СК-4, а пять лет назад на полях впервые появился «Сибиряк» (СКД-5) — собственная разработка завода. Разумеется, этому предшествовали многие годы труда заводских конструкторов.

Между прочим, если быть точным, то дебют «Сибиряка» состоялся еще в 1966 году. Тогда на международную выставку сельскохозяйственных машин в Москве бельгийская фирма «Клейсон» прислала свой знаменитый комбайн «Армада», с которым спорили «Матадор Гигант» из ФРГ, «Аллис-Чалмерс» и «Джон-Дир» из США и изделия других зарубежных фирм. Среди них затерялся скромный с виду «Сибиряк», который и в расчет-то не принимался. Его по оплошности даже забыли внести в каталоги выставки. Безусловным фаворитом считалась «Армада», но когда дело дошло до испытаний, вперед вырвалась «темная лошадка» — «Си-

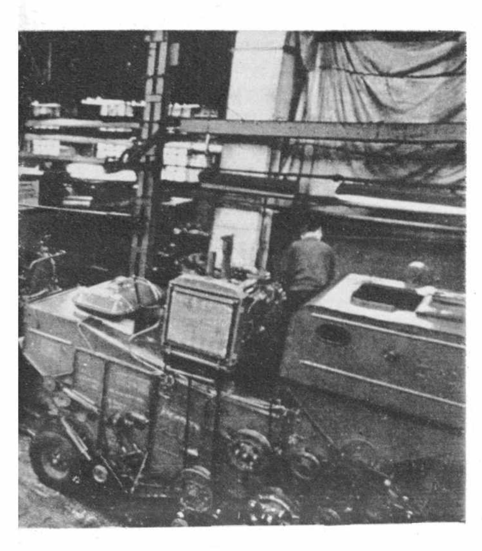

Вот он, герой репортажа — комбайн «Сибиряк».

Красноярский завод комбайнов. Главный конвейер.

биряк», обставивший «Армаду» по всем статьям. Это была сенсация.

Чем же отличается сибирский комбайн от прочих? Этот вопрос я задал главному конструктору Красноярского комбайнового завода Виталию Прокофьевичу Гаврилову.

— Если коротко, — ответил он, — то главное его отличие — два — вместо одного — молотильных барабана, которые имеют разные окружные скорости. Впрочем, идея эта не нова и заложена, если хотите, в дедовском опыте. Раньше как в деревне начинали обмолот? Прежде всего снопы сильно встряхивали. Самое спелое зерно при этом осыпалось само и шло потом, как правило, на семена, потому что оставалось абсолютно неповрежденным. Похожая картина происходит при обмолоте и в нашем комбайне. Первый барабан обмолачивает нежно, срезанные колосья испытывают несильное механическое воздействие, и при этом, естественно, вымолачиваются самые спелые семена. Остальное зерно, более прочно связанное с колосом, обмолачивается вторым барабаном, гораздо жестче. В целом такая последовательность операций резко повысила качество обмолота, то есть уменьшила повреждение зерна.

Вернувшись с завода, я навел кое-какие справки и обнаружил любопытную закономерность, выведенную специалистами Всесоюзного научно-исследовательского института зерна: если десять процентов семян имеют микроповреждения, то урожайность снижается более чем на центнер с гектара. Ведь травмированные зерна быстро портятся, при посеве дают слабые ростки или совсем не всходят. Теперь остается только прикинуть, сколько гектаров по всей стране занято под зерновыми, и картина станет достаточно яркой. Выходит, что «Сибиряк», убирая хлеб, одновременно заботится (хотелось сказать, думает) о новом урожае. А вот мнение академика ВАСХНИЛа А. Бараева: «Комбайн «Сибиряк» можно назвать большим изобретением. Двухфазный обмолот позволяет решать одну из важнейших проблем земледелия — улучшить качество зерна. Уверен, за этой схемой большое будущее...»

Но вернусь к разговору с главным конструктором завода.

— Удовлетворены ли вы нынешней моделью «Сибиряка»? — спросил я.

— Вот не думал, что похож на самодовольного человека, — пошутил Гаврилов. — А если серьезно, то считаю так: конструктор должен опережать время. Чуть остановился, чтоб собой полюбоваться, сделанным похвастаться, тут же отстал. Вечное движение — девиз конструктора.

— Вероятно, есть что-нибудь новенькое? — предположил я.

— Есть и новенькое, — сдержанно отозвался он. — Давайте-ка пройдем на экспериментальный участок.

Мы шли по заводу мимо современных цехов. Еще до этого, побывав на главном конвейере, я узнал от парторга сборочного цеха Ильи Самойловича Мамонтова, что в нынешнем году тут будет собрано 26 тысяч комбайнов. Мамонтов прошел войну с конно-механизированной группой генерала Плиева, был и мотоциклистом, и шофером, и танкистом. С годами лихости не потерял и стремительно водил меня из конца в конец цеха, стремясь досконально показать, как делается комбайн. Теперь я видел, что из ворот сборочного цеха выезжали один за другим новенькие, будто с иголочки, «Сибиряки» — на обкатку.

Невдалеке, почти на берегу Енисея, словно жирафы, вытягивали шеи строительные краны, поднимались какие-то строения.

— Что там такое? — поинтересовался я.

— Новые цеха строим, — ответил Гаврилов.— Идет реконструкция завода, которая позволит удвоить выпуск «Сибиряков»...

Хорошая перспектива, подумал я и сделал несложный подсчет. Выходило, что 184 комбайна, выпущенных заводом в первый год его существования, будут после реконструкции собираться за сутки.

— Вот и пришли, — прервал мои размышления главный конструктор.

— И это все? — не смог я сдержать разочарования. Экспериментальный участок показался мне незаслуженно маленьким. Тут умещалось всего три-четыре комбайна, поставленных впритык друг к другу, да несколько станков. Даже не верилось, что «Сибиряк» родился именно здесь, но это было так. Тут же стоял и новичок, светло-желтый, поблескивающий стеклами кабины.

— Модернизированный «Сибиряк» СКД-5М, — пояснил Гаврилов. — Нынче выпускаем десять таких машин — опытную партию. Они будут сдавать экзамен на машиноиспытательных станциях и в некоторых хозяйствах. Да вот, кстати, познакомьтесь с комбайнером Иваном Павловичем Козловым, Героем Социалистического Труда из совхоза «Победа», он как раз приехал за этим «Сибиряком».

Козлов чем-то напоминал ребенка, получившего новую игрушку. Он бегал вокруг желтого красавца, ревниво осматривая буквально каждый болт. Но я ошибался, полагая, что он впервые видит эту машину.

— Я, понимаешь, прошлой осенью уже наработался на таком же, — объяснял Козлов. — Ивану Недобиткову, моему соседу из совхоза «Енисейский», тоже Герою, повезло — он точно такого же коня получил еще в прошлом году и намолотил на нем больше всех в крае — двадцать четыре тысячи центнеров зерна. Я и поехал к нему посмотреть, понимаешь, что и как. Хороший конь! — похлопал он комбайн по желтому боку, словно живое существо. — В нем что, понимаешь, хорошо! Двигатель тут сто двадцать сил вместо ста, а скоро, обещают, будет сто сорок. Производительность увеличилась на двадцать процентов. Кабина отличная — обзор хоть куда, отопление можно поставить, а то у нас в Сибири страда, сам знаешь, какая бывает. На этом работай хоть сидя, хоть стоя. Если встал, штурвал поднимается. Удобно, понимаешь. И очень хорошо, что бункер увеличен до четырех с половиной кубов. Такое впервые в нашем комбайностроении.

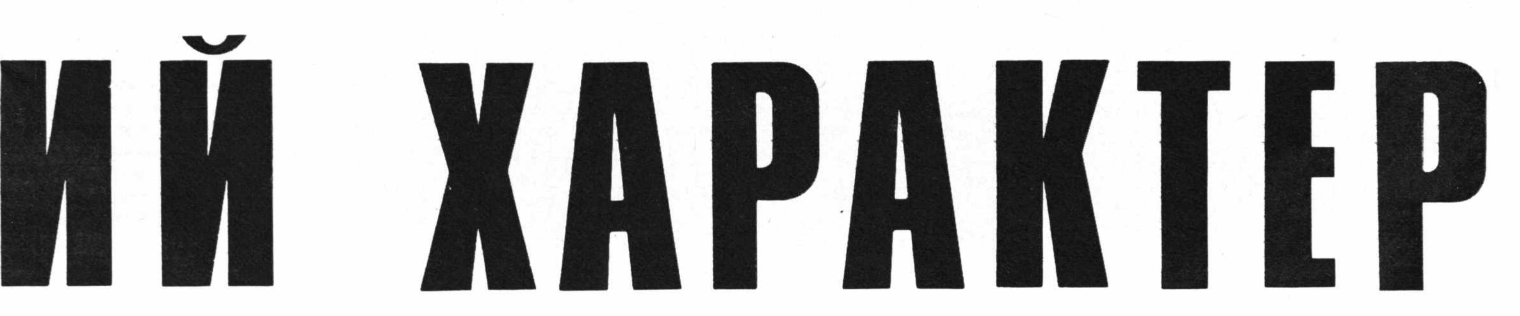
— Что это дает?

— Бесперебойность в работе — вот что. Как уборочная, так машин у нас не хватает. А чем меньше емкость бункера, понимаешь, тем чаще надо разгружаться, тем больше требуется машин. Арифметика. Вот потому и вышло двадцать четыре тысячи центнеров у моего тезки. Шутка ли, бункер в полтора раза больше обычного. Ну, ничего, нынче я с Иваном потягаюсь...

Слушая опытного комбайнера, я размышлял вот о чем. Никто не требовал от Гаврилова и его товарищей, чтобы они разрабатывали новую модель. На заводе нет специального конструкторского бюро, имеется лишь небольшой отдел главного конструктора, который обязан заниматься текущими производственными проблемами. И поистине удивительно, как этот отдел сумел добиться столь многого за двенадцать лет: созданы двухбарабанный «Сибиряк», гусеничный рисо-зерновой комбайн СКД-5Р, усовершенствованный гусеничный ход рисо-зернового комбайна — это совместно с биробиджанским заводом «Дальсельхозмаш». Разрабатываются, наконец, новые модели, на очереди создание комбайна с пропускной способностью 8—10 килограммов хлебной массы в секунду. И всем этим занимается около ста человек. Я видел на экспериментальном участке конструкторов, вынужденных на время стать слесарями-сборщиками. Надо по-настоящему любить свое дело, чтобы пойти на это. Любви к делу, самоотдачи у красноярцев хватает, но во многих случаях ограниченные возможности небольшого конструкторского отдела сдерживают развитие и реализацию очень нужных работ.

Давайте окинем взором огромную хлебную ниву нашей страны. Смотрите. Украина, Кубань, Ставрополье и нечерноземная зона, Поволжье и Урал, Казахстан и Сибирь, Алтай и Дальний Восток. Какое разнообразие природно-климатических зон! И на всех этих просторах, между прочим, работают лишь три типа комбайнов. В комбайностроении, видимо, вполне применим принцип самолетостроения. Существует же несколько авиационных КБ, конструирующих машины для самых различных нужд и целей и нисколько не мешающих друг другу. К чему я это? А к тому, что в идеале для каждой зоны нужен свой комбайн или хотя бы его модификация. Естественно, чем больше сельскохозяйственных конструкторских бюро, тем легче выполнение такой задачи. В частности, в Сибири явно назрела необходимость создания СКБ. Общее дело от этого только выиграет.

Красноярск.

В ТЕ ДВОЕ СУТОК

Василь Быков — художник, без чьих произведений невозможно представить теперь советскую военную прозу. Честно и горько пишет он свою новую повесть «Волчья стая» *. Уже не впервые сосредоточивает писатель внимание на маленькой горстке людей, волею военной судьбы попадающих в тяжелейшее положение; не впервые его героем становится рядовой воин, проявляющий в наитрагичнейших обстоятельствах не просто глубокое чувство долга, но подлинный образец моральной силы, чистоты, непоколебимой цельности, естественно поднимающейся до высот романтического героизма. Вот и теперь, беспощадно обнажив крайний драматизм ситуации, лежащей в основе повести, Василь Быков стремится художественно вникнуть в эту сложность, заставить читателя почувствовать почти нечеловеческую напряженность тех двух давних военных дней, когда развертывается основное действие «Волчьей стаи».

Впрочем, начинается повесть с описания обычного мирного дня областного города, куда бывший партизан Левчук приезжает, чтобы получить главную свою награду за минувшую тридцать лет назад войну — увидеть взрослого Виктора Платонова, человека, которого однодневным младенцем спас Левчук от разъяренной фашистской стаи. Но вот скрываются в дымке воспоминаний городские кварталы, умолкают играющие в песке дети, и появляются лес, болото, разболтанная повозка и в ней четверо — умирающий от ран десантник Тихонов, радистка Клава, у которой вот-вот должен родиться ребенок, ездовой Грибоед и раненный в плечо Левчук, пробирающиеся из блокированного немцами партизанского отряда.

Каждая строчка, каждая страница, посвященная этим двум дням, где переплетаются надежда и гибель, рождение новой жизни и отчаянная борьба за ее спасение — и все это на трагическом фоне травли немцами крохотной группы измученных, израненных партизан,— исполнены величайшего напряжения. Писатель настолько внимателен к деталям, что, казалось бы, даже злоупотребляет бытописательством, но постепенно начинаешь понимать, что именно эта тщательность и скрупулезность, это выявление самых мелких оттенков поведения, эти крохотные точки-мазки и создают до боли достоверную картину происходящего.

Василь Быков намеренно ставит своего героя в положение, где все зависит от него самого, его нравственной силы, хотя здесь таится угроза для писателя выйти за грань достоверного, превратить характер в схему, в некий кочующий стереотип. В «Волчьей стае» Быков в целом избегает этой опасности.

Его Левчук, опытный, давно воюющий партизан, казалось бы, однозначен в своих суждениях о правде и человечности на войне. «Вон у Кислякова было,— рассказывает он, — прибежал дядька из деревни, просится в отряд, а у самого брат в полиции. Ну что делать? Как говорится, бабка надвое гадала: может, честный, а может, и агент. Ну и шлепнули. И все хорошо. Немного первое время совесть щемила, но пощемила и перестала. Зато никаких сюрпризов». Но это беспощадное чувство самозащиты, толкающее на компромиссы с совестью, совершенно исчезает из сознания Левчука, когда решение, как поступить, должен принять он сам.

Вернувшись к сожженному гумну, где отчаянно отбился с товарищами от наседавших полицаев, Левчук неожиданно обнаруживает во ржи младенца, всего несколько часов назад родившегося у радистки Клавы, теперь, видимо, погибшей или захваченной полицаями. Простейший выход — бросить ребенка, никому не известного и, видимо, никому в этой жизни не нужного, ребенка, за которого не придется ни перед кем отвечать,— этот путь возможного спасения не для Левчука. Страницы, где описывается, как в простреливаемом немецкими автоматчиками болоте, погрузившись в воду, пряча за кочкой живой сверток, следит Левчук за трассирующими потоками пуль, неотвратимо приближающимися к нему, написаны с той чисто быковской трагической выразительностью, какую знаем мы по его лучшим военным повестям.

Удача не оставила на этот раз Левчука, он живым выбрался из болота и спас ребенка. Тридцать лет ничего не слышал он о своем спасенном, но все эти тридцать лет были с ним погибшие товарищи, прочесываемый фашистами лес и этот едва успевший родиться малыш, встречи с которым, уже взрослым человеком, с тревогой и волнением ожидает Левчук...

Говоря даже коротко о новой повести Быкова, нельзя пройти мимо еще одного образа — ездового Грибоеда, фигура которого олицетворяет горе и беду, принесенные людям войной: ему довелось пережить столько, что даже ко многому привыкшие партизаны считали, что одному человеку вынести такое вряд ли возможно.

Грибоед лишен писателем той динамики, настойчивости, деятельности, которыми обладает Левчук,— он спокоен, молчалив, угрюмо горестен. Самой статичностью образа Грибоеда, его бедной лексикой и опустошенностью подчеркивает Быков то страшное, противоестественное, что низвергает на человека война. Этот характер усиливает трагический пафос повести, давая пример глубокой человечности, сохраненной, казалось бы, за пределами возможного.

...Да, война не забывается. Это был мир страшных испытаний человеческой личности, ее гордости и достоинства. Он постепенно отступает, но годы не затмевают его. И, склоняясь перед страданиями людей, которые жили и боролись в этом мире, проникнемся их верой, их героизмом.

В. ЕНИШЕРЛОВ

* Василь Быков «Волчья стая». «Новый мир» № 7, 1974.

ДОРОГАМИ ВОЙНЫ

Наверное, и через сотню лет советские школьники, листая учебники истории, будут задаваться вопросом, почему мы отступали в сорок первом. Исторические оценки в будущем станут более отточенными, прояснятся еще более взаимосвязи. Но исчезнут какие-то детали, которым мы, наше поколение, были свидетелями. А потому, чем правдивее и полнее сегодня будут написаны книги о войне, тем прямее будет путь правды о нашем времени к грядущим поколениям.

Иван Стаднюк в романе «Война» * преследует именно такую цель.

В книге есть ощущение озабоченности, владевшее в канун войны высшими советскими военными кругами и членами правительства, подчеркнута трагичность вынужденных действий, когда страна, перевооружаясь, любой ценой старалась оттянуть начало конфликта, слишком полагаясь на заключенный накануне пакт с Германией. И. Стаднюк широко использует исторические документы — письма Черчилля Сталину, протоколы международных соглашений, переписку дипломатов, беседы, в частности встречу Молотова с Гитлером в Берлине. Перед читателем постепенно возникает объемная картина обстоятельств, в которых зрело нападение фашистской Германии на СССР и в то же время складывались предпосылки наших временных неудач.

Верность исторической правде — вот основной критерий автора романа. Говоря о больших и малых событиях, влиявших на ход войны, писатель точен вплоть до таких подробностей, которые на первый взгляд могут выдать в нем приверженца несколько субъективного подхода к оценкам, произнесенным историей. Думается, однако, что главное для И. Стаднюка здесь — воссоздание атмосферы той поры с максимальным приближением к подлинной реальности.

С большой теплотой обрисованы в произведении маршал С. Тимошенко, генерал армии Г. Жуков, маршал Б. Шапошников. Удача автора в том, что он передал громадный объем работы, проделанной этими военачальниками по мобилизации армии на отпор агрессору, огромное напряжение сил, энергии, разума, которое проявляли Жуков, Тимошенко и их помощники в эту трудную пору.

В романе И. Стаднюка есть и обычные литературные герои, позволяющие автору полнее раскрывать причины и следствия происходивших событий, выделять типичное, характерное для судеб народных в то время, показывать психологию войны в различных ее проявлениях. Всем своим строем и образной системой книга отвечает на многие вопросы и в их числе на изначальный: почему нам пришлось отступать так далеко.

Большой и сложный путь проходит генерал Федор Ксенофонтович Чумаков. В его судьбе сконцентрированы судьбы многих военачальников той поры, коим довелось заплатить дорогой ценой за нераспорядительность и благодушие командования и — за собственную уступчивость маловразумительным директивам, ненастойчивость в решении важных вопросов обороны страны. С боями выводит он из окружения оставшихся в живых бойцов своего соединения. Партизанская борьба в тылу противника, значение моральной закалки советского воина, его подготовленность к длительной войне с жестоким врагом — вот круг размышлений Чумакова, в который вводит нас автор, показывая героя в разных обстоятельствах. После выхода Чумакова из окружения его ждут неприятности, объяснения, личные осложнения. Один из персонажей романа — подполковник Рукатов оговаривает своего учителя генерала Чумакова. Впрочем, стараниями таких рукатовых был оболган не один военачальник. Причины тому разные, но почерк у этих людей оставался один.

Среди фашистских полчищ, в колоннах вермахта были опьяненные легкими победами в Европе гитлеровские офицеры, мечтавшие о виллах с видом на Волгу... Были и жалкие одиночки, потомки русских лавочников и дворян, чьи родные в 1917 году удрали за границу. Таков в романе Владимир Глинский, графский отпрыск, грезивший о поместье под Орлом, не побрезговавший пойти шпиком и доносчиком в абвер-команду и ныне маскирующийся под личиной некоего «майора Птицына». Думая о том, как немало удается этому лжемайору, поначалу все же упрекаешь И. Стаднюка в склонности слишком многое в нашем отступлении объяснить диверсионной работой таких агентов. Но чем дальше, тем яснее ощущаешь концепцию автора — роман ведь на этом не закончится.

К выводу о продолжении романа приводит и расстановка других персонажей, идейно-нравственное содержание, которым наделил их автор. Мы видим, как во второй книге романа генерал Чумаков, его соратники — полковники Карпухин и Москалев, майор Думбадзе и другие офицеры и солдаты, закаляясь в битве первых месяцев, превращаются в опытных бойцов, доказывающих, что и в невыгодных условиях обороны имеющейся в распоряжении техникой можно успешно бить агрессора; что можно опережать врага в тактическом мышлении, наносить противнику чувствительные потери. Многое в их судьбах еще впереди, это чувствуется во всем. Логика развития действия и характеров требует цельности, завершенности образов героев не в меньшей, если не в большей степени, чем финала глинских или рукатовых. Как люди типа Чумакова завоевывали Победу — вот вопрос, на который автору еще предстоит ответить.

Ю. НОВИКОВ

* Иван Стаднюк. Война. Книга 2-я. «Молодая гвардия» №№ 5—7, 1974.

В. Салабанов. ЧИЧИКОВ В ГОСТЯХ У КОРОБОЧКИ («Мертвые души» Н. В. Гоголя).

Д. Турин. СВАДЬБА.

Т. Зубкова. «СКАЗКА О МЕРТВОЙ ЦАРЕВНЕ». По мотивам сказки А. С. Пушкина.

В ПАРИЖЕ ГОВОРЯТ ПО-РУССКИ

Алексей ГОЛИКОВ

Опавшие листья каштанов шуршат под ногами. Я иду по набережной Сены мимо терпеливых рыбаков, мимо влюбленных, которые, пристроившись на каменном парапете, целуются так, как будто они одни во вселенной, мимо лавочек букинистов. Перед старинным мостом, который еще видел кровавое зарево Варфоломеевской ночи, сворачиваю в узенький переулок. В витрине магазинчика выставлен шарф. На нем отштампованы Эйфелева башня, Нотр-Дам, Триумфальная арка. И цена подходящая. В общем, отличный подарок в Москве.

В магазине, возле окна, за журнальным столиком уже немолодой мужчина читает газету. За прилавком красивая девушка. Обращаюсь к ней, но не могу вспомнить, как по-французски шарф, и произношу это слово по-русски. Тут мужчина поднимается и представляется:

— Жак Деспо, владелец магазина.

Я тоже называю себя. Деспо усаживает меня за столик, продавщица — его дочка — приносит кофе, сигареты и красную коробочку. Деспо торжественно достает из нее советскую партизанскую медаль и прикалывает к лацкану своего пиджака.

— Это в честь русского гостя,— поясняет он.— Два года был в России партизаном. Там и говорить научился.

Я спрашиваю, как это могло случиться. И господин Деспо, мешая русские и французские слова, язык-то он все-таки подзабыл, стал рассказывать.

Когда началась вторая мировая война, Жак юношей пошел добровольцем в армию. После поражения Франции вернулся домой. Работал продавцом в этом же магазине, который тогда принадлежал его отцу. В общем, ему жилось неплохо. Но с каждым днем росла ненависть к наглым, самодовольным гитлеровцам, которые хозяйничали в столице Франции.

Помог случай, и Жак примкнул к борцам Сопротивления. Однако при выполнении первого же задания — следовало проникнуть в квартиру предателя — попал в облаву. У него отобрали отмычки и кастет. Тогда, выбирая из двух зол меньшее, он сказал, что политикой не интересуется, выдал себя за вора и получил три года тюрьмы. Отсидел месяц, когда узнал, что предатель Дорио вербует уголовников в свой легион, который будет воевать в России. Для Жака это была единственная возможность выйти из тюрьмы. А на фронте он решил при первой возможности перебежать к русским.

Сначала легион нес гарнизонную службу в городе Трубчевске. Потом стал участвовать в карательных операциях против партизан. Однако перебежать к ним оказалось нелегко. В легионе, кроме уголовников, были и настоящие фашисты. Все следили друг за другом и за попытку дезертировать расстреливали на месте.

Наконец Жак выбрал подходящий момент. Это произошло возле реки Лохов. Легион преследовал партизан. Жак вместе с отъявленным фашистом, капралом Дюбуа, пошел в разведку. Капрал подорвался на самодельной партизанской мине, а Жак переплыл реку и убежал в лес. У партизан был большой счет к карательному легиону, и Жака сгоряча едва не пристрелили. Беда была в том, что никто из партизан не понимал по-французски и Жака приняли за шпиона.

Через неделю француза отправили в другой отряд, где разведкой командовал московский архитектор Петр Фролов. Высокого роста, очень сильный, Фролов знал не только французский, но и немецкий. Он поверил рассказу Жака, поручился за него перед командованием. Французу вернули оружие, и он стал ходить на боевые задания. Однажды Фролов взял Жака с собой на подрыв железнодорожного полотна. Операция прошла успешно, но, когда партизаны уже скрылись за деревьями, начался минометный обстрел. Осколком Жака ранило в ногу. Оставаться было нельзя. Немцы стали прочесывать лес. Тогда Фролов поднял француза на свои могучие плечи и нес его восемь километров.

Из легиона сбежал не только Жак. Об этом узнали в штабе партизанского движения и предложили всех французов вывезти в Москву самолетом. Жак категорически отказался и остался в отряде. Фролов учил его русскому языку, а на привалах у костра читал свое любимое стихотворение «Бородино». Когда доходил до строчек «...постой-ка, брат, мусью...», шутливо хлопал Жака по загривку.

Фролов брал Жака с собой в дерзкие разведывательные операции. Не раз, переодевшись эсэсовцами, они ходили по улицам занятого фашистами Могилева. Убивали офицеров, забирали у них оружие и нужные документы. В одной из таких смелых операций Фролов погиб.

— Я тогда долго горевал,— говорит в заключение рассказа господин Деспо.— Пьер, так я звал Фролова, был для меня русским братом, более того, он был для меня как бы второй отец. Он помог мне, сражаясь в России, защищать прекрасную Францию.

* *
*

— Идите обедать к мадам Шико,— посоветовали мне знакомые.— У нее подают отличные сыры, а фирменное блюдо, жареное мясо, выше всяких похвал. И все это недорого.

Ресторан мадам Шико невелик — всего три-четыре столика. Садимся возле окна, и хозяйка ставит перед нами большую корзину с сырами.

— Это все разные сорта? — спрашиваю я.

— Конечно! У нас во Франции пользуются спросом сто двадцать сортов сыра,— отвечает мадам Шико.

На вид ей лет сорок — сорок пять. Невысокая, стройная, модная прическа с фиолетовым отливом. Глаза молодые, веселые.

— Откуда вы так хорошо знаете русский язык?

— Муж был русский,— говорит мадам и подсаживается к нашему столику.

— Как же вы познакомились с ним?

— В тридцать девятом году, когда мне было шестнадцать лет, я поехала в гости к тете в Страсбург, где вышла замуж за господина Шико. Не прожили мы и недели, как началась война, и мужа призвали в армию. Скоро его привезли домой — при бомбежке был сильно контужен. Муж умер, а тут началось немецкое наступление, и я оказалась в оккупации.

В Париж вернулась, когда там уже хозяйничали немцы. Домой добралась вечером, а квартира пустая: мама с папой уехали к родственникам в Марсель. Легла спать. Ночью проснулась: на улице стрельба, крики. Слышу стук в дверь и умоляющий голос: «Откройте, пожалуйста, откройте». Я открыла, смотрю: парень с пистолетом. Он сразу за собой дверь на все замки запер, что-то говорит, вроде бы по-французски, но непонятно. Поняла только, что за ним гитлеровцы гонятся. Потащила его в спальню и кричу, чтобы ложился скорее в мою постель. А он все пистолетом машет, вроде примеривается, откуда будет удобней стрелять. Наконец сообразил и полез под одеяло в одежде. Говорю: раздевайся! Опять не понимает. Ну, тут уж я сама давай с него брюки стаскивать. Легла рядом и чувствую что-то холодное. Смотрю, пистолет! Он с ним никак расстаться не может. И не отдает. Кричу: «Болван, найдут, обоих расстреляют!» Сунула я пистолет в помойное ведро, под мусор, а уж в дверь стучат.

Вошли два немца с автоматами, с ними мадам Одлер — привратница, что жила под лестницей, она меня с детства знала. Немец спрашивает, кто еще есть в квартире. Говорю: «Мой муж». «Где?» Веду в спальню, объясняю, что муж был на фронте, контужен и теперь немой, плохо слышит и едва двигается. Показываю документы покойного Шико и его справку из госпиталя о контузии. А немец спрашивает, почему в полиции не зарегистрировались. Говорю, что приехали только вчера вечером, перед началом комендантского часа, и не успели. Тут гитлеровец обращается к консьержке—так ли все это? И мадам Одлер подтвердила; до сих пор за нее перед святой мадонной свечки ставлю... Гитлеровцы поверили, приказали, чтобы утром была в полиции с документами, и ушли.

Парень успокоился и лучше стал говорить по-французски. Рассказал, что он русский летчик Василий Галачалов. Его самолет сбили, и, раненный, попал в плен. Отвезли в Германию. Из лагеря бежал, добрался до Парижа. Здесь добрые люди свели его с борцами Сопротивления, и Василий вступил в партизанский отряд имени Чапаева. Отряд состоял в основном из советских военнопленных, но там были и чехи и французы.

На другой день я явилась в полицию, сделала все, что нужно, и вновь обрела мужа. Василий так и остался со мной. Наша квартира стала явкой для борцов Сопротивления. На боевые задания меня не посылали, была связной, выполняла и другие поручения. Мы с Василием очень любили друг друга. После войны собрались уехать в Россию. Во время парижского восстания он пошел с бойцами занимать здание советского посольства. Фашисты почти не сопротивлялись. Партизаны водрузили на здании советский флаг, и тут предательская пуля пробила смелое сердце моего мужа. Я снова овдовела.

У меня родился сын. Он носит фамилию Шико, а зовут его, как отца, Василий. И он тоже пилот, только гражданской авиации. Мечтает летать на линии Париж — Москва, побывать на великой Родине своего отца.

ДЕНЬ, НОЧЬ И СНОВА ДЕНЬ

Борис ЛАСКИН

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

1

Он уже довольно долго глядел в окно, но ничего такого особо интересного не заметил. Навстречу поезду резво, слегка пританцовывая, бежал молодой лесок, тянулись телеграфные провода. Один за другим — раз! раз! раз!— пролетали столбы, на поперечных рейках белели изоляторы. Если прищуриться, кажется, что это не изоляторы, а голуби. Уселись в ряды и молчат. Но вообще-то они не молчат, они гудят, вроде бы воркуют. Отсюда не слыхать. Если выскочить на ходу из вагона и приложить ухо к столбу, тогда другое дело. Изоляторы, конечно, тут ни при чем, и то, что они похожи на белых голубей, тоже не имеет никакого значения. Звуки идут от проводов. Провода натянуты, как струны, и потому гудят, в особенности когда ветер, вот как сейчас...

Ветер влетает в окно, занавеска выгибается парусом и тихо пощелкивает.

Сколько можно лежать? На его часах уже без пяти минут девять. Отличные часы. Еще дед их носил, много лет прошло, а им хоть бы что, идут как миленькие.

Он надел рубашку, натянул брюки наподобие джинсов и посмотрел вниз.

У окна сидела девушка. Она читала книгу, и было видно, что никакого ей нет дела до окружающих. А вообще-то в купе никаких окружающих сейчас не было, они скорей всего ушли в вагон-ресторан, и майор и его жена.

Девушка читала книгу. Тогда он изогнулся у себя на верхней полке, чтобы было поудобней смотреть, и тут же устремил ей в затылок долгий немигающий взгляд. То ли он где-то читал, а может, кто-то ему рассказывал, что такой взгляд заставит любого человека обернуться. Может быть, здесь действует гипноз или навязывание своей воли при помощи взгляда, но так или иначе человек обязан обернуться.

Странно, но у него ничего не получалось. И он уже просто так, выключив волю, разглядывал девушку, ее темные волосы, свободно упавшие на плечи. Это красиво и, наверное, модно. Многие так носят. Девушка была аккуратно одета — светлая трикотажная кофточка спортивного типа, синие брючки и белые босоножки...

Он увидел ее еще вечером, когда садился в поезд. Его провожала мама, а эту девушку — какая-то бодрая старушка. Когда тронулся их поезд, старушка замахала руками и крикнула: «Наденька, приедешь — дай телеграмму!» А раз другие кричат, мама тоже ему крикнула, хотя до этого уже раз пять сказала: «Позвони мне на работу, или пусть тетя Наташа позвонит. Слышишь, Павлик?»

Майора с женой никто не провожал, а Павлик с девушкой высунулись в одно окно, оба махали руками своим, оставшимся на перроне. И тогда он подумал: «Все ясно. Ее зовут Наденька. И она тоже, наверное, слышала, что меня зовут Павлик. Но это не имеет значения, кого как зовут».

— Тебе случайно ветер не мешает, Наденька? — спросил он вызывающе вежливо. «Может, почувствует иронию и ответит в том же духе. Все же веселей будет, чем так вот сидеть и молчать».

— Нет, Павлик, мне ветер нисколько не мешает,— ответила она таким медовым голоском, что он принял решение сделать молниеносный ответный ход. Хорошо бы, как в шахматах, найти лучшее продолжение, но у него ничего не вышло. Он молчал, а девушка попрежнему прилежно читала. Павлик не знал, что девушка только притворяется серьезной, а в душе-то она смеется над ним. А он сидит и что-то насвистывает, хотя минуту назад он даже и не думал свистеть.

Павлик достал мыло, пасту, зубную щетку и вышел, не сказав ни слова. «Ты молчишь, и я буду молчать. Пожалуйста. Еще посмотрим, кто кого перемолчит».

Вернувшись в купе, он застал девушку в прежней позе: она сидела, охватив ладонями голову, и читала. «Неужели у тебя такая сверхинтересная книга, что даже не можешь оторваться?»

Павлик вынул из рюкзака дорожные харчи — пирожки, испеченные мамой, помидоры, бутылку молока — и принялся завтракать.

— Поесть не хочешь? — спросил он просто.

Она подняла глаза, внимательно, будто впервые его видит, посмотрела и без всякой насмешки сказала:

— Большое спасибо. Я уже позавтракала.

— Когда ж это ты успела? — спросил Павлик, понимая, что теперь их беседе ничего не помешает.

— Очень ты крепко спал.

— Это со мной случается...

— Что? — Девушка опять подняла глаза, на сей раз удивленно.

Он засунул в рот целый пирожок и потому последнюю фразу произнес непонятно: «Это фомой фуфаефа».

Некоторое время оба молчали.

Потом, немножко подумав, Павлик уселся с ней рядом, заглянул в ее книжку и начал читать с середины. Она, конечно, заметила, что он тоже читает, и потому, когда дошла до конца, сразу не перевернула страницу, а взяв ее за уголок, слегка пошевелила: мол, читай скорей, я жду.

И тогда Павлик сказал:

— Можно.

— Что можно?

— Можешь переворачивать. Я уже.

— Уже прочитал, да? И ничего не понял.

— Почему же это я ничего не понял?

— Что ты понял?

Павлик пожал плечами и усмехнулся. Жаль, книжка попалась незнакомая. Читал бы он ее раньше, сейчас бы сказал, что он понял, и получилось бы, что он жутко сообразительный,— пробежал одну только страницу и, пожалуйста, может рассказать сюжет.

— Ну, что ты понял? — повторила она. Ей тоже, наверно, хотелось поговорить на разные темы.

И тогда Павлик, улыбнувшись, сказал:

— Я понял, что ничего не понял.

— То-то,— сказала она и закрыла свою книжку.

Это означало — «давай знакомиться!».

2

Сколько фотографий — даже не сосчитать. И люди на фотографиях самые разные. Не как на доске почета, где все без исключения серьезные и прямо на тебя смотрят. А тут все совершенно по-иному. Вот, например, неизвестная блондинка уставилась в потолок и двумя пальчиками бусы поддерживает — ах, ах, глядите, какая я красивая и какие у меня бусы. Рядом другая фотография — ребеночек лежит голый, попкой кверху и ревет на полную катушку. Непонятно даже, зачем человека в таком состоянии фотографируют. Еще карточка, на ней двое — он в черном костюме при галстуке, а она в белом платье с фатой. Ну, это и понятно — молодожены. А в центре, на самом почетном месте, портрет известного киноартиста. Вообще-то он неплохой артист. Он не так давно снимался в этом фильме, где он чего-то такое важное изобрел и за ним иностранные шпионы гоняются, но не долго, потому что их довольно-таки быстро разоблачают...

Павлик и Надя молча разглядывали развешанные по стенам фотографии, когда распахнулась черная занавеска и появился пожилой дядечка. В руке у него была газета «Футбол — хоккей».

— Слушаю вас. Что скажете?

— Здравствуйте,— сказал Павлик.— Вы фотограф? У нас к вам большая просьба...

— Можете не продолжать.— Фотограф бережно сложил свой «Футбол — хоккей».— Я догадываюсь, какая у вас просьба. Вы, наверно, хотите, чтобы я вам срочно что-нибудь спел...

— Да. Если можно, спойте нам, пожалуйста,— серьезно сказала Надя.

— У вашей девушки,— сказал фотограф Павлику,— развито чувство юмора,— он обернулся к Наде,— я бы вам, конечно, спел с большим удовольствием, но, к сожалению, я сегодня не в голосе. Насколько я понимаю, вы пришли сфотографироваться?

— Интересно, как же это вы догадались? — спросила Надя.

Фотограф ласково похлопал Надю по плечу. Он оценил ее умение не лазить за словом в карман.

— Прошу садиться, молодые люди!..

У фотографа было хорошее настроение, это было видно. Он дружелюбно посмотрел на Павлика и спросил:

— Какое назначение фотографии?

Ответить хотела Надя, но Павлик сделал ей жест: «Погоди. Я отвечу сам. Не у тебя одной есть чувство юмора».

— Какое назначение фотографии? — переспросил Павлик.— Назначение фотографии — фиксировать различные моменты, отдельных граждан...

— Теперь я буду знать,— поклонился фотограф.— Какой вы желаете зафиксировать момент? «Наверно, жених и невеста. А пожалуй, нет, слишком еще молоды».

— Нам требуются фотокарточки размером три на четыре сантиметра. Ей отдельно и мне отдельно.

— Бу зде, как говорит Аркадий Райкин. Вы его когда-нибудь видели?

— Мы его только по радио слышали,— ответила Надя, и Павлик обратил внимание —

она ответила за двоих. А может, лично он видел Аркадия Райкина, и не один раз. Но вообще-то он его никогда не видел, а по радио слышал в передаче «С добрым утром!».

— Вы много потеряли. Его надо обязательно видеть.

Фотограф включил маленький прожектор, рукой показал на стул.

— Ну что? Начнем с барышни?

— А может быть, лучше с кавалера? —спросила Надя.

Павлик улыбнулся. «Да, насчет юмора у нее порядок».

— Могу предложить такой вариант,— сказал фотограф.— Вы садитесь рядом, я сниму вас вместе, потом вы разрежете снимок на две части, и каждый из вас возьмет себе ту часть, которую он заслуживает.

— А так можно?

— Можно. В наше время человечество решает и более сложные проблемы. Как вы понимаете, я имею в виду прогрессивное человечество...

Усадив их рядом, он быстро установил нужное освещение.

— У вас одна задача — держаться независимо. Считайте, что вы незнакомы. Ни она для вас, ни вы для нее в данный момент не существуете.

Надя поправила прическу и подумала: «Получим карточки, а одну не разрежем. Оставим на память об этом симпатичном и очень разговорчивом дядечке».

— Если я скажу вам, что отсюда сейчас вылетит птичка, не верьте. Этот мелкий обман остался с прошлого века. Девушка, хватит поправлять волосы, вы и так красивая. А вы, молодой человек, не смотрите на меня так строго, вы еще не прокурор. Тихо! Сейчас отсюда вылетит птичка. Готово!

Павлик облегченно вздохнул. Можно было подумать, что он закончил тяжелую работу.

— А когда будут карточки?

— Прошу вас посидеть несколько минут. Посмотрите пока мои работы. Это все наши современники. Я быстренько проявлю негатив.

Он скрылся за черной занавеской, и оттуда сразу же раздался его голос:

— Значит, карточки вам нужны для документов...

— Для поступления в ПТУ,— уточнил Павлик.

— Здесь у меня темно, и я не могу разобрать, что такое ПТУ.

— Это он сострил,— тихо сказал Павлик. Уж, наверно, не они одни снимались здесь для ПТУ.

— Конечно,— кивнула Надя.— Ему там скучно одному в темноте, вот он и разговаривает.

— ПТУ — это профессионально-техническое училище,— пояснил Павлик.

— Я почему-то так и подумал,— ответил фотограф.— Сами вы местные или иногородние?

— Иногородние.

— Конечно, из разных городов?

— Из одного города.

— Какое приятное совпадение!..

Павлик молча переглянулся с Надей. Сегодня на вокзале в автоматической камере хранения они поставили свои вещи — рюкзак и чемоданчик — в один шкаф. Чтобы его закрыть и потом открыть, нужно было придумать шифр — четырехзначное число. И Павлик предложил такое сочетание — единицу, девятку, пятерку и восьмерку. Надя спросила: «А почему именно эти цифры!» — и Павлик сказал: «1958 — год моего рождения. Уж это-то число я никогда не забуду». Надя улыбнулась и сказала: «А если забудешь, я напомню. Я тоже родилась в пятьдесят восьмом». И тогда Павлик сказал: «Какое приятное совпадение!» Но сказал он это просто потому, что так обычно говорят, когда получаются совпадения.

— Ну, и какую же вы себе, интересно, выбрали профессию?— полюбопытствовал фотограф.

— Каждый свою,— ответила Надя. Она ждала, что тут же последует вопрос «а лично вы?», но за занавеской было тихо, и это ее обрадовало. Лично она, правда, уже сделала выбор, но хотела еще подумать. А Павлик, по его словам, уже все решил окончательно. Во всяком случае, так он ей заявил. Но, наверно, и у него тоже имеются варианты. И правильно. Выбор профессии — дело непростое. Тут торопиться не приходится.

— Как там наш негатив? — спросил Павлик.

— Вы свободны!— раздался голос фотографа.— Карточки будут через час, но если вам нужно срочно, можете прийти попозже. Договорились?

— Договорились.

— Подождите...— Он вышел, на ходу вытирая руки.— Я дам вам квитанцию, одну на двоих. Фамилия?

— Коротеев.

— Так и запишем.

— А моя фамилия — Фирсова,— сказала Надя, но фотограф уже вручил квитанцию Павлику и улыбнулся.

— Значит, п о к а Фирсова? Понятно.

— Привет! — сказал Павлик.— Желаем вам успеха в труде.

— И в личной жизни,— добавила Надя.

Уходя, она бросила взгляд на фотографа. «Что значит п о к а Фирсова? Ваши намеки можете оставить при себе»,— хотела сказать Надя, однако не успела. Фотограф уже исчез за своей черной занавеской.

3

— Зайдем, Фирсова, в кафе «Ландыш», а?

— Зайдем, Коротеев. А где оно?

— Где? Восемь классов окончила? Буквы знаешь? Смотри вон туда и читай: «Кафе «Ландыш».

В «Ландыше» было совсем свободно, и они выбрали отличный столик — маленький, только для двоих и вдобавок у самого окна. Мож-

но сидеть, есть сосиски с капустой и смотреть в окно.

В кафе тишина и покой, еле слышно играет радио, а за окном движение, за окном люди. Одни шагают не спеша, другие куда-то торопятся, разговаривают, улыбаются, едят на ходу мороженое, волокут сетки с апельсинами, катят детские коляски, и вполне возможно, что в одной из них лежит тот самый гаврик, что красуется на стене у фотографа; но в коляске он, конечно, не плачет, а наоборот — смеется, потому что сегодня отличный день, светит солнце и вообще все хорошо.

Еще в поезде в какой-то момент Павлик почувствовал себя главным. Во-первых, он мужчина, и это основное. Во-вторых, он уже почти что окончательно выбрал себе профессию. Что касается Нади, то с ней пока вопрос неясен. Девушки вообще переменчивы. Похоже, что эта Фирсова сама еще пока точно не знает, чего она хочет. Вот, пожалуйста, сидит, отодвинула тюлевую гардину и таращит глаза на проходящих людей. Внимание! Остановились два волосатика. То ли они Надю разглядывают, то ли соображают, зайти им в кафе или нет. Не зашли. И правильно сделали.

— Знаешь, бывает кино, снятое скрытой камерой,— сказала Надя,— люди сидят, ходят и даже не догадываются, что их в это время снимают...

— Знаю,— сказал Павлик.— Лично я это не приветствую. Иногда человек довольно-таки глупо выглядит, зачем на него смотреть?.. Ты мне вот что скажи, какой у тебя на сегодня намечен план?

— Фотокарточки получить. Это первое. Конечно, город посмотреть...

— Это понятно. А еще?

— Хочу в универмаг зайти.

— С целью?

— Кофточку посмотреть.

— Посмотреть или купить?

— Посмотреть-то я могу все, а купить одну.

— Так. Дальше что?

— Неплохо бы зоопарк посетить.

— Вот это правильно. Со слоном надо повидаться.

— Можно в кино сходить.

— Не стоит.

— Почему?

— Кино дома посмотрим. Ты вообще-то сколько думаешь здесь пробыть?

— Дня два самое большее.

— Значит, два дня и две ночи, да? А насчет ночлега подумала?

— Подумала. Сдам документы в ПТУ, у них же есть общежитие...

— Есть, конечно. Для принятых.

— А меня что, не примут, что ли?

— Не сегодня же тебя примут.

— Тогда пойду в гостиницу.

— Ну да. Там тебя ждут не дождутся. «Где же Фирсова? Скорей бы она пришла, а то у нас все номера пустуют».

Сперва Надя улыбнулась, потом нахмурилась. «Какой самонадеянный, все он знает. Насчет общежития сказала бабушка, она зря не скажет. В ПТУ обязательно помогут с жильем».

Надино молчание Павлик объяснил по-своему: «Растерялась, не знает, как ей быть». Он взял бутылку кефира, потряс, аккуратно выдавил пальцем крышечку из фольги, налил полный стакан Наде, затем себе. Сделал он это не торопясь, солидно. Пусть Фирсова видит, что рядом с ней человек, на которого можно положиться в трудную минуту. К тому же у него родился план, о котором Наде пока что, пожалуй, не стоит говорить. Возможно, она еще не согласится, а если согласится, то все будет для нее приятным сюрпризом. Но вообще-то это будет сюрпризом не только для Нади Фирсовой, но также и для...

— Чего это ты вдруг замолчал? — усмехнулась Надя и, не дождавшись ответа, неожиданно спросила:

— В каком месяце ты родился?

— Я? В августе. А что?

— Ты в августе, да? А я в июне. Понял, Коротеев? Я на два месяца тебя старше.

— Допустим. Ну и что?

— Ничего. Это я просто так. Для ясности.

— Тихо! Чапай думать будет! — сказал Павлик и погрузился в задумчивость. Если бы его сейчас сняли скрытой камерой, любой, кто увидел бы его на экране, сразу бы понял, что в голове у него рождается могучая идея. Вообще-то она уже полностью созрела, и Павлик был железно убежден, что все будет хорошо. Его, конечно, спросят: кто? почему? Его спросят, и он ответит.

Павлик хлопнул в ладоши.

— Пей кефир, ешь рогалик, Фирсова, и не робей. Понятно? Пока я жив, можешь ни о чем не думать.

Надя с нескрываемым любопытством смотрела на Павлика. Как видно, что-то он затеял, но что?..

Когда они выходили из кафе, Павлик пропустил Надю вперед и, прочитав в ее глазах вопрос, бодро сказал:

— Спокойно. Как говорил мой дед, «порядок в танковых войсках!».

4

Это только так кажется — зашел, выбрал, купил и будь здоров. Нет. Ничего похожего. Пока доберешься, куда тебе надо, то и дело отвлекаешься. Вот, например, отдел «Сделай сам» занимает почти что целый этаж. Тут есть все, что хочешь,— любые материалы, техника. Тебе нужны тисочки? Пожалуйста, выбирай. Электродрель? Вот она, аккуратненькая, к ней сверла в наборе и шнур, хочешь — черный, хочешь — красный. И вольтаж, какой нужен: и сто двадцать семь и двести двадцать. Замечательный отдел. И что хорошо — тут все по-серьезному, не как на первом этаже, в отделе «Товары для школьников». Такой стоит галдеж, хоть уши затыкай. Вот уж где будущие первоклассники жизни дают! Только и слышно: «Мама, купи! Папа, купи!» Ранцы, пеналы, ластики и тэ дэ. Одним это, конечно, вот так нужно, а для других, как говорится, пройденный этап.

Надя шла впереди, но она все время оглядывалась, замедляла шаг и нетерпеливо топталась на одном месте.

Павлик опять застрял, на сей раз у прилавка, где выставлены радиодетали.

Надя тяжко вздохнула, открыв при этом рот и закатив глаза. Увидела бы ее сейчас бабушка, она бы сказала: «Не смей, пожалуйста, меня передразнивать!»

С трудом оторвавшись от новейших конденсаторов, от диодов и триодов, Павлик прибавил шагу и поравнялся с Надей.

— Ну, где они продаются, эти твои кофточки?

— Я же сказала — выше.

— Тогда чего же мы здесь толчемся?

Надя взяла Павлика за руку, как старшая младшего.

— С тобой ходить — одно мучение. Все тебе нужно посмотреть, все тебе надо потрогать.

— Во-первых, не все. Это раз. И второе — если меня с детских лет техника привлекает, могу я...— Он сделал паузу и подумал: «Вроде бы я оправдываюсь, а мне, наоборот, наступать надо!» — У нас с тобой разные интересы. Я заметил, как ты детскую коляску разглядывала, как будто это была не коляска, а луноход.

Он покосился на Надю. «Неплохо получилось. Сразу замолчала. Но у нее есть чувство юмора, так что она еще, возможно, мне сейчас врежет!»

Но Надя обернулась к нему и очень серьезно, как-то по-взрослому сказала:

— Да, мне понравилась детская коляска. Ну и что? Я все ж таки женщина.

— Именно что все-таки.

Павлик пожал плечами. «Много на себя берешь, Фирсова. У тебя еще даже паспорта нет. Женщина».

— Раз молчишь, значит, понял,— с удовлетворением отметила Надя и кивком указала вправо.— За мной! Поехали на эскалаторе!..

Наверху, в отделе, где продавались юбки, кофточки и прочая петрушка, Павлик демонстративно глядел по сторонам, на ряды вешалок, на манекены. Он снова подумал о том, что сказала ему Надя. И главное, так она это сказала, что получилось не смешно. И никакого она не применила чувства юмора. Все правильно. Она же будет женщиной, возможно, кого-нибудь родит и начнет катать своего ребенка в коляске. Ей же не десять лет, ей в этом году паспорт получать. И ему тоже скоро выдадут паспорт. Единица, девятка, пятерка и восьмерка. Это шифр. В автомате на вокзале остались вещи на хранении. Ее и мои. В общем, наши вещи.

— Павлик!

Он обернулся.

Надя высунулась из примерочной.

— Посмотри. Как твое мнение?

Она была в новенькой кофточке.

— Вообще-то неплохо...

— Тебе нравится? — спросила Надя, и он понял, что от его ответа зависит многое.

Конечно, проще всего было сказать «нравится», и дело с концом. Но он сам, даже не зная почему, отрицательно покачал головой.

— Мне не нравится.

— Правда? — спросила Надя, и Павлик почувствовал, что она не только не огорчена, а, наоборот, даже довольна его ответом. Между тем так оно и было. «Если б сразу сказал «нравится»,— подумала она,— значит, ему все равно, какая кофточка на мне, эта или другая. А он сказал — «не нравится», значит, он заинтересован и хочет, чтобы я лучше выглядела. И к тому же он прав. Эта кофточка чересчур пестрая, от нее даже глаза устают. Лучше взять ту голубую, с каемочкой».

Через минуту Надя показалась из примерочной в другой кофточке. Теперь она уже не стала спрашивать, только посмотрела на Павлика.

— Высший класс! — сказал Павлик.

— Выпишите! — сказала Надя продавщице, радуясь тому, что у них целиком и полностью совпадали вкусы.

А когда продавщица, протянув ей чек, доверительно шепнула: «Все правильно. Голубенькая вам больше идет»,— Надя указала на Павлика.

— Раз он одобрил, значит, все!

Павлик усмехнулся и, встретившись глазами с продавщицей — миловидной девушкой в фирменном халатике, отвлеченно посмотрел по сторонам, словно бы желая сказать, что у него на сегодняшний день есть дела поважнее, чем выбор какой-то там кофточки.

5

Три солдата молча ели эскимо. Движения их были до смешного ритмичны. Выходило это у них, конечно, случайно, но поглядеть со стороны, можно подумать, что им кто-то беззвучно подает команду — откусить, подождать, пока растает, проглотить, еще разик откусить.

Четвертый тоже ел мороженое и при этом считал вслух. В паузах он успевал еще вставить словцо, а то и короткую фразу:

— ...Тринадцать... Ну, ты подумай!.. Четырнадцать... Пятнадцать... Силен!.. Шестнадцать... Вот дает!.. Семнадцать... Восемнадцать... Ну, где же он?.. Девятнадцать... Двадцать... Ведь это надо же...

И Павлик с Надей считали, но про себя. Они и другие посетители, что стояли рядом, и эта четверка совсем еще молодых солдат — все неотрывно смотрели на темную беспокойную воду бассейна.

И вдруг вода с шумом расступилась, и на ее поверхности возникла морда бегемота — массивная, с круглыми вытаращенными глазами.

— Здоровеньки булы,— сказал бегемоту мужчина в дырчатой соломенной шляпе.— Мы тебя давно ожидаем. Почему долго не вылазил?

Было заметно, что владелец шляпы слегка навеселе.

Бегемот разинул огромную пасть и медленно повернулся в противоположную сторону.

— Видал? Он с тобой отказывается говорить,— заметил кто-то из зрителей, и, как бы в подтверждение этих слов, бегемот снова скрылся под водой.

— Сколько же он может не дышать? — спросила Надя.

— Очень долго,— сказал Павлик.

Только что отшумел короткий летний дождик, и стало немного прохладней. Весело блестели дорожки, над бетонными скалами и горками поднимался пар.

Они шли по дорожке, ненадолго задерживаясь у клеток и вольеров, и каждый при этом думал о своем.

«Знакомы мы со вчерашнего вечера, а почти что ничего друг про друга не знаем. Толь-

ко я и знаю, что мы ровесники и что она тоже приехала поступать в ПТУ.

Что еще? Похоже, что она довольно-таки самостоятельная и немного о себе воображает. Но вообще-то она девчонка неплохая, а то, что она старше меня на два месяца, то это никакого значения не имеет. Но все же интересно, о чем она особо мечтает? Какие у нее подруги и друзья? И много ли у нее друзей? Не подруг, а именно друзей. А то, что она очень складная и вообще симпатичная, это всем ясно и без электрического освещения. Лучше всех она это сама знает. Походка у нее плавная, и волосы свои она каждую минуту поправляет, чтобы все жители городов и сел знали, какая она заметная и вообще... А профессия, которую она себе наметила,— кондитер — неплохая. Тут можно и фантазию проявить и талант, если он, конечно, у нее откроется во время учебы. И тут, что ценно, каждый с ходу поймет, хорошо она работает или нет. Люди едят твою продукцию и облизываются — значит, ты мастер, тебе почет и уважение. А если люди едят и плюются — чао, ищи себе другую профессию. Интересно, кто ее родители? Говорит, что большей частью с бабкой живет и что эта бабка в прошлом — боевой товарищ, была на войне и так далее. У нее бабка, а у меня дед. Только его давно уже, к сожалению, нету. Я бы, конечно, мог ей сказать, кто он был. Но пока ей не надо говорить. А то она еще подумает, что я хочу этим повысить себя, как человека. Мне это совершенно ни к чему. Если в дальнейшем нужно будет сказать — скажу. И про улицу. А не поверит — фотографию его покажу, тем более, она у меня с собой. Кстати, не забыть взять фотокарточки».

— О чем задумался, Коротеев? — спросила Надя.

— Да так... О международном положении. Не забыть нам фотокарточки получить...

— И я об этом только что подумала,— сказала Надя.

Она действительно вспомнила, как они сегодня снимались — двое на одну карточку... «Почему фотограф у меня фамилии не спросил? — думала она.— Мужчина считается главой. А чего он глава? Ничего он не глава. Мальчишка он, видать, неплохой, вести себя умеет. В кафе сказал: «Пока я жив, можешь ни о чем не думать!» Нет, Павличек, так нельзя. Нужно обязательно думать. Как жить, для чего жить, для кого жить. Кондитерское производство — дело хорошее. И внешне выглядит. Халат белый и на голове колпак фигурный, туго накрахмаленный. Бабушка говорит: «Я никогда этого не умела. Мука, простоквашa, ложка песку — вот мой потолок. А вообще, Надежда, кондитер — истинно женская профессия».

— Ты чего молчишь? Устала? — спросил Павлик и посмотрел на свои «штурманские».— «У меня, да и у вас, в запасе вечность. Что нам потерять часок-другой?!» Помнишь, у Маяковского?

— Не помню.

— Зря. Сильная вещь. Внимание! Царь зверей.

Лев стоял не двигаясь и смотрел куда-то вдаль мимо Нади и Павлика, мимо людей, плотно обступивших ограду. Он все смотрел, и казалось, что он хочет что-то вспомнить, хочет, но никак не может. То ли стар стал, то ли маленько память ослабла. И львица рядом. Лежит, поглядывает по сторонам.

— Красивый лев,— сказал Павлик.— Очень гордый.

— Только он, по-моему, не в настроении,— сказала Надя.

— Похоже,— согласился Павлик.— Может, он главную свою жизнь прожил, а сейчас он так — «пойти в домино сыграть или клубнику на рынок свезти?»

Надя улыбнулась.

— Ты же не знаешь, какого он года рождения. Может, он на заслуженном отдыхе.

— Навряд ли,— сказал Павлик и вдруг представил себе такую картину. Надя неосторожно перегнулась через ограду и сорвалась вниз, в ров с водой. Сразу начинается паника, но Павлик тут же прыгает в воду. «Спокойно, Фирсова, я здесь!» Он подхватывает Надю на руки и выносит ее наверх. Рядом чисто случайно оказывается оператор, и назавтра все это показывают по телевидению, по первой программе. И Надина бабушка, что ее тогда провожала, смотрит телевизор, и сперва падает без сознания, но потом видит, что все в порядке, и говорит: «Какое знакомое лицо. Где-то я его видела». Да, бабуля, вчера на вокзале, но это не имеет никакого значения!

— Пошли дальше,— сказала Надя.

— Да, теперь-то, конечно, можно пойти дальше,— сказал Павлик и скромно улыбнулся Наде, которая даже и не подозревала, что он только что спас ее от смертельной опасности и рисковал при этом собственной жизнью.

И они пошли дальше.

«Если б она знала, что с ней сейчас было,— думал Павлик,— она бы схватила меня за руку и сказала бы: «Большое тебе спасибо за твой героический поступок!» И я, чтобы себя особо не выпячивать, сказал бы ей: «На моем месте так поступил бы каждый». И тут бы уж она, конечно, меня поцеловала, не глядя, что кругом посторонние люди».

«А вдруг и правда в ПТУ нет общежития для тех, кто еще только заявление подал,— озабоченно подумала Надя.— В гостинице ни за что номер не получишь, это бабушка сказала, она-то наверняка в курсе. А тогда куда же мне деваться? У него, небось, здесь родня?.. А если он меня к ним пригласит, как быть? Хорошо, если большая семья, а вдруг мы там окажемся только вдвоем? Нет. Тогда пойду в гостиницу, там можно внизу посидеть. А спать не обязательно. Можно почитать. Так что ничего страшного, тем более он сказал: «Пока я жив...»

В слоновнике стоял веселый гомон. Ребятишки бросали слону баранки, яблоки и заранее припасенные морковки. Слоны с удовольствием принимали угощение, что доставляло их кормильцам большое моральное удовлетворение.

— Смотри! Наш знакомый,— сказала Надя.

Павлик обернулся и увидел мужчину в соломенной шляпе, того самого, от которого отвернулся бегемот.

Заложив руки за спину, мужчина требовательно посмотрел на слонов и громко спросил:

— А где мамонты?.. Я спрашиваю: где мамонты?

— Мамонты кончились,— ответил очкастый долговязый парень с малышом на плече.— Вымерли они. Где же вы раньше были?

— Раньше я в Краснодаре работал. Там их тоже нет. А если хочешь знать, мамонт — тот же слон...

— Только самого первого выпуска,— вставил Павлик.

— Устаревшая модель,— добавила Надя.

— Точно,— подтвердил мужчина в шляпе.

Могучие слоны с тяжелой грацией переступали с ноги на ногу, плавно раскачивали хоботы и были в отменном расположении духа.

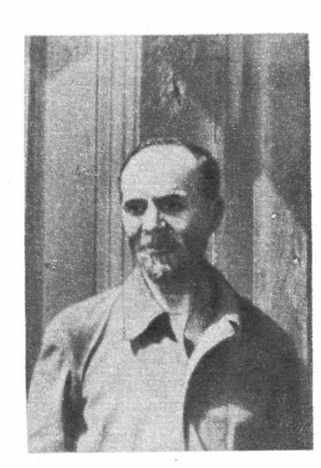
— Подарить тебе этого слона? — спросил у Нади Павлик.

— Вообще я не против,— сказала Надя,— но мне его сегодня, к сожалению, устроить негде. У меня же здесь нет никакой жилплощади...

— Найдем,— уверенно сказал Павлик.— Не робей, Фирсова. Слон будет устроен. Я отвечаю!..

Продолжение следует.

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. Н. ЛЯШКО

НАРОДНЫЙ ПИСАТЕЛЬ

Исполнилось 90 лет со дня рождения одного из зачинателей пролетарской литературы в нашей стране — Николая Николаевича Ляшко.

Не одно поколение советских людей воспитывалось на произведениях этого замечательного художника. Рядом с «Железным потоком» А. Серафимовича, «Чапаевым» Д. Фурманова в школьных хрестоматиях и в программах обязательного чтения для рабфаков значилась повесть Н. Н. Ляшко «Доменная печь». Его рассказами «Орленок», «Железная тишина», «Стена десятых», «Рассказ о кандалах» зачитывалась молодежь тех бурных и героических лет. В середине тридцатых годов появился его роман «Сладкая каторга», ставший значительным явлением советской прозы.

В истории нашей литературы творчество Н. Н. Ляшко занимает особое место. Он открыл в индустрии поэзию и романтику. Труд рабочего человека он описывал с любовью и гордостью, потому что сам был рабочим и знал: на арену эпохи вышел новый класс, и только он может создать на земле подлинное счастье. Высокое имя РАБОЧИЙ он понимал как НАРОД. В этом имени соединялось для него все: и личное счастье, и борьба, и надежды, и понятие БУДУЩЕГО.

Жизненный путь Ляшко был трудным. Родился он в бедной семье в городе Лебедине бывшей Харьковской губернии. Отец был отставным николаевским солдатом, мать — крестьянка. Двенадцатилетним мальчиком Николай Николаевич пошел внаймы к богачам. Первое время работал посыльным при кофейне, потом учеником кондитера на фабрике в Харькове. По свидетельству самого писателя, те годы были для него поистине «сладкой каторгой» — такой тяжелой, что мальчик не выдержал испытаний и убежал оттуда на «железную каторгу» — поступил учеником на паровозостроительный завод. Здесь он приобщился к активной революционной деятельности. До последних дней жизни Николай Николаевич Ляшко гордился этими своими «главными» профессиями: РАБОЧЕГО и РЕВОЛЮЦИОНЕРА.

За свою подпольную деятельность он не однажды томился в царских тюрьмах, не раз шагал через всю Россию по этапу.

Из ссылки в Олонецкую губернию привез Николай Ляшко свои первые рассказы: «В местах отдаленных», «На переправе», «Рассказ о кандалах».

Для творческой манеры Н. Н. Ляшко характерен стиль сказа. Язык его произведений отмечен глубокой народностью, отличается точностью и чистотой. Образы рабочих людей в его повестях и романах всегда индивидуальны и несут в себе добро, высокие помыслы.

Николай Николаевич Ляшко был одним из организаторов литературной группы пролетарских писателей «Кузница». Долгие годы вместе с «кузнецами» Бахметьевым и Обрадовичем руководил групкомом литераторов при Гослитиздате.

Всей своей жизнью, каждой строкой своих произведений Н. Н. Ляшко был связан с рабочим классом. Московский завод «Серп и молот» был его родным домом. Там он создал, а затем руководил известным ныне всей стране литературным объединением «Вальцовка». Н. Н. Ляшко любил молодых писателей, он настойчиво выискивал талантливых людей, бережно растил их, нередко превращая деловое общение с молодым писателем в личную дружбу.

Написанная Ляшко незадолго до смерти повесть «Никола из Лебедина» звучит как сказка, оставаясь реалистичной, правдиво отражающей трудную судьбу простых людей.

Имя Николая Николаевича стоит в ряду любимых советских писателей, его творчество неизменно служило и продолжает служить делу коммунистического воспитания.

Леонид ЖАРИКОВ

СТАРТ В ФУТБОЛ

Призы журнала «Огонек» лучшим игрокам первенства СССР по футболу среди юношеских команд 1974 года.

Нападающий В. Чазмава.

Вратарь Ю. Маминашвили.

Защитник В. Сарайкин.

...Церемония закрытия турнира затянулась. В проходах между трибунами батумского стадиона «Динамо» уже выстроились в шеренги команды футболистов, уже нетерпеливо шумели зрители, а в судейской комнате все еще кипели споры. Судьи никак не могли решить судьбу призов «Огонька». Редакция журнала четыре года тому назад учредила призы трем лучшим участникам финального турнира: нападающему, защитнику и вратарю. И вот в нынешнем сезоне кандидатур набралось особенно много.

Борьба за звание чемпионов СССР среди юношей началась несколько месяцев назад. В разных концах страны свыше трехсот команд добровольных спортивных обществ, клубов, футбольных школ и групп подготовки вышли на стадионы, и вот теперь в Батуми шесть вошедших в финал коллективов провели между собой тридцать напряженных, ответственных игр.

Победителем стала команда батумского «Динамо». Это и определило судьбу двух огоньковских призов: они были вручены вратарю и нападающему батумского «Динамо». Третий приз — защитника — достался игроку команды «Трудовые резервы».

Кто же они, лучшие? Вагиа Чазмава, нападающий команды «Динамо» (Батуми), Юрий Маминашвили, вратарь команды «Динамо» (Батуми), Владимир Сарайкин, защитник команды «Трудовые резервы» (Московская область).

Б. СМИРНОВ
Фото автора.

ИСКУССТВО ОТВАЖНЫХ

Марат ЦЕБОЕВ

Фото автора.

Со всех концов Монголии съезжались в Улан-Батор юноши и девушки, влюбленные в цирк — искусство смелых, мужественных, отважных. Здесь, на конкурсе, отбирали самых достойных кандидатов для отправки на учебу в Государственное училище циркового и эстрадного искусства в Москве.

Шумно, весело, с песнями провожали друзья победителей. Скорый поезд умчал счастливчиков в Страну Советов, в тот город, в котором проведут они несколько лет, откуда вернутся артистами цирка,— в Москву.

...В 10 часов 20 минут начинаются занятия монгольской группы по специальному предмету. Учащиеся гурьбой идут по круглому коридору, опоясавшему учебную арену. Торопятся в раздевалки. Переодевшись, выходят на освещенную прожекторами арену, ставшую ребятам родной за многие месяцы учебы.

Вот уже где-то под куполом раскачивается на трапеции юная

Над юной гимнасткой Оюунжарбал шефствует педагог Татьяна Николаевна Денисова.

Лариса Дмитриевна Кузнецова: «Главное в хореографии — пластика».

ДЕЛО № 24

«Прошу редакцию рассмотреть мою жалобу по поводу гибели моего сына». Так начинается письмо М. А. Жовтенко из колхоза имени Ильича, Лозовского района, Харьковской области. Мать, родственники и многие односельчане погибшего сомневаются в правильности выводов следственных органов, отказавших в возбуждении уголовного дела. Следователь прокуратуры тов. Краснокутский допустил грубость по отношению к М. А. Жовтенко.

В корреспонденции Б. Протопопова («Дело № 24», «Огонек» № 39 за 1974 г.), выезжавшего на место происшествия, говорилось о том, что в материалах следствия много неясных мест, позволяющих вкривь и вкось толковать обстоятельства трагического происшествия. Лишь по просьбе корреспондента «Огонька» представитель прокуратуры выехал в колхоз и выступил перед общественностью.

Как сообщает прокурор Харьковской области государственный советник юстиции III класса И. Цесаренко, в связи с выступлением «Огонька» была назначена более тщательная дополнительная проверка обстоятельств гибели П. Жовтенко. После ознакомления с ее результатами мать П. Жовтенко, как сообщает И. Цесаренко, сказала: «Я считаю, что в смерти сына никто не виноват, а виновата водка, больше никого не нужно опрашивать». В письме областной прокуратуры указывается, что в колхозе имени Ильича, Лозовского района, да и в других районах области «имеются не единичные факты злоупотребления алкоголем, самогоноварения». Между тем правовая пропаганда для борьбы с этими явлениями используется

Сэлэнгэ, движениями которой руководит преподаватель Елена Павловна Лебединская. А рядом, тоже на высоте, выполняет сложные обороты, балансы и висы стройная девушка с бантом на голове. Это Оюунжарбал Нанзад из монгольского города Дархан.

— Когда Оюунжарбал впервые вышла на арену,— рассказывает педагог Татьяна Николаевна Денисова,— она не то что подтянуться, но и удержаться полминуты на кольце не могла. Слабенькая была. Теперь — сами видите...

Будущие акробаты Борху, Энхбатор и Батмонх.

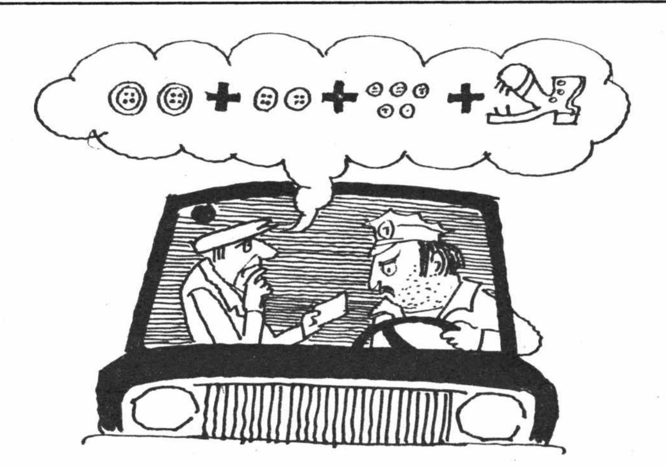
А на арене мелькают красные булавы. Четверо ребят учатся жонглировать. В воздухе десять булав. Вот одна из них падает — порядок нарушается. Ребята начинают сначала... На втором этаже в специальном зале проходит урок танца. Здесь опытные педагоги-хореографы Клавдия Ивановна Филатова и Лариса Дмитриевна Кузнецова обучают будущих артистов манере держаться перед зрителями, прививают умение безукоризненно владеть своим телом, добиваясь пластичности движений.

...Часто на арене можно увидеть плечистого человека со слегка прищуренными глазами, который внимательно и с интересом наблюдает за занятиями. Это директор училища заслуженный деятель искусств РСФСР Александр Маркиянович Волошин, сорок пять лет жизни отдавший цирку. Знаменательно, что недавно указом Президиума Великого Народного хурала в связи с 40-летием творческой связи с искусством Монгольской Народной Республики Волошину присвоено звание заслуженного деятеля искусств МНР.

Александр Маркиянович смотрит на мускулистых юношей, занимающихся на ковре,— Нацагдоржа, Даржаа, Улзийна, Цэрэндоржа, Намсрая, и вспоминает, наверное, первых монгольских циркачей, которых он воспитал: Раднабазара, Нацака, Гамбо и других.

— Впервые,— вспоминает Александр Маркиянович,— наш цирк приехал в Монголию в 1934 году. Со всех концов республики, с гор и долин, группами и в одиночку спешили верхом на лошадях в столицу трудовые араты. Многотысячная толпа в разноцветных халатах многокрасочным амфитеатром окружила место, отведенное для выступления цирка. Перед зрителями выступили коверные клоуны Пат и Паташон, акробаты братья Яловые, эквилибристы-балансеры Казанские, артист Карро с дрессированными собачками, жонглер Бахстас... Много километров проехали наши артисты по монгольским степям. Помню, на прощальном вечере, устроенном в честь советских артистов, маршал Чойбалсан выразил пожелание и надежду о скором создании собственного монгольского цирка. И вот в 1940 году в Улан-Баторе появилась своя цирковая школа, а через два года начал функционировать и цирк.

...Пройдет время, и молодые артисты возвратятся на родину — в улан-баторский цирк. Униформисты распахнут занавес, и представление начнется. Каким оно будет для каждого — это первое представление?

Автандил АДЕИШВИЛИ

Точный расчет

После службы Алестро вышел на улицу и направился к остановке автобуса.

Он представил себе, что ожидает его в пути. В автобусе, как всегда в это время, будет давка. Оторвут пуговицы, хорошо, если от пальто, хуже, если от брюк.

Чуть поодаль от остановки стояло такси.

«Рискнуть, что ли?» — подумал Алестро, но тут же вспомнил случай с соседом. Тот на днях ехал домой в такси. Счетчик показал шестьдесят копеек. Сосед дал рубль. Таксист говорит: «Что вы мне даете? Это только тридцать копеек». Сосед протянул еще рубль, а таксист недовольно: «Хорошо, это по счетчику, а на чай?»

«Безобразие! — рассуждал Алестро, направляясь к машине.— Нет, уж я буду принципиален. Сколько покажет счетчик, столько и заплачу. А если таксист будет требовать еще, я и слушать не стану. Какое мое дело, что его сынок берет частные уроки английского языка! Или его жена ходит в туфлях на платформах...»

С этими мыслями Алестро втиснулся в такси и сразу же уставился на счетчик.

«Интересно, какие доводы приведет таксист,— продолжал размышлять Алестро, раскачиваясь на сиденье,— может, он скажет, что его машина стояла десять дней в ремонте и он не заработал ни копейки... Все равно заплачу только по счетчику».

Алестро еще раз бросил взгляд на счетчик. На нем была цифра «40».

«Подумать только! Почти через весь город проехал, и всего сорок копеек. Мудрец, кто придумал такси!»

— Вам вниз или вверх? — спросил водитель, притормаживая у развилки.

— Вверх!

— Вверх не поеду. Мотор перегружается, покрышки изнашиваются.

«Какое мое дело до покрышек и мотора! Все равно сверх счетчика не дам ни копейки!» — подумал Алестро, а вслух сказал:

— Хорошо, за подъем доплачу!

— Сразу видно приличного человека! — изрек водитель и единым духом взлетел на подъем.

Когда машина остановилась у дома Алестро, на счетчике было шестьдесят копеек.

Алестро порылся в кошельке, но, как назло, кроме трехрублевой бумажки, в нем ничего не было.

— Сдачу! — сказал Алестро, протянув три рубля.

— Пожалуйста, генацвале,— сказал таксист и вручил шестьдесят копеек.

— Сдачу,— вежливо повторил Алестро.

Лицо таксиста перекосилось, как на полотне художника-абстракциониста.

«Сейчас он мне скажет: крохобор,— быстро промелькнуло в мозгу у Алестро,— я ему отвечу: выжимала. Он мне скажет: комбинатор, я ему отвечу: подлец. Он подобьет мне глаз. Я закричу. Его сволокут в милицию. Я дам показания, а затем вернусь домой в автобусе.

Моя жена со свойственной ей хозяйственностью подсчитает, что я потерял две пуговицы от пальто — шестьдесят копеек, две пуговицы от пиджака — сорок копеек, пять пуговиц от брюк — пятьдесят копеек, одну подметку — два рубля. Итого расход — три рубля пятьдесят копеек. Таксист дал мне сдачи шестьдесят копеек. Таким образом, я имею чистый заработок от поездки в такси — один рубль десять копеек. За что же я сержусь на него?»

Все это пронеслось в мозгу Алестро за несколько секунд.

Он гордо бросил:

— Спасибо!

Таксист выскочил на улицу и открыл перед ним дверцу машины.

«Как это все-таки важно,— подумал Алестро,— сделать быстрый и точный расчет...»

Авторизованный перевод с грузинского Н. ЛАБКОВСКОГО.

недостаточно. В колхозе имени Ильича работники прокуратуры, суда и милиции выступали редко. На эти недостатки строго указано районному прокурору и начальнику районного отдела внутренних дел.

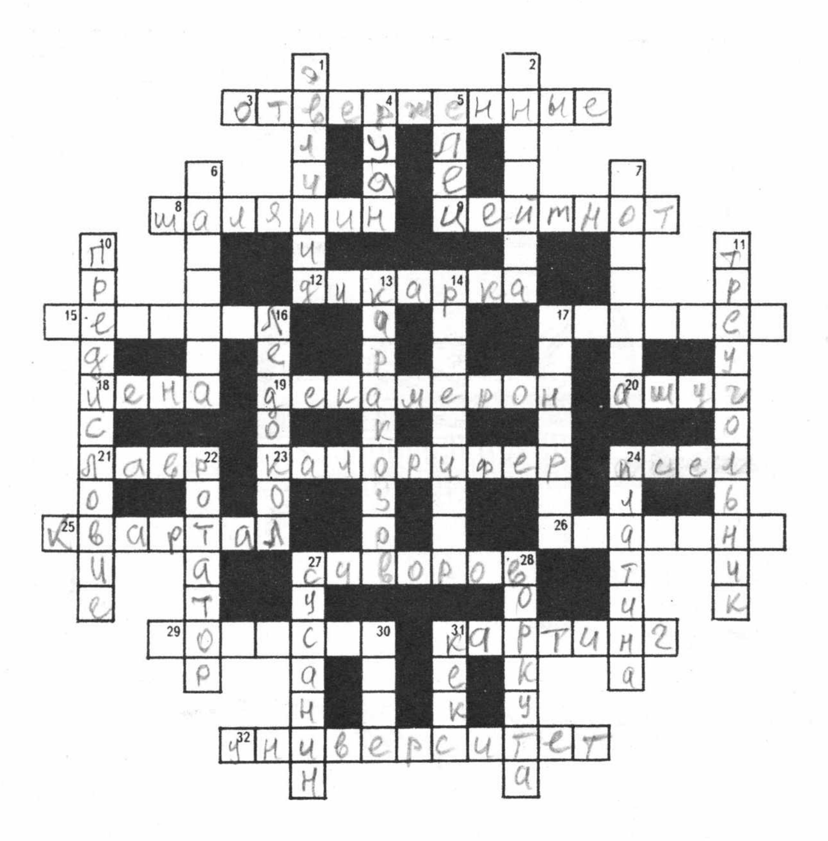
Редакция получила письмо секретаря Лозовского горкома КПУ тов. М. Полешко.

Бюро горкома партии отметило, что партийным комитетом, правлением и профсоюзной организацией колхоза не все делается для борьбы с пьянкой и нарушениями трудовой дисциплины. Недостаточно уделяют внимания этим вопросам первичные партийные организации и в городе и в районе, работники прокуратуры и других административных органов.

За все эти недостатки в работе следователю прокуратуры тов. А. Ф. Краснокутскому, председателю колхоза имени Ильича тов. Д. П. Шкуренко и бригадиру тов. Н. И. Пинчуку бюро горкома партии объявило строгие партийные взыскания и указало прокурору района тов. Н. А. Костяному, секретарю парткома колхоза имени Ильича тов. Л. Ф. Белецкому и председателю местного комитета профсоюза тов П. К. Кравченко.

Бюро горкома предложило руководству колхоза имени Ильича и прокурору района принять незамедлительные меры по устранению указанных в статье недостатков. Намечено проведение ряда мер, направленных на выполнение постановления ЦК КПСС о мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма.

Пришло письмо и от заместителя прокурора УССР государственного советника юстиции III класса С. Скопенко. Он сообщает, что прокурором Харьковской области объявлен выговор следователю тов. А. Ф. Краснокутскому и указано прокурору района тов. Н. А. Костяному за формальное отношение к подготовке ответного письма матери погибшего, за неполно произведенную проверку обстоятельств смерти П. Жовтенко, за то, что оставлены были без внимания причины, условия, способствовавшие его гибели. Вопрос этот был обсужден и на совещании работников прокуратуры Харьковской области.

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Роман В. Гюго. 8. Великий русский певец. 9. Недостаток времени в шахматной игре. 12. Пьеса, написанная А. Н. Островским совместно с Н. Я. Соловьевым. 15. Государство в Западной Африке. 17. Драматическая поэма Дж. Байрона. 18. Денежная единица Японии. 19. Сборник новелл Д. Боккаччо. 20. Поэт — певец и музыкант у кавказских народов. 21. Вечнозеленое дерево или кустарник. 23. Прибор для нагревания воздуха. 24. Приток Днепра. 25. Часть отчетного года. 26. Млекопитающее отряда китообразных. 27. Русский полководец. 29. Актер, играющий в кинокомедии «Верные друзья». 31. Гонки на автомобилях малых размеров. 32. Высшее учебное заведение.

По вертикали: 1. Древнегреческий драматург. 2. Птица семейства фазановых. 4. Административный центр во Франции. 5. Промысловая рыба. 6. Столица Никарагуа. 7. Сушеный виноград. 10. Вступительная часть литературного произведения. 11. Геометрическая фигура. 13. Советский кинорежиссер. 14. Рассказ А. П. Чехова. 16. Судно специального назначения. 17. Остров в Средиземном море. 22. Аппарат для размножения рукописей, схем. 24. Металл. 27. Герой оперы М. И. Глинки. 28. Город в Коми АССР. 30. Озеро в Вологодской области. 31. Кондитерское изделие.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 49

По горизонтали: 5. «Саша». 6. Обер. 7. Полифония. 12. Гренада. 13. Глазурь. 14. «Школа». 16. Рыбинск. 17. Лауреат. 18. «Золушка». 20. Чианури. 22. Лайка. 25. Гладков. 27. Гварани. 28. Навигация. 29. Кафе. 30. Коса.

По вертикали: 1. Стахова. 2. Крекинг. 3. Василек. 4. «Колокол». 8. Весы. 9. Завирушка. 10. Патронташ. 11. Куба. 14. Шквал. 15. Алыча. 19. Оран. 21. Реал. 23. Архимед. 24. Косатка. 26. Вратарь. 27. Глиссер.

На первой странице обложки: Товарищ Ю. Цеденбал вручает Золотую звезду почетного гражданина МНР товарищу Л. И. Брежневу.

Фото А. Гостева, специального корреспондента «Огонька».

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: **Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.**

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 18/XI—1974 г. А 00677. Подписано к печ. 3/XII—1974 г. Формат 70×108[1]/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2687. Тираж 2 070 000 экз. Заказ № 3042.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

В московском Театре имени Гоголя премьера — пьеса Т. Колесниченко и В. Некрасова «Рок-н-ролл на рассвете». На сцене — сегодняшняя Америка. Страна сложная, противоречивая. Эту ее сложность и авторы и театр нисколько не упрощают, не рисуют все только двумя красками: черной и белой. В этом — первая удача пьесы и спектакля в целом.

В современных Соединенных Штатах многие задумываются над тем, куда и как дальше идти стране. Особенно волнует эта проблема американскую молодежь. Потому вовсе не случайно главные герои пьесы — юноши и девушки, студенты Нью-йоркского университета. Они ищут свое место в жизни, идя навстречу многим враждебным ветрам. Им нетрудно оступиться и стать или преступниками, или наркоманами, или авантюристами левацкого толка. Есть и иной выход — стать добропорядочными буржуа. Но герои пьесы находят свой путь. Они вливаются в ряды тех американцев, которые борются против войны, за мир и дружбу между народами. Их путь к правде непрост, они приходят к ней не без потерь, им еще многое предстоит. Но цель становится им яснее.

РОК-Н

Фото А. Бочинина.

И характеры других героев выписаны авторами не однозначно. За исключением отпетых подлецов, которых в пьесе явное меньшинство, действующие лица размышляют, ищут выход из тупика, сомневаются в устоявшихся, привычных понятиях.

Хочется отметить дружную, можно сказать, вдохновенную игру актерского ансамбля, бесспорными лидерами которого являются Л. Кулагин в роли студента Стива и заслуженный артист РСФСР Ю. Левицкий в роли Као-Янга, хозяина ночного клуба. Кстати, этот персонаж еще раз подтверждает нашу мысль о том, что авторам удалось отобразить американскую действительность весьма емко: Као-Янг — одновременно и гангстер и идеологический диверсант левого маоистского толка с красным цитатником в руках — весьма характерная современная фигура. Потому она здесь и появилась.

Пьеса поставлена заслуженным деятелем искусств РСФСР, главным режиссером театра Борисом Голубовским. Поставлена с большой выдумкой, по-современному, с хорошим вкусом и чувством меры. В спектакле много музыки и выразительной пластики, оригинальных находок постановщика. Лаконично и строго решено оформление спектакля художником Э. Стенбергом в полном соответствии с замыслом пьесы.

В. Дмитриев

-РОЛЛ НА РАССВЕТЕ

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663

Б. Кукулиев.
«РУСЛАН И ЛЮДМИЛА»

П. Баженов. «СКАЗКА О ЦАРЕ САЛТАНЕ»

И. Баканов. «ЗОЛОТОЙ ПЕТУШОК»

